

63.3(2Рос-4Тул)

Г 52

Е. ГЛАГОЛЕВА

14

РУССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ СТАРИНА

*224136

63.3(2Рос-4ТУЛ)

Г52

О. Е. ГЛАГОЛЕВА

РУССКАЯ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ
СТАРИНА

Очерки культуры и быта
Тульской губернии
XVIII – первой половины XIX вв.

ТУЛА
ИРИ "РИТМ"
1993

Местный отдел _____ бий.
_____ экземпляр

63,3 (2Р-4Тул)

~~8/с/И/с/132~~

Г59

РЕЦЕНЗЕНТ

доктор филологических наук, профессор Г. И. Лубянская

Автор книги выражает искреннюю признательность администрации г. Тулы и городскому комитету по культуре и историческому наследию за моральную поддержку, за выделение средств на издание этой книги, за содействие исследованиям и изданию новых книг о культуре и историческом прошлом Тульского края.

Глаголева О. Е.

Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII — первой половины XIX вв. — Тула: 1993. — 208 с., илл. 65

Для оформления использованы материалы Тульского областного краеведческого музея, Государственного архива Тульской области, Тульской областной универсальной научной библиотеки им. В. И. Ленина, Тульского областного художественного музея, открытки из частной коллекции Н. И. Глаголева, фотографии А. И. Наумова, С. Д. Ошевского.

В книге кандидата исторических наук О. Е. Глаголевой раскрываются неизвестные страницы культурной жизни русской провинции в XVIII — первой половины XIX вв. На материалах Тульской губернии автор дает описание провинциальных городов России; рассматривая историю развития образования, литературы, науки, театрального и музыкального искусства, раскрывает различные стороны духовной жизни русского человека. Отдельная глава посвящена дворянским усадьбам как культурным центрам. В книге приводятся интересные сведения о вкладе в развитие культуры русской провинции ученого и писателя А. Т. Болотова, просветителя и издателя П. С. Батурина, создателя музыкальной артели А. А. Бульгина, хозяйки известного литературного салона А. П. Елагиной, писателей и славянофилов П. В. и И. В. Киреевских, А. С. Хомякова, поэта В. А. Жуковского и др. Завершает книгу очерк быта различных сословий дореволюционной России. Книга является продолжением работы того же автора «Тульская книжная старина. Очерки культурной жизни XVIII — первой половины XIX вв.» Тула, 1992.

Книга рассчитана на историков и литературоведов, краеведов, преподавателей истории, литературы и культуры, всех интересующихся русской историей и культурой.

ISBN 5—85377—011—X

© Глаголева О. Е., 1993
© ИРИ «Ритм», 1993

Тульская областная
универсальная
научная библиотека

Инд 247367

ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Н. М. Карамзин
«История государства Российского»

Общий характер эпохи и банальные бытовые подробности частной жизни, драматизм исторических и обыденность повседневных событий лучше всего передаются документами того времени, в которое мы хотим заглянуть, — газетами, деловыми бумагами, хозяйственными заметками, пожелтевшими и почти истлевшими листочками писем и дневников. Вчитываясь в них, мы попробуем понять, какой же была жизнь в Тульской губернии 200 лет назад, как выглядел человек той далекой эпохи, чем были заняты его мысли и душа. И как он изменился к середине XIX в. И еще очень важно разобраться, чем отличалась жизнь в Тульской губернии от жизни в других краях и что было общего, закономерного для русской провинции, а то и в целом для страны.

В XVIII в. своих газет в Тульской губернии еще не было, только в 1838 г. стали выходить «Тульские губернские ведомости». А столичные издания, петербургские и московские, не так уж часто помещали материалы из провинции: не было специальных «собкоров» по губерниям, да и кому было так уж интересно, что там происходило где-нибудь в Венеции или Крапивне, когда все взоры были устремлены на Санкт-Петербург и Москву, когда газеты печатали сообщения из Парижа и Лондона, Персии и Индии, Америки и Африки.

Из Алжира, например, пришли в Россию известия от 30 ноября 1773 г.: «Находящиеся в соседстве нашего города Арапы, — писал известный корреспондент «Санктпетербургских ведомостей», — недавно опять взбунтовались. Константинопольский Бей с корпусом своего войска, учинив на них нападение, разбил их и прислал сюда 60 их

голов, 400 пар ушей и 50 пленников»¹. Конечно, такое сообщение волновало воображение читателей сильнее, чем описание происшествий в провинции собственной страны. Однако, и среди редких вестей из глубинки встречались любопытные для современников и чрезвычайно интересные для нас, потомков.

В 1778 г. «Санктпетербургский вестник» поместил «Письмо из Тулы от 1 Мая», в котором говорилось об открытии в Туле при Староникитской церкви первой публичной библиотеки в русской провинции². Событие замечательное, из совершенно новых, неизвестных, но так сильно повлиявших на развитие русского общества! А спустя несколько лет «Московские ведомости» писали о том, что «в городе Туле в лавке у купца Ивана Тимофеевича сына Неврева, сидящего в Красном ряду, имеются разные Российских новейших изданий книги...»³. Это была первая известная нам книжная лавка в городе.

Но столичные газеты помещали и не столь значительные известия, касавшиеся тульского края. Так, в 1774 г. в «Санктпетербургских ведомостях» объявлялось следующее: «Француженке женщине или девице, желающей ехать для обучения детей в деревню к дворянину в Ефремовском уезде от Москвы в 270 верстах, ради условия в цене явиться в дом военной коллегии к обер-секретарю Филипу Ивановичу сыну Ярцову, стоящей на Васильевском острове в 8 линии между большой и малой перспективами»⁴. А в журнале «Библиотека для чтения» в 1853 г. появилось и вовсе экзотическое сообщение: «В болотах около Одоева нередко находили кости мамонта, и теперь еще в главной овощной лавке города продаются зубы этого допотопного слона по 3 руб. серебром за штуку»⁵.

Случалось, однако, что появлялись и вполне серьезные и обстоятельные публикации о провинциальной жизни. Журнал «Москвитинин» в 1843 г. поместил в трех номерах целое сочинение под названием «Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям». Под инициалами «Н. А.», которыми были подписаны статьи, скрывался известный тульский историк-краевед Н. Ф. Андреев. Он с большой любовью и в то же время некоторой иронией описал нравы и быт жителей Тулы, рассказал о туляках-писателях и общественных деятелях⁶.

Иногда, чуть приоткрыв завесу веков и заглянув в душу наших прадедов, мы понимаем их и восхищаемся ими. Отраднo читать такие строки: «...гость сей был самый ближний нам родственник... и я нашел в нем человека хотя молодого, но знающего немецкий язык, охотника до наук и художеств и при том отменно любопытного. С таким человеком не долго было мне сдружиться. Мы проговорили с ним весь вечер о книгах и о прочем, и разговоры о том заняли нас так много, что мы и легши спать продолжали оные и почти всю ночь не спали: ибо ему хотелось весьма многое знать, и он многие знакомые мне ве-

щицы не только слушал с отменным вниманием, но даже записывал у себя в записной книжке»⁷. Этот ночной разговор двух любителей «наук и художеств» происходил в глухой деревне, в 1771 г., что кажется почти невероятным. Правда, один из них — будущий известный ученый, член русской и европейских академий наук, родоначальник отечественной агрономической науки Андрей Тимофеевич Болотов, но в момент разговора его будущее признание в научном мире еще далеко впереди, ему всего 33 года (а он проживет 95 лет). Его собеседником же является и вовсе никому не известный молодой провинциальный дворянин Николай Григорьевич Арцыбашев. И подобных им людей было немало вокруг: к Болотову постоянно приезжали друзья, соседи-помещики, с которыми ему было приятно проводить время в «ученых» разговорах, чтении книг.

Но в людях XVIII столетия можно подметить и другие черты, вызывающие у нас улыбку или недоумение. Тот же Болотов приехал в 1784 г. в имение наместника Тульской губернии М. Н. Кречетникова и застал там многочисленное общество. Среди прочих гостей была фаворитка наместника Н. А. Вельяминова со своим мужем. Болотов так записал свои впечатления от этой встречи: «...насмотрелся я довольно сей госпоже, игравшей тогда важную роль, и не мог довольно начудиться ее мужу, не чувствующему ни малейшего оттого стыда, что носил почти только звание мужа, и жертвующему женою своею в угодность сему вельможе. Но не столько удивителен был мне он, сколько отец сей госпожи. Он был [господин] Бунин и служил тогда городничим в городе Белеве, где наместник и познакомился с сим семейством. Гонорили, что будто бы и сам отец и мать сей госпожи, бывшей тогда девушкою, поспешествовали сами такому знакомству дочери своей с наместником, и единственно для того, чтоб пользоваться его милостью. И дабы можно было ему ее иметь всегда у себя в близости, то и выдана она была за молодого человека, из фамилии Вельяминовых, которого наместник по самому сему случаю произвел в люди и который, находясь при нем в должности советника правления, играл также тогда важную роль»⁸. Особую пикантность ситуации придает то обстоятельство, что мы хорошо знаем, о ком здесь идет речь: Афанасий Иванович Бунин, белевский городничий, был отцом В. А. Жуковского, а Наталья Афанасьевна Вельяминова была сводной сестрой поэта, оказавшей большое влияние на него в юности. Муж Натальи Афанасьевны Николай Иванович Вельяминов дослужился до чина тульского вице-губернатора. Да, нравы века XVIII были немногими, нежели наши.

Сохранились сведения и о довольно курьезных случаях: один помещик, «будучи в Тамбове воеводою, попался... в какую-то большую беду, от которой, находясь потом в отставке, не мог иным отделаться, как объявив себя умершим, которое обстоятельство причиною тому было, что ему нельзя было никуда показать глаза». Об этом мы вновь

узнаем из мемуаров «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738—1795»⁹.

Во второй половине XVIII в. произошло в Тульской губернии совсем необычное дело: выборы крестьянами себе... помещика! А случилось это так: в селе Богучарове, что под Тулой, проживал богатый помещик Кирилл Иванович Хомяков. Под старость он овдовел и потерял единственную дочь, оставшись без наследника. Сильно печалился старик, но одновременно думал и о том, как бы после его смерти крестьяне его не попали к «худому» помещику. И решил старый помещик созвать своих крестьян и поручить им самим выбрать себе будущего барина, с одним только условием, чтобы был он из рода Хомяковых. Крестьяне послали ходяков по Тульской и соседним губерниям и вскоре на общем мировом сходе объявили, что выбрали себе в помещики молодого небогатого сержанта гвардии Федора Степановича Хомякова, двоюродного племянника своего барина, с которым тот не был знаком. Встретившись с ним, К. И. Хомяков одобрил выбор крестьян и назначил его своим наследником. Новый помещик оказался добрым и рассудительным человеком, хорошим хозяином¹⁰.

В силу сложившихся стереотипов у нас бытует мнение о совершенной неразвитости культурной жизни в провинции в далекие годы XVIII — первой половины XIX вв. И неожиданными являются вот такие строки из письма молодого дворянина своему отцу из Тулы: «Сидевши вчера большую часть вечера у доброго, любезного и почтенного своего начальника Ивана Ивановича я вместо *обыкновенного театрального времени* [курсив мой — О. Г.] провел оное не менее приятно в разговорах о всякой всячине и о многих важных материях...»¹¹. Не будем вводить читателя в заблуждение, это, конечно, не обычный молодой человек, отправившийся из родной деревни на службу в губернский город; это написал в 1796 г. Павел Болотов, сын одного из самых образованных людей XVIII в. Однако, для нас чрезвычайно важно, что он пишет об «обыкновенном театральном времени». Не в Петербурге, не в Москве, а в Туле конца XVIII столетия!

Итак, какой же была Тульская губерния, как шло ее развитие и как там жили люди?

Книга, которую Вы, дорогой читатель, держите в руках, является продолжением ранее изданной книги «Тульская книжная старина. Очерки культурной жизни XVIII — первой половины XIX вв.» (Тула, 1992), в которой автор сделала попытку проследить развитие культурной жизни Тульской губернии через историю книги. Здесь же рассматриваются другие стороны культурного процесса: духовная жизнь ее жителей показана в главе о развитии образования, науки, литературы, театра и музыки; очерк истории дворянских усадеб воссоздает атмосферу старинных культурных гнезд; быт, праздники, обряды и

обычаи различных сословий представлены такими, какими видели и воспринимали их современники; все эти элементы культурной жизни даны на фоне экономического состояния губернии и облика ее городов. Автор полагает, что именно в XVIII и первой половине XIX вв. были заложены те основы русской культуры, которые предопределили ее последующее развитие, обусловили культурный уровень дней сегодняшних.

Автор благодарит всех, кто бескорыстно помогал ей в написании и издании этой книги, особенно сотрудников Тульского областного краеведческого музея, Государственного архива Тульской области, Тульской областной универсальной научной библиотеки, районных музеев Тульской области.

ГЛАВА I

Тульская губерния в конце XVIII — первой половине XIX вв.

История Тульской губернии не так древня, как мир, и дела ее жителей не так важны, как дела всего Русского народа; но люди и земля этой губернии, волею и неволею, втерлись в Русскую историю, и как участники ее дел, радостно живут в народной памяти и важно говорят в книжных сказаниях.

И. П. Сахаров
«Общественное образование Тульской губернии»

Расположенная в самом центре европейской России, Тульская губерния была учреждена в ходе административно-территориальной реформы правительства Екатерины II указом от 19 сентября 1777 г. Она входила в состав Тульского наместничества и делилась на 12 уездов: Алексинский, Богородицкий, Веневский, Епифанский, Ефремовский, Каширский, Крапивенский, Новосильский, Одоевский, Тульский и Чернский¹. С востока Тульская губерния граничила с Рязанской и Орловской губерниями, с севера — с Московской, с запада — с Орловской и Калужской, с юга — с Орловской губернией. Атлас Тульского наместничества, составленный в Туле в 1784 г., отмечал, что величина губернии «по прямой линии от севера к югу простирается на 217, от востока к западу на 189 верст, в окружности имеет до 650 верст»². Площадь губернии равнялась 27204,4 кв. верст или 30960 кв. км³ (сейчас площадь Тульской области немного меньше — 25,7 тыс. кв. км, так как Каширский район теперь отошел к Московской области, а Новосильский — к Орловской).

В 1782 г. в Тульской губернии проживало 438196 мужчин. Во время ревизий — прототипов современных переписей населения — учитывалось только количество «душ мужского пола», женщины состояли при главе семейства — муже или отце — и в расчет не брались. Но надо полагать, что женщин было не меньше мужчин, а примерно столько же, поэтому можно смело сказать, что всего в Тульской губернии в конце XVIII в. проживало не менее 1 млн. человек. К середине следующего столетия жителей в тульском крае стало еще больше, около 1 млн. 200 тыс. (см. табл. 1). Подавляющее большинст-

во населения, как и по всей России в то время, составляли крестьяне, причем помещичьи, однако немало было и государственных крестьян. В 1784 г. в губернии было всего 850 дворянских фамилий; дворяне составляли менее 1 % населения даже в середине XIX в. Представителей духовенства было несколько больше, они составляли примерно 1,5 % населения, что было обычно по тем временам. В силу заметного развития в Тульской губернии промышленности и торговли с конца XVIII в. стало расти городское население: оружейники, мещане, купцы — но и их общее количество среди всех жителей губернии было невелико⁴.

Главную роль в экономике губернии по числу занятых рабочих рук играло сельское хозяйство. Почва в губернии была весьма разнообразна, так как тульский край находился на границе между черноземными и нечерноземными землями. В южных и юго-восточных уездах преобладал чернозем, а в северо-западных — глинистые, песчаные и сероиловатые почвы. Губерния уже тогда отличалась очень высоким процентом распаханности земель и крайним недостатком лесов и лугов. Поэтому ведущая роль в сельском хозяйстве принадлежала хлебопашеству, а скотоводство было не очень развито. Самым простым способом получения помещиками с крестьян дохода была барщина, она и преобладала в губернии, что было естественно при наличии хороших земель. Барщина не была ограничена определенным количеством дней в неделю, хотя в 1797 г. вышел «Указ о трехдневной барщине». Даже после выхода в свет Свода законов 1832 г., где указывалось, что крестьяне обязаны работать на помещика всего три дня в неделю, почти повсеместно помещики заставляли их выходить на барщину по четыре-пять дней в неделю, а некоторые — и все семь дней, оставляя им для работы на себя только ночь. К середине XIX в. деньги в жизни русского человека стали играть гораздо большую роль, поэтому резко увеличилось количество крестьян, переведенных на оброк.

Оброк в Тульской губернии был выше, чем в других губерниях центра России, и составлял к середине XIX в. в среднем 9 руб. 27 коп. с души (в других районах в среднем по 8 руб. 19 коп.). Объяснялось это высокой степенью развития в Тульской губернии промышленности и кустарно-ремесленных промыслов, близостью других промышленных центров (например, Москвы), наличием оживленных дорог и водных путей, что в целом благоприятствовало получению крестьянами побочных заработков. Многие помещики предпочитали переводить своих крестьян на смешанные повинности, заставляя их часть времени работать на своих полях и в то же время платить денежный оброк.

Тяжесть барщины и высокий размер оброка, телесные наказания, зверства и убийства крестьян помещиками, широко распространенные на территории Тульской губернии (а это подтверждается обили-

ем следственных дел по обвинению помещиков в жестоком обращении с крепостными), приводили к крестьянским выступлениям За период с 1777 по 1860 г. в Тульской губернии зафиксировано 187 массовых волнений, охвативших 272 имения с населением свыше 43 тыс. крестьян мужского пола⁵.

«Военно-статистическое обозрение Российской империи» 1852 г. отмечало, что «почти все помещики Тульской губернии главную отрасль доходов от своих имений основывают единственно на земледелии, а на заводскую и фабричную промышленность смотрят как на дело второстепенное; крестьяне, как казенные, так и помещичьи, также с давнего времени исключительно занимаются хлебопашеством, а на ремесла и промыслы уделяют только свободное от полевых работ время; в некоторых уездных городах даже мещане посвятили себя земледелию; наконец, и купечество главные торговые обороты основывает на покупке и продаже хлеба, пеньки и других произведений сельской промышленности, — одним словом, Тульская губерния по преимуществу есть земледельческая... Но нельзя сказать, чтобы земледелие здесь поглотило другие роды промышленности: оно только занимает наибольшее число рук по губернии; вместе же с ним в городах, а частью и в селениях, процветает и мануфактурная промышленность»⁶.

Своеобразной чертой Тульской губернии являлось как раз то, что большая часть населения была занята в сельском хозяйстве, но место в экономической жизни страны определялось для губернии не сельским хозяйством, а высокоразвитой промышленностью. С XVII в. Тульская губерния стала основной металлургической базой страны. Здесь возникла первая в России доменная мануфактура — Городищенские железодельные заводы А. Виниуса (1632—1637). В 1712 г. в Туле был основан первый в России оружейный завод — крупнейшая мануфактура, в 20-х гг. XVIII в. объединявшая 1161 оружейника⁷.

Тульская промышленность возникла и развилась из кустарно-ремесленных промыслов. Производство железа и изделий из него занимало главное место среди тульских промыслов. Кузнецы, образовавшие в конце XVI в. особую кузнечную слободу в Туле, пользовались рядом привилегий. Из казенных кузнецов в конце XVIII — первой половине XIX вв. вышли многие богатые предприниматели.

К концу XVIII в. в Тульской губернии была хорошо развитая промышленность и процветающие кустарно-ремесленные промыслы. Центром промышленности губернии была Тула. И если в 1775 г. в Туле было 57 фабрик и заводов, то к середине XIX в. их стало уже 141, а во всей губернии — около 290 (см. табл. 2).

Автор «Топографического описания Тульской губернии» 1824 г. указывал на существование в Туле 75 фабрик и заводов, но добавлял: «Сверх сих фабрик в редком мещанском и оружейном доме не делают

каких ни есть вещей, как-то: охотничьи ружья, пистолеты, шпаги, столовые и перочинные ножи, ножницы, печати, разные машинки для дамских рукоделий и всякого рода стальные и железные вещи, служащие как для пользы, так и для украшения, что и составляет главный промысел жителей низшего сословия, лавки в Туле наполнены сими вещами, значительное количество отправляют их в другие города и на ярмарки для продажи»⁸.

В середине XIX в. в губернии насчитывалось уже 290 фабрик и заводов, причем половина из них находилась в Туле. На всех промышленных предприятиях губернии работало около 20 тыс. человек или 3,5 % всех мужчин. В Туле на одном только оружейном заводе работало 9 тыс. человек, что составляло около третьей части всего мужского населения города (30045 чел.)⁹. Если к этому числу прибавить половину рабочих всех остальных фабрик и заводов губернии, то получится, что на промышленных предприятиях Тулы работало около половины мужчин города.

Привилегированное положение казенных оружейников (освобождение от подушной подати, рекрутской повинности, постоя и др.) делало их жизнь несколько легче, чем жизнь крепостных крестьян. Рабочих жестоко наказывали за малейшую провинность — невыполнение нормы, плохое поведение, некачественную работу, — но это все-таки было несравнимо терпимее, чем полная власть помещика над жизнью крестьянина. Тульские оружейники считались особенно выгодными женихами в губернии, так как их не могли забрать в солдаты. Поэтому в Туле было относительно небольшое количество городских волнений и выступлений. В отличие от крестьянских волнений, где часто имели место физические расправы с помещиками, поджоги барских усадеб и т. п.¹⁰, городские выступления и, прежде всего, выступления тульских оружейников носили более «легальный» характер, принимали форму жалоб, просьб, единичных побегов¹¹.

Бурно в это время шло развитие торговли. К середине XIX в. в губернии насчитывалось более 9 тыс. купцов. Самыми крупными торговыми центрами были города Тула и Белев, причем в последнем проживало даже больше купцов. Объяснялось это тем, что Белев был крупной пристанью на Оке, через которую из губернии вывозились хлеб и пенька¹². Развитию торговли Тульской губернии способствовало наличие развитой сети дорог и водных путей. Говоря слова «развитая сеть дорог» мы, конечно, должны помнить, что речь идет о дорогах грунтовых или, в лучшем случае, мощеных, которые делались малопроезжими весной и осенью. И все же само наличие большого количества дорог имело важное значение.

В 1770-х гг. по Тульской губернии проходило 5 главных дорог. А в начале XIX в. в губернии считалось уже 7 главных почтовых трактов и 4 побочных. Трактами в России назывались улучшенные грунтовые

дороги, соединявшие важные населенные пункты; на них имелись постоянные дворы, и расстояние отмечалось верстовыми столбами. Главные дороги с твердым покрытием, т. е. мошениые, носили название шоссе. К середине прошлого века сообщение в губернии шло по 1 шоссе, 6 почтовым, 6 торговым и 13 проселочным дорогам. Дороги расходились от Тулы во все стороны, соединяя губернский город со всеми уездными городами и близлежащими губерниями. Главной дорогой губернии было Тульско-Орловское шоссе, проходившее через Тулу от Москвы на юг европейской России, — важнейший коммерческий путь страны. Движение по нему было оживленным круглый год. Главной водной магистралью была река Ока, по которой внутренние губернии России соединялись с востоком и югом страны. Тульские купцы, вывозившие из губернии хлеб, сельскохозяйственные продукты, предметы кустарно-промышленных промыслов, торговали в Москве, Петербурге, Калуге, Орле, Харькове, Риге, Нижнем Новгороде и других городах¹³.

Среднестатистический житель Российской империи на рубеже XVIII—XIX вв. тратил на покупки около 17 копеек в год. В то же время обыкновенное парадное платье царского фаворита Потемкина стоило 200 тыс. рублей¹⁴. Столь незначительная цифра расходов на покупки в среднем по стране объяснялась, в первую очередь, повсеместно распространенным феодальным натуральным способом хозяйствования, когда большинство населения продукты питания не покупало; но эта цифра говорила и о крайне низком жизненном уровне большей части жителей империи — тем более низком, что в нее включены умопомрачительные расходы царской семьи и богатейшего дворянства.

Из чего же складывались эти 17 копеек в год на душу населения? В 1800 г. было описано за долги имение тульского помещика, капитана артиллерии Семена Ивановича Пушина. Капитан в общем-то был богат, однако долгов наделал на тридцать семь с лишним тысяч рублей. Посему имение его было тщательно описано и пошло с молотка. Находилось оно в глухой деревне Каширского уезда Тульской губернии, помещик, вероятно, там постоянно не жил, поэтому имение было не в образцовом порядке, существовало на патриархальный лад прошедших времен. Барский дом был ветхим, деревянным, не очень большим, в пять комнат с девятью окнами и двумя сенями, поэтому оценен он был весьма скромно — в 25 руб. Обстановка дома тоже была проста и ветха: четыре деревянных стола «столярной работы», т. е. местного производства, не фабричные, оценили вместе, всего в 1 рубль, столько же стоили пять стульев, обитых черной кожей, а три простые односпальные кровати — и того меньше, всего 50 коп. В барском дворе стояли разные хозяйственные постройки: четыре людские избы по 10 руб. каждая, кухня — 15 руб., погреб и ледник — по 4 руб., конюшня — 10 руб., каретный сарай — 5 руб., ворота —

1 рубль. Имелась кое-какая скотина: корова за 4 руб., телушка 2-х лет за 2 руб., бык 3-х лет за 3 руб., овцы по 40—50 коп., свинья за 1 рубль, гуси по 25 коп., утки по 10 коп., индюшки по 30 коп. и куры по 5 коп. за штуку. У помещика было 149 душ крепостных крестьян и дворовых людей. Они тоже имели свою цену. Молодой мужчина 20—30 лет стоил от 70 до 100 руб., женщина того же возраста — всего 20—30 руб., мальчики, будущие работники, стоили почти столько же, сколько и их матери: 15, 30 и даже 40 руб., а девочки ценились гораздо ниже, всего в 5—10 руб. Страшно читать, что двадцатитрехлетнего мужчину можно было купить всего за 5 руб. только потому, что он был глухой и плохо видел, а слепая от рождения девушка и вовсе «оценке не полагалась», т. е. не стоила ничего.

Крестьяне, естественно, давали помещику «столовый запас», проще говоря, кормили его. Так вот, пуд свинины (примерно 16,4 кг), получаемый помещиком от своих крепостных, оценивался в 1 рубль, пуд баранины в 50 коп., десяток яиц в 10 коп. Но помещик всего этого вообще не покупал, ему это доставалось бесплатно. Довольно часто прикупалась земля, ее цена имела достаточно определяющее в хозяйственной жизни значение. В Тульской губернии земля стоила по тем временам немало: «добрая», т. е. плодородная, примерно по 10 руб. за десятину («хозяйственная» десятинка конца XVIII — начала XIX вв. была равна площади в 1,45 га), «средняя» земля по 5 руб., «плохая» — по 2 руб. за десятину.

Но такими были цены в деревне. В городе же все было немного дороже. Например, дом в Туле в приходе церкви Чудотворца Николая «что за валом» в Подьяческой улице (вероятно, на улице Жореса или где-то рядом), принадлежавший протоколисту Тульской дворянской опеки А. Кортукову, с тремя комнатами на первом этаже и двумя на втором стоил 101 рубль, а деревянный дом в Веневе с каменным крыльцом венежского купца Точилина стоил 220 руб.¹⁵ Это очень большие деньги для того времени!

Однако предметы непервой необходимости стоили дорого даже в XVIII в. Так, книга М. М. Щербатова «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства...», купленная лейб-гвардии полка поручиком, тульским помещиком Алексеем Исленьевым в Москве в 1774 г., стоила ему 1 руб. 60 коп.¹⁶

Итак, на рубеже XVIII—XIX вв. примерно за одну цену, предположим, 2 рубля, можно было купить четверть ржи (около 210 л), телку, плодовый сад с двадцатью яблонями, двухлетнюю девочку или одну книгу.

К середине XIX в. годовые траты жителей Российской империи стали гораздо выше. В Тульской губернии четверть пшеницы уже стоила от 5 до 7 руб., а пуд говядины от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 50 коп. Книги же стоили теперь даже до пяти рублей¹⁷.

Особенностью Тульской губернии было, конечно, ее расположе-

ние в самом центре России. Соседство с высокоразвитой Московской губернией, близость к Москве и сравнительная близость к Петербургу обеспечивали связь и с духовной жизнью столиц. Причем важно, что Тула была расположена ближе именно к Москве, этой неофициальной второй российской столице, где в отличие от казенного чиновничьего Петербурга проживали немного фрондировавшие дворяне, где отношения были несколько свободней, а мысли вольней. Богатая московская знать да и дворяне попроще нередко имели поместья в Тульской губернии, куда выезжали на лето. Ну а многие тульские дворяне на зиму уезжали в Москву, имели там собственные дома. Возвращаясь весною в свои поместья, они привозили с собой новые книги, знания, идеи, моды, столичные новости. Они не только обогащались духовно сами, но и просвещали своих родственников, соседей-туляков.

Тульские дворяне нередко получали образование в Москве, особенно до возникновения учебных заведений в Тульской губернии. Для дворян, не имевших домов в Москве, нередкими были поездки туда на праздники, в гости, во время которых посещались театральные представления, концерты, пополнялись новыми приобретениями книжные собрания. Тульские купцы бывали в Москве и Петербурге по делам торговли, мещане и крестьяне уходили в Москву и Московскую губернию для побочных заработков и тоже приобщались к особой столичной жизни.

Тула была центральным и главным городом губернии. Всего же в середине XIX в. в Тульской губернии насчитывалось 3979 «обитаемых мест»: 12 городов, 81 слобода, 4 слободки, 759 сел, 1103 сельца, 2005 деревень, 11 выселок, 3 хутора и 1 починок¹⁶. Какое разнообразие в названиях! Многие из них в наши дни уже не употребляются. Попробуем разобраться.

Ну, с городами все более или менее ясно. Это населенные пункты, жители которых занимались ремеслами, промышленным производством и торговлей. Занятия сельским хозяйством были для них делом второстепенным. Слободами в старину на Руси называли населенные пункты, жители которых были свободны от государственных повинностей; причем это могли быть сельские поселения, а кроме того так называли и отдельные части городов (например, Оружейная или Ямская слободы в Туле). В XIX в. так стали называть и большие села с несколькими церквями. А слободки — это, как правило, пригородные поселения или сельские поселения, непосредственно примыкавшие к городу. Селами в России называли большие поселения в сельской местности, в которых обязательно была церковь. В отличие от сел сельца были небольшими, как правило, включавшими одну помещичью усадьбу. Деревни бывали как большими, так и маленькими, но не имели церкви. Выселками назывались сельские поселения, все жители которых когда-то были выселены из какого-то другого насе-

ленного пункта. Хуторами считались обычно однодворные или, изредка, состоявшие из нескольких дворов поселения, располагавшиеся в стороне от другого жилья; они часто возникали при освоении новых земель. А починком называли вновь образовавшееся поселение сельского типа.

Посмотрим теперь, как выглядели города Тульской губернии в конце XVIII в. и как они изменились к середине следующего столетия. Не станем подробно описывать все изменения в архитектуре и социальной структуре городов, это с успехом сделали до нас¹⁹; посмотрим на города Тульской губернии глазами современников и дадим некоторые комментарии.

ГЛАВА 2

Описание городов Тульской губернии

Я любил свой родной город. Он казался мне таким красивым и теплым! Я любил эту зелень, тихие солнечные утра, звон наших колоколов...

А. П. Чехов
«Моя жизнь»

Зарос крапивой и бурьяном
Мой отчий дом...

И. А. Бунин

ТУЛА

Тула, главный город губернии, основанный, вероятно, в XII в. и служивший с XVI в. форпостом на южных рубежах русского государства, к XVIII в. утратила свое оборонительное значение города-крепости. Тульский кремль, возведенный в 1521 г., оставаясь центром города, сильно обветшал. Структура города, сложившаяся еще в XVII в., сохранялась и в последующее время, вплоть до сегодняшних дней. Известный писатель, уроженец Белевского уезда В. А. Левшин в своей работе, названной в традициях XVIII столетия «Исторические, статистические и камеральные известия, относящиеся до Тульской губернии», писал о Туле: «Город сей имеет три предместья: первое по течению реки на левом берегу около крепости [кремля], и называется Посадская сторона; второе на правом берегу Упы и называется Зарецкая сторона; третье на том же берегу против крепости, именуется Чулкова слобода»¹.

Город располагался по обе стороны реки, в низине, на топких болотистых местах. Дома приходилось укреплять бутом и насыпями, поэтому они выстраивались беспорядочно, в местах, где лучше удавалось укрепить грунт. В 1781 г. в Туле насчитывалось всего 84 каменных дома, 26 каменных лавок, остальные 3375 домов были деревянными. Во всех строениях проживало около 12 тысяч жителей². Частым явлением были пожары, уничтожавшие большое количество деревянных домов. Так, пожары 1779 и 1781 гг. истребили около 450 домов, почти седьмую часть всех городских построек.

Санитарное состояние города, построенного на болоте, было очень плохим. Отсутствовали мостовые, водопровод и канализация появились только в конце XIX в., кладбища находились в самом центре города, вокруг церквей. Это особенно сказалось во время эпидемии чумы в Туле в 1771 г., унесшей многие жизни и заставившей городские власти решить вопрос о вынесении кладбищ за городскую черту, в результате чего были организованы Всехвятское кладбище на Посадской стороне, Спасское в Заречье и Димитровское в Чулково³.

Жители районов, прилегающих к Упе, страдали от ежегодного разлива реки. Особенно сильные разливы наблюдались в 1800 и 1833 гг. Очевидец так описывал их: «В 1800 году, в апреле, чрезвычайное наводнение затопило все это пространство: по улицам ездили на лодках и плотках, а бедные жители спасались на чердаках домов своих и даже на кровлях, где прикрепляли к трубам люльки с детьми... В таком-то мучительном положении они провели три дня и три ночи! В 1833 году наводнение повторилось, но вода не заливала всего предместья. Кроме этих необыкновенных явлений, каждую весну жители его терпят немаловажные потери от воды, обильно разливающейся по улицам, примыкающим к луку, омываемому Упой»⁴.

Развитие промышленности, ремесел и торговли вело к увеличению городского населения, к росту городов. Общее развитие русской культуры, распространение в России во второй половине XVIII в. идей Просвещения, обращение русских взоров на Запад подготовили административно-территориальные реформы Екатерины II. В 1763 г. появился указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо». В 1775 г. страна была разделена на наместничества и губернии, а десять лет спустя появились еще один указ — «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», где прямо указывалось, что все города должны строиться только по утвержденному плану, иметь четкий, регулярный вид.

В государстве началась грандиозная перестройка городов. Безжалостно уничтожались старинные застройки, улицы спрямлялись, дома должны были строиться по определенным нормам: «чтоб все дома, в одной улице стоящие, до самого ея пересечения [другой улицей или площадью] в линию и не выступая крыльцами, в улицу одну сплошною фасадом и вышиною построенные были»⁵.

В 1777 г. было учреждено Тульское наместничество, а через два года был утвержден регулярный план города Тулы, который сохранил исторически сложившуюся структуру города (разделение на три части, ориентацию улиц на кремль), придав ей большую четкость, симметричность, радиально-кольцевой характер. Последствия этих двух событий были значительными для судьбы города; послушаем мнение современников на сей счет, хотя они, кажется, и сильно преувеличивали роль свершившегося. Об открытии наместничества А. Т. Болотов писал, что вся Тула готовилась «к тому важному и на веки досто-

памятному для сего города дню, который долженствовал переменить политическое его состояние и из прежнего провинциального и очень малозначашего города превратить в знаменитый губернской, или, как тогда называли, «наместнической» город, и положить всему будущему его благосостоянию первое основание. И подлинно, город сей, в сравнении тогдашнего его состояния с нынешним, ничего почти не значил и в течение протекших с того времени тридцати лет он так много во всем преобразился и произошло в нем много столь важных перемен, как в рассуждении красоты и порядка строений, так и других обстоятельств, что если б можно было воскресить ныне кого-нибудь из умерших в тогдашнее время, то он и не узнал бы его почти совсем, а почел бы его каким-нибудь другим городом»⁶.

Тулу легко было перестраивать по новому регулярному плану после опустошительных пожаров. Оставшиеся целыми дома безжалостно сносились, если они стояли не на «красной линии», улицы спрямлялись, возводились новые кварталы. Однако богатые люди нередко хотели сохранить свои дома. Мы не знаем точно, деньгами ли, дорогими ли подарками или особыми услугами, но некоторые владельцы сумели как-то спасти свои жилища, и вот в разных районах Тулы до сих пор стоят старинные каменные особняки, развернутые боком к линии улицы. Такой двухэтажный дом сохранился на ул. Свердлова (№ 73). Он был построен, вероятно, в 1760-х гг. в стиле провинциального барокко с изящными пилястрами, лопатками и «ушастыми» наличниками окон. Тот же тип богатого городского особняка второй половины XVIII в., построенного до перепланировки города, представляет собой дом № 9 по Советскому переулку. Он также сохраняет неповторимое очарование старинного барокко.

Современники отмечали заметные изменения в облике города, появление новых казенных зданий, украсивших центральные улицы города, и, в то же время, усилившуюся социальную дифференциацию населения, что также отразилось в застройке города и даже было законодательно закреплено. В. А. Левшин писал: «С открытия Губернии город начал выстраиваться по утвержденному плану и разделен на две главные части: левую сторону по течению Упы населяют одни только оружейники, а другую купцы, мещане и прочие жители города. Отменно украшают город построенные на большой же Киевской дороге [теперь пр. Ленина], по обе стороны, не в дальности от Киевских ворот два великолепные каменные в два жилья [т. е. этажа] квартала, помешающие в себе все Присутственные Места Губернского города и Казначейство. Самые Триумфальные Киевские ворота [находились на уровне современной ул. Л. Толстого] удовлетворяют вкусу и с своею на обе стороны внутрь города простирающеюся колоннадою и площадью, окруженною красивыми каменными домами, в которых помещены Тульская Губернская Гимназия, Воспитательный Дом и жилище городничего, дом, зависящий от Приказа Общественного

Призрения и прочие, служат к отменному великолепию и украшению города. Немалую красоту городу сообщает огромная каменная церковь, на городском кладбище построенная на холмистом возвышении, которая первая представляется глазам путешественника, с которой бы стороны он к городу ни подъезжал»⁷.

Лишь немногие из зданий, о которых писал В. А. Левшин в начале XIX в., сохранились до наших дней. Два из них образуют углы с двух сторон пр. Ленина на пересечении с ул. Пушкинской и представляют собой фрагмент целого архитектурного ансамбля, выстроенного в Туле в 80-х гг. XVIII в. в классическом стиле. По левой стороне проспекта, если подниматься от кремля вверх, расположилось здание областного суда. В нем и в прошлом веке был суд, заседания которого неоднократно посещал Л. Н. Толстой, работая над романом «Воскресение». Напротив, на правой стороне, размещалось губернское правление. Церковь, о которой писал Левшин, до сих пор служит одним из вертикальных ориентиров центральной части Тулы, это Всехсвятская церковь, строившаяся с 1773 по 1825 г., со стоящей рядом колокольней, выстроенной уже позже, в 1833—1863 гг., по проекту архитектора В. Ф. Федосеева. К сожалению, ни въездные ворота Киевской заставы, представлявшие собой внушительных размеров триумфальную арку, ни колоннада, ни здания гимназии, воспитательного дома и другие постройки тех времен до наших дней не дожили, на их месте сейчас располагаются здания, построенные в советское время.

Немного раньше Тула украсилась несколькими великолепными дворцами в стиле русского барокко, сохранившимися до наших дней, правда, с существенными перестройками. В 1760-х гг. тульский заводчик Ларион Лугинин построил для себя большой дом в самом центре города (теперь средняя часть здания Педагогического института им. Л. Н. Толстого на ул. Менделеевской). Во второй половине XIX в. здание перешло в ведение города, и в нем располагалась мужская классическая гимназия, а после революции — 2-я единая школа. Дом Лугинина был поставлен не на «красной линии» улицы, а немного в глубине квартала. Удачное архитектурное решение планировки здания и прилегающей территории было интересно отмечено историками в 1925 г.: «Обратите внимание на то, — писали составители пособия для экскурсий «По Тульскому краю», — как заботился строитель, составивший план усадьбы, о здоровье и удобстве тех, для кого он строил: дом удален от пыли и шума улицы и окружен большим, просторным двором, обнесенным очень красивой оградой с воротами. Теперь, когда в городе дорог каждый клочек земли, редко так думают о здоровье, но учащиеся 2-й школы и все обитатели бывшего дворца Лугининых, счастливо пользуются громадным резервуаром воздуха, не загроможденным постройками»⁸. И сегодня, несколько десятков лет спустя, мы можем с сожалением и завистью повторить слова авторов цитируемой книги.

Похожим образом была устроена другая городская усадьба в центре города — дворец крупных тульских купцов и промышленников Ливенцевых (в Денисовском переулке, теперь это одно из зданий Дворца пионеров), и сейчас сохранивший следы былой роскоши. Особенно прекрасны въездные ворота, построенные в стиле Растрелли.

Еще две богатые усадьбы выделялись внушительностью размеров и богатством отделки. Обе они располагались по другую сторону Упы и принадлежали Демидовым. Слава крупнейших заводчиков России, имевших около 60 металлургических предприятий, пошла с кузнеца Никиты Антюфеева или Антуфьева, носившего прозвище «Демидов» и основавшего в 90-х гг. XVII в. первый в Туле вододействующий железный завод на реке Тулице. Получившие за особые заслуги перед отечеством дворянское достоинство, Демидовы имели обширные земельные владения в Туле, в том числе в районе современных Оружейного переуллка, называвшегося раньше Демидовским, и Демидовской улицы, до недавнего времени носившей имя Володарского. На берегу Упы в 30-х гг. XVIII в. Демидовы выстроили богатый дворец. Дворец был роскошно отделан и обставлен. В 1779 г. он сильно пострадал от пожара, потом был восстановлен, но уже совсем не в прежнем великолепии. Уцелевшая от пожара часть дворца была продана крупному заводчику Баташеву; Демидовы к тому моменту уже прочно обосновались на Урале, имели дома в столицах. Позже здание было продано в казну и перестроено для дома председателей казенной палаты.

Другая усадьба Демидовых располагалась в непосредственной близости от завода на Тулице, на плотине Демидовского пруда. По сохранившейся описи 1779 г.⁹ там находилось два двухэтажных каменных жилых дома, хозяйственные постройки. Ни одно из этих зданий до наших дней не дошло.

Обе усадьбы Демидовых играли заметную роль в пышных празднествах по поводу открытия в Туле наместничества в 1777 г. В первом дворце останавливался тульский наместник генерал-губернатор М. Н. Кречетников, а во втором был дан бал для всего тульского дворянства, на котором присутствовало 900 человек. Об открытии Тульского наместничества мы расскажем позже.

В заречной части выделялся еще один дворец, возведенный уже после перестройки Тулы по генеральному плану по «красной линии» набережной Упы, — дворец Баташовых. В XIX в. в здании дворца располагалось военное училище, затем кадетский корпус, теперь там областная детская больница. К зданию в прошлом веке были сделаны пристройки, колоннада центральной части перестраивалась уже в нашем столетии.

Рядом с пышными дворцами, казенными зданиями, торговыми рядами находились и убогие домишки городской бедноты. Процесс урбанизации только начинался, поэтому внешний вид провинциальных

городов мало отличался от сельских пейзажей. Это привело в полный восторг русского путешественника Владимира Измайлова, проезжавшего через Тулу в 1799 г. и оставившего нам восторженное и очень идеализированное описание города, не лишенное, тем не менее, для нас интереса. Посмотрим же на Тулу глазами богатого столичного вельможи: «Я гулял около трех часов по городу. Лучшие здания в Туле театр, присутственные места, Воспитательный дом, Смирительный и проч. Церквей по пространству города довольно, как и во всех городах России... Вообще, Тула нравится тем, что все дома низенькие и светленькие и представляют образ счастливой посредственности. Но всего более пленился я тем, что из каждого уголка сего города, лежащего в долине между пригорков, видны цветущие зеленые поля, которые, переходя из возвышенности, перепоясывают горизонт венцом гор и лесов, из каждого уголка можно гулять глазами по прекрасному лугу, где пасутся стада по холмам, где рассеяны деревеньки по бережкам ручейков, которых кристальное течение сверкает в отдаленности, из каждого уголка можно одним шагом перейти от сцены города к сцене деревенской, и пленяться сим восхитительным разнообразием. Приятно, очень приятно иметь перед глазами сельские картины в недрах самого города, быть всегда близким к природе и к ней возвращаться»¹⁰. Действительно, можно только умиляться такой идиллии вместе с автором и грустить о невозвратности «кристальных» ручейков, однако, вряд ли эта картина была близка к действительности даже тогда.

В начале XIX в. город бурно развивался. В. И. Левшин в «Историческом, Статистическом и Камеральном описании городов Тульской губернии», опубликованном в 1807 г., писал, что «со времени открытия губернии в городе Туле как торговля, так и число жителей по крайней мере в десять крат увеличилось. По сим двум предметам Тула ныне представляет в числе других Губернских, знаменитый и многлюднейший город»¹¹.

В 1824 г. петербургский архитектор В. Гесте разработал новый план города Тулы, прирезав дополнительные площади вдоль его границ. Теперь территория города простиралась на левом берегу Упы до современных улиц Дм. Ульянова, Первомайской и Кауля. К городу примыкали две ямские слободы: одна по дороге к Москве, другая — с южной стороны города, по Орловской или Киевской дороге. По улицам разъезжали извозчики с номерами на плечах и стояли полицейские будки в виде домиков, с дремлющими около них часовыми с алебардами. Главные улицы города освещались масляными фонарями¹².

Огромный урон городу был нанесен двумя сильными пожарами 1834 г., уничтожившими почти половину городских домов, все деревянные и частично каменные строения оружейного завода. Особенно сильно пострадали оружейники, городская беднота. Пожар несколько изменил внешний облик города: был выстроен новый оружейный за-

вод, маленькие деревянные особнячки с колоннами и мезонинами в центре города сменились более основательными каменными домами с лавками и магазинами, каменные лавки появились вдоль стен кремля. Интересно, что назначение торговых лавок у кремля было строго определено: от Упы мимо Наугольной башни до башни Пятницких ворот, выходящей сегодня на ул. Metallистов, шли мясные ряды; от Пятницкой башни до угловой Спасской, расположенной на современной площади Челюскинцев, продавали свечи; далее до башни Одоевских ворот, смотрящих на площадь Ленина, шел ножевой ряд, где торговали не только ножами, но и другими изделиями тульских мастеров из металла; ножевой ряд несколько продолжался за башней Одоевских ворот и постепенно переходил в «Обжорный ряд», где продавались всевозможные продукты питания. От Никитской круглой башни вдоль современного Садового переулка лежало пространство, наполнявшее окружающие места зловонием: там были конюшни. Они располагались поблизости от тульской почтовой конторы на улице Почтовой, ныне Дзержинского. И сейчас пройдя по этой улице, мы увидим трехэтажный дом (№ 15), находящийся несколько в глубине двора, въезд в который охраняют прекрасные когда-то, а сегодня полуразрушенные старинные ворота в виде пилонов, состоящих из нескольких колонн, как бы собранных в пучок. Дом этот был построен в конце XVIII в. тульским городским головой, богатым заводчиком Иваном Ливенцевым и в 1804 г. продан им почтовому ведомству.

После пожара 1834 г. на месте конюшен был разбит бульвар с двумя рядами деревьев и цветочными клумбами, а в конце него, у реки, появилась обширная галерея — так называемый вокзал, т. е. место, где давались спектакли и устраивались балы. На Киевской улице, неподалеку от въездных ворот появилось новое здание пожарного депо с высокой каланчой, заканчивавшейся фонарем и шпилем, на который вывешивали разноцветные шары во время пожара¹³.

Одоевский помещик, масон А. Д. Тейльс, проезжая в 1830 г. из Москвы в Одоев, побывал в Туле и записал свои впечатления, позже снабдив их комментариями: «Г[ород] Тула выстроена по плану, в центре кремль с собором (в 1837 г. после пожара, стали кругом кремля обводить сад, а внутри лавки). Улицы сходятся все к кремлю. Киевская улица лучшая, и от заставы на кремль, особенно когда засветят фонари — вид прекрасный. Женский монастырь среди города, против кремля; выходящая на улицу теплая церковь монастырская, воздвигнутая теперешнюю игумению Кландиею. С Московской стороны широкая улица Миллионная [в советское время — Октябрьская], с своими стальными и ружейными магазинами, заселена приписными к заводу оружейниками, как и все слободы, ее окружающие, равно и Чулковская близ Заводской плотины с своею церковию Св. Дмитрия и чудотворною иконою. Торг: хлебом, салом, пенькою и железными, оружейными и самоварными изделиями. Большие красные

ряды. Оружейный завод и разные машины на оном, Арсенал и пр. славятся в России и за границу; теперь (в 1837) строят на прежнем месте новый завод, огромное сгоревшего в 1834 году»¹⁴.

Тульский оружейный завод был основан в 1712 г. по указу царя Петра I. После пожаров 1834 г. завод был значительно перестроен, что заняло несколько лет, и торжественный пуск нового завода состоялся 16 февраля 1843 г. Успенский женский монастырь, о котором писал А. Д. Тейлс, располагался в квартале между современными улицами Менделеевской, Тургеневской и площадью Ленина. Сегодня сохранилась Преображенская церковь монастыря, выходящая своим эффектным фасадом с дорических колоннами на красную линию бывшей Ломатинской (теперь Менделеевской) улицы. Церковь была построена в стиле русского классицизма по проекту талантливого русского архитектора В. Ф. Федосеева, и ее строительство было закончено в 1842 г. Теперь там располагается военно-морская школа. Рядом с Преображенской церковью стоит еще один храм Успенского женского монастыря — Успенский храм, выстроенный в начале нашего столетия на месте старого храма, существовавшего с XVIII в. Церковь Св. Дмитрия, сейчас действующая, была сооружена на Чулковской стороне, на самом берегу речки Тулицы после открытия кладбища, в 1795—1801 гг.¹⁵.

К середине прошлого столетия Тула опять заметно изменила свой облик. Генерального Штаба капитан Гвоздев, составивший в 1852 г. по Высочайшему повелению военно-статистическое обозрение Тульской губернии, с военной точностью и подробностями отметил в Туле середины XIX в. 7 площадей и 116 улиц и переулков. «Из площадей, — писал он, — ни одна не вымощена камнем; из улиц вымощены 47; но мостовые совсем весьма дурны, несмотря на значительные издержки при беспрестанных их починках [надо же, и сто лет назад те же проблемы!] Большая часть площадей остается без всякого употребления и пользы для города... Из улиц первое место занимает Киевская... улица эта прямая и широкая, обстроенная весьма обширными каменными зданиями, в которых помещаются и лавки, составляет красу города; второе место занимает Московская или Миллионная улица [теперь Октябрьская], застроенная домами богатых оружейников; потом Посольская [Советская] и наконец Воронежская [Оборонная]. В Туле 32 церкви и один женский монастырь» (перед революцией в Туле будет более 60 церквей, сейчас же сохранилось лишь около двух десятков, да и те в большинстве своем стоят покалеченные временем и людьми).

Всех домов в Туле середины XIX в. насчитывалось 5420, из них только 323 дома были каменными, остальные деревянными. «Оружейный завод, — продолжал капитан Гвоздев, — соединяется с Посадской стороной двумя мостами: чугунным, под которым устроены шлюзы для удержания в канале воды, приводящей в действие завод,

и деревянным, который лежит против Кремлевских Воскресенских ворот; по этому мосту мало езды, главное сообщение между Посадской и Оружейной сторонами производится по чугунному мосту; с Зарецкой или Оружейной стороною завод соединяется деревянным мостом, построенным через Упу; во время разлития реки мост этот разбирают, и сообщение производится на пароме. Чулкова слобода, названная так по имени стольника Чулкова, который при Петре Великом был главным начальником над оружейниками и при котором основан казенный оружейный завод, преимущественно населена бедными оружейниками; от Посадской стороны Чулкова слобода отделена Упою, а от Зарецкой — речкой Тулицей; с заводом она соединяется прекрасным висячим мостом для пешеходов; мост этот довольно недавно окончен»¹⁶.

Это описание необходимо немного прокомментировать. В нем почти все ясно, за исключением перечисления многочисленных мостов, которые соединяли оружейный завод с разными частями города. Итак, завод располагался на острове посреди реки Упы. Чугунный мост, соединявший завод с Посадской стороной, назывался так потому, что в середине прошлого столетия из чугуна были сделаны его перила, хотя сам мост был деревянным на каменных опорах. Сейчас на этом месте проходит вполне современный мост, соединяющий улицы Советскую и Октябрьскую. Этот мост, ведущий из центра города в Заречье, проходит над руслом Упы, ее рукавом и островом между ними, хотя сегодня это трудно заметить. Он как бы вобрал в себя два старых моста: Чугунный мост и деревянный, соединявший во времена капитана Гвоздева оружейный завод с Заречьем. Этот мост и разбирался во время половодья. И еще о двух мостах через Упу писал капитан Гвоздев: один из них назывался в прошлом веке Кривым и соединял оружейный завод с кремлем в районе башни Водяных ворот северной стены кремля. Эта башня в описании Тульской губернии названа башней Воскресенских ворот, вероятно, по расположению напротив нее на территории завода храма во имя Воскресения Христова, основанного там в XVII в. и снесенного уже в 70-х гг. XX в. На месте Кривого моста до сих пор имеется пешеходный мостик через Упу для работников завода. Висячий мост, последний, о котором писал капитан Гвоздев, назывался также Цепным и соединял завод с Чулковым. Мост этот был разобран еще в прошлом веке, но и сегодня в русле Упы выше впадения в нее Тулицы можно видеть остатки шлюзов, над которыми он висел. Район города, по сей день называемый в народе Чулковым, сохраняет имя стольника и начальника слободы в XVIII в. Клементия Чулкова, отличавшегося жестокостью и «великим пристрастием».

К середине прошлого века относятся еще два описания Тулы, составленные тульским писателем Н. Ф. Андреевым. Это публикация в журнале «Москвитянин» 1843 г., о которой мы уже упоминали в пре-

дисловии, и книга «Описание видов города Тулы» (Тула, 1856) с прекрасными гравюрами Карла фон Шеле. Естественно, что особенно пристальное внимание Н. Ф. Андреев уделил главной и самой красивой улице города — Киевской. Давайте послушаем голос писателя, и мы обнаружим в его суждениях много любопытного.

«Одна из лучших, многолюднейших и торговых улиц в Туле, без сомнения, есть Киевская улица, получившая странное свое название от Киевской почтовой дороги, которая собственно носит наименование Тульско-Орловского шоссе. Уверяют, что в Туле богатые купеческие конторы исстари имели с Киевом постоянные сношения: а так как дома, которые производили эту торговлю, всегда находились на проезжей улице по тракту в Орел, то будто бы это подало повод к нынешнему ее названию. В XVII веке она еще называлась Крапивинскою, по уезвному городу этого названия...

Большая половина домов на Киевской улице обвешана разноцветными вывесками. Это — наш Кузнецкий мост, наша Тверская. Здесь находятся богатые магазины и лавки с разными товарами... Здесь книжная торговля, если только можно назвать торговлей открытые двери лавок, в которых редко купят в день два, три учебника или две, три дешевые книги. (Книжная торговля упала в Туле в течение последних десяти лет). Здесь кондитерские, аптеки, театр, рестораны, почтовая контора, русские трактиры (первый сорт), множество постоялых дворов, множество серебряных и часовых дел мастеров, множество цирюльников, сапожников, башмачников, переплетчиков и портных, которые, если верить их вывескам, все до одного ученики известнейших портных, проживающих в обеих наших Столицах (верьте им!). Огромные виноградные кисти, дурно вызолоченные, висящие над дверьми магазинов, доказывают, что на Киевской улице существуют и погреба с иностранными винами, и погреба, где продаются свежие фрукты: здесь увидите вывеску неизбежного Немца-булочника, услышите неизбежный вопрос: «Was ist das?» Словом, на этом длинном пространстве веселого нашего города — чего хочешь, того просишь»¹⁷.

Но не все районы Тулы заслуживают такого восторженного описания Н. Ф. Андреева, как Киевская улица. Место, где автор родился и долгое время жил, он в своих заметках назвал Новоголландией. Это был как бы своеобразный полуостров внутри города, отделенный от основной части Тулы двумя небольшими ручьями и рекой Упой. Немощные улицы, «дурной и опасный» мост через один из ручьев в дождливую погоду превращали этот уголок города в совершеннейший остров, отрезанный от окружающего мира. Вероятно, речь шла о районе Подьячье — части современного Центрального района между улицей Свердлова и Упой. Когда-то это место населяли рыбаки, в первой половине прошлого века там жили священники, семинаристы, разночинцы, купцы, мещане и отставные солдаты. Дворяне предпочи-

тали там не селиться, хотя и в этих местах было несколько домов дворян, занесенных «бурею обстоятельств в это захоlustье». «Новоголландцы в Туле, — писал Н. Ф. Андреев, — если увидят проехавшие дрожки, тотчас обращают на них все свое внимание. Здесь редкие имеют этот экипаж, а колясок и карет только по одному экземпляру, да и те помнят губернатора Иванова, бывшего в Туле в первом десятилетии нашего [XIX] века. Вероятно, вы заметили, — прибавляет автор, — что мы давность времени определяем губернаторами. Губернаторы здесь то же, что у Греков были олимпиады, у Римлян люстры [может быть, люстрации — религиозные обряды, предполагавшие очищение от грехов посредством жертвоприношения], или что в Истории эпохи, периоды. Хронология здешнего края ими начинается, ими и оканчивается. Время до открытия наместничеств [1777 г.] Новоголландцы считают баснословным, мифическим временем»¹⁸. (Заметим в скобках, что последний пассаж из приведенной цитаты явно перекликается с «Историей одного города», также разделенной на периоды правления градоначальников. Наверное, это не случайно — ведь М. Е. Салтыков-Щедрин некоторое время жил и служил в Туле до написания своей книги.)

В целом Тула середины XIX столетия совсем не была захоlustным провинциальным городом, а вполне процветала. Еще одним доказательством тому, кроме описанного у Н. Ф. Андреева изобилия Киевской улицы, являются слова, которыми закончил свой рапорт о состоянии города в 1852 г. капитан Гвоздев: «Географическое положение Тулы очень выгодно: через город пролегают тракты Воронежский и Киевский, которые можно считать важнейшими коммерческими путями центральной России... Можно сказать, что через Тулу круглый год двигаются обозы, а у границ останавливаются всевозможные экипажи; оттого число трактиров, гостиниц и постоялых дворов в этом городе возрастает с каждым годом; устройство Тульско-Орловского шоссе доставило городу огромные выгоды, облегчив сношения его с Москвой и южными городами... По близости Москвы и по быстроте сношений с нею в Туле можно получить все предметы необходимости и роскоши с небольшою надбавкою в ценах противу столичных цен»¹⁹.

УДЕДИЛОВ

Самым древним городом тульской земли считался город Дедилов, располагавшийся на реке Шиворонь, притоке Упы. По свидетельству дореволюционных историков²⁰, Дедилов был основан вятичами и в летописях назывался Дедославлем. В XVI—XVII вв. Дедилов входил в засечную черту Московского государства и не раз подвергался нападению и разорению со стороны татар.

В 1553 или 1554 г. по повелению Ивана Грозного на развалинах Дедославля князем Жижемским был построен новый город Дедилов

с дубовой крепостью и земляными валами. С этого времени город был знаменит кузнечным делом и производством оружия — пищалей, мечей. Крепость сохранялась до конца XVIII в., когда город потерял значение оборонительного укрепления и стал приходить в запустение. В момент открытия Тульского наместничества Дедилов перестал считаться сначала уездным городом, а спустя двадцать лет и вообще городом и был превращен в село Белевского, а затем Богородицкого уезда.

К середине XIX в. в Дедилове проживало 3484 человека, было 4 церкви, училище, почтовая станция и устраивалась ярмарка²¹.

«Между простым народом... есть старинное поверье, что заштатный город Дедилов рано или поздно должен весь провалиться. Поводом к такому нелепому мнению послужил действительный провал, образовавшийся на одном из возвышенных мест, при выезде из Дедилова в Богородицк. Сказывают, что на этом месте стоял когда-то дом, но за нечестие своих хозяев однажды ночью пожран был землею и не оставил после себя никаких следов, кроме выступившего из пропасти озера...» Эта запись путешественника А. Глаголева, посетившего Дедилов в 1823 г.²², оказалась почти пророческой, конечно, не в прямом, а в переносном смысле: славный некогда город Дедилов в наши дни практически исчез, «провалился» в глубины истории. Сегодня это маленький, но очень ухоженный поселок.

БОГОРОДИЦК

Дедилов находился на полпути из Тулы в Богородицк. Богородицк тоже входил когда-то в систему оборонительных сооружений русского государства. На месте сторожевого пункта на берегу реки Уперты в 1663 г. начали строительство крепости, которая в следующем году получила название города Богородицка. По народному преданию город получил свое название от растущей в тех краях «богородичной» травы, по-другому называвшейся «богородичные слезки» и вошедшей в герб города. Спустя 100 лет Богородицк стал собственной волостью Екатерины II, утратив при этом статус города. Волость предназначалась для незаконнорожденного сына Екатерины графа А. Г. Бобринского. В 1777 г. во время образования Тульского наместничества Богородицк вновь стал городом, причем уездным.

Городские слободы были перенесены на другую сторону реки, а на освободившемся месте был создан дворцово-парковый ансамбль. Проект дворца и парка императрица поручила составлять выдающемуся русскому архитектору И. Е. Старову (1745—1808). Дворец был заложен в 1771 г., вчерне готов к 1778 г. Личного участия в строительстве дворца И. Е. Старов не принимал, руководство точным исполнением проекта было поручено присланному из Петербурга архитектору Я. А. Ананьину. Одновременно с дворцом по проекту И. Е. Старова

была выстроена и Казанская церковь. Проект парка, выполненный Старовым в регулярном стиле, осуществлен не был.

Некоторые исторические подробности из жизни Богородицка мы можем почерпнуть у В. А. Левшина: «Старинный город Богородицк сначала находился под ведомством Приказа большого Дворца, впоследствии же Конюшенной Канцелярии; наконец состоял посадом и в 1765 г. был в числе Дворцовых волостей поручен в особое управление Генерал-Поручику Князю Сергею Васильевичу Гагарину.

В 1777 г. Богородицк восстановлен и вошел в число городов Тульской губернии. Находится он на правом берегу Лесного Уперта, на местоположении ровном. Прежнее строение его состояло в трех слободах: Купеческой и Стрелецкой, да по левому берегу на нагорной стороне упомянутой реки в слободе Пушкарской. Но в 1779 г., по плану Высочайше конформированному, весь город расположен на левом берегу реки, и обывателями его сделаны жители помянутых слобод, из коих многие живут в построенных ими уже по плану домах. Часть же бывшего города, оставшаяся на правом берегу, наименована селом»²³.

Описание Богородицка последней четверти XVIII в. мы находим в мемуарах А. Т. Болотова, бывшего с 1776 по 1796 г. управляющим царской волостью. «Богородицк составлял тогда ни село, ни город, а некакой междуумок между ними, — писал А. Т. Болотов о Богородицке 1776 г. — В старину был он городом с деревянною рубленою крепостью, и живали в нем, по обыкновению других городов, воеводы, имевшие свою городскую канцелярию, а купцы ратушу. Но как заведен был в волости сей большой казенный конский завод, то уничтожено было воеводское городское управление, и живали тут управители при заводе со своими конюхами и конюшенными служителями. Когда же завод конский тут уничтожен и волость сия исключена из дворцовых и переименована в собственную императрицыну волость, и соединена с купленною Бобриковскою волостью, то уничтожено и все относящееся до конского завода, и из бывшего правления основано уже тогдашнее особое волостное. Купцы же остались жить в домах своих по-прежнему, имели хотя также свою ратушу, но во многом зависели от управителей тогдашних, как первенствующих особ во всем тогдашнем селении...»²⁴.

А. Т. Болотов приехал в Богородицк в тот момент, когда только начались работы по приспособлению города к роли царского имения. Внешний вид его быстро менялся. «При въезде в оный я и не узнал почти его, — писал богородицкий управитель, — столь многие и большие перемены произошли уже в оном с того времени, как я его в первый раз видел [в 1773 г.]. На месте бывшего тогда пакостного гостиного двора и лавочек увидел я уже превеликую площадь и посреди оной воздвигнутую огромную и вчерне уже совсем почти отделанную церковь; а вместо прежних кой-каких негодных зданьшек внутри земляной крепости и подле колокольни стояли уже высокие каменные

здания, составлявшие некоторый род замка, а позади их, на берегу пруда, немалой величины дом каменный, также дворцом называемый... Чрез все сие весь Богородицк ровно как ожитворился и вместо прежнего ничего не значащего села имел уже вид города».

Еще сильнее Богородицк преобразился уже во время пребывания там Болотова, в 1770—1780-х гг. Болотов писал в воспоминаниях, что принял непосредственное участие в составлении регулярного плана города и именно благодаря ему Богородицк получил «правильный», красивый вид: вместо кривых улочек бывших слобод на противоположном дворцу берегу Большого пруда на реке Уперте расположились пять лучезобразных улиц, ориентированных на царский дворец, господствовавший над городом. Улицы как бы расходились веером по осям пяти окон овального выступа здания. Они были названы в честь особ царствовавшего тогда императорского дома: Екатерининская, Павловская, Мариинская, Александровская и Константиновская²⁵.

Строительство дворца было закончено в 1784 г. Всего за два года, в 1784 и 1785 гг., А. Т. Болотов создал около дворца великолепный пейзажный парк, один из шедевров русского национального паркового искусства²⁶.

Дворцово-парковый ансамбль в Богородицке имел довольно сложную и живописную структуру. В центре комплекса на высоком берегу пруда расположился дворец в классическом стиле. Высокий цокольный этаж на западном фасаде, обращенном к городу, спускался двумя полукруглыми лестницами и террасами к воде. Над ним возвышались два этажа, заканчивавшиеся невысоким бельведером с круглой балюстрадой и смотровой площадкой. Композиционным центром здания был овальный зал, выступавший за линию фасада во всю высоту дворца. Декоративная отделка здания была проста и лаконична, но именно она сообщала всему облику дворца классическую изысканность: нижний цокольный этаж был обработан горизонтальными рустами, оконные проемы, обрамленные наличниками, помещались в неглубокие ниши, над ними располагались филенки. Выстроенный из белого камня, дворец, благодаря игре светотени при чередовании оконных проемов, наличников и филенок, имел вид величественный и в то же время чрезвычайно легкий. Восточный фасад здания был украшен изогнутыми лестничными спусками на подъездную аллею, которая, проходя через замкнутый внутренний двор и въездные ворота, вела к границе парка. Въездная башня с одним полукруглым арочным пролетом заканчивалась колокольней с высоким шпилем, превосходившим по высоте дворцовое здание. В средней двухэтажной части башни, расположенной над аркой, помещалась волостная канцелярия. Здания въездной башни и дворца соединялись между собой двумя Г-образными служебными корпусами, которые ограничивали территорию внутреннего двора, придавая всему комплексу вид «замка».

За пределами единого дворцового комплекса располагалось еще

несколько зданий. В первую очередь необходимо назвать здание упоминавшейся уже Казанской церкви, построенной юго-восточнее дворца на берегу небольшого прудика по проекту И. Е. Старова в классическом стиле. Западный, северный и южный фасады здания были украшены портиками, опирающимися на четыре колонны дорического ордера и увенчанными треугольными фронтонами. Восточный фасад имел три апсидных выступа. Мощный и невысокий световой барабан венчался простым и строгим куполом. В оформлении интерьера церкви принял участие А. Т. Болотов. Белокаменная церковь, хорошо сохранившаяся, эффектно отражается в водной глади пруда.

Неподалеку от Казанской церкви в 1784 г. было построено здание волостного училища — первого в Тульской губернии учебного заведения для крестьянских детей. Подробнее об этой школе будет сказано в следующей главе.

Немного в стороне от центральной части парка располагался небольшой дом, где жил А. Т. Болотов с семьей. Этот дом, построенный после пожара 1782 г., до наших дней не сохранился.

Все перечисленные постройки являлись своего рода композиционными центрами живописного парка. Как уже говорилось, парк был создан в пейзажном стиле. А. Т. Болотов, используя лучшие достижения английского пейзажного паркового искусства, создал прекрасный образец русского национального парка, впервые сформулировал и воплотил в жизнь некоторые его оригинальные черты.

Главным принципом построения богородицкого парка А. Т. Болотов сделал выявление и подчеркивание достоинств естественного ландшафта. Местность вокруг дворца располагалась высоко над водной гладью Большого пруда и была изрезана оврагами. Низменные места Болотов решил заполнить водой, создав грандиозную водную систему. Найдя источники воды на значительном расстоянии от создаваемых прудов, Болотов соорудил три искусственных водовода, проявив несомненный инженерный талант.

К северо-западу от дворца была расположена самая красивая часть парка, в центре которой находился Нижний пруд, отделенный от Большого пруда плотиной, обсаженной деревьями. Нижнему пруду Болотов придал несколько изогнутую и удлиненную форму, соорудив искусственные заливы и полуострова, насыпав небольшие холмы по берегам, что подчеркивало живописность берегов. Посреди пруда он расположил маленькие островки, один из которых украсил мраморным бюстом, на другом высадил березовую рощу и соединил его перекинутыми мостиками с берегами. На одном из берегов был сооружен небольшой фигурный павильон с удобными скамейками, так называемая «Вечерняя сиделка», откуда открывался чудесный вид на парк вечером. Дно пруда, как и дно водостоков, было выложено синей глиной, в пруду плавали карпы. Несколько выше Нижнего пруда располагался «купальный» водоем, возле которого находилась «Полуден-

ная сиделка» — еще один маленький павильончик со скамейкой. Чуть в стороне находился «Павильонный» водоем с красивым круглым павильоном на берегу. Тропинка, проложенная вдоль всех этих живописных мест, открывала взору гуляющего все новые прекрасные виды, вызывавшие различное настроение, предлагала отдохнуть в укромных уголках.

Созданию определенного настроения способствовали рощицы и цветники, для которых Болотов использовал преимущественно растущие в этих местах породы деревьев и сорта цветов, располагая их так, чтобы они производили наиболее выгодное впечатление различными сочетаниями цветовой гаммы и формы растений, соседством с водной гладью. Пейзажный парк, проникнутый идеями сентиментализма, должен был вызывать у зрителя чувства то мечтательной грусти и раздумья, то тихой радости и восхищения. Для этого Болотов не скупился на выдумки. Он специально планировал «меланхолические» или «смеющиеся» сцены, «острова уединения», «руины» и «лабиринты». От Нижнего пруда тропинка вела к самым интересным затеям парка.

Обнаружив на крутом берегу Большого пруда значительные отложения песков, спрессованных в плотную глыбу, Болотов сделал в них искусственные пещеры, гуляя по которым, можно было любоваться красотой песков различных оттенков: розовых, зеленоватых, желтых, кофейных, кроваво-красных на белом фоне, со всевозможными прожилками, пятнами, полосами и вкраплениями. Снаружи входу в пещеры был придан вид развалин древнего здания с окнами, дверями, крыльцом, остатками колонн, архитектурных деталей — так называемая «руина». Рядом с «руиной» был устроен ревущий водопад: для этого были привезены огромные «дикие» камни, образовавшие скалистые утесы; вода из небольшого пруда над пещерами, проходя через специально устроенный шлюз, несколькими потоками низвергалась к подножию скал и перед входом в пещеры уходила под землю. Тут же находилась каменная пристань со смотровой площадкой, откуда можно было любоваться катающимися по пруду на лодках и видом на город.

Выйдя через каменные ворота по дорожке у самой воды Большого пруда к фигурным террасам, спускавшимся от дворца, гуляющие проходили еще одно удивления достойное место — подземный вход в старую богородицкую крепость, обнаруженный Болотовым при расчистке крутых склонов холма над прудом и бережно сохраненный.

Северную часть парка занимала «Эхоническая долина». В ней был устроен каскад из нескольких прудов, название долине дал небольшой павильон — «Жилище Эхи» (именно так звучало в XVIII в. слово «эхо»). Здание, построенное из дерева, имело вид старинного каменного строения, начавшего слегка разрушаться. Обшивка павильона из сухого гладкого теса создавала необычайный акустический эф-

фект, что чрезвычайно удивляло гостей парка и веселило изобретательного управляющего.

Неистощимый выдумщик, Болотов устроил в парке «обманные» здания, «развалины старинного монастыря», гроты, шуточные фонтаны, которые неожиданно обливали гостей водой и заливали ближайшее пространство, лишая оказавшихся в ловушке на маленьком островке возможности перебраться на сушу. Свои выдумки Болотов неустанно демонстрировал, желая развеселить гостей, но при этом внимательно следил за тем, чтобы никто всерьез не пострадал и не обиделся.

К северо-востоку от дворца часть парка была устроена в регулярном стиле. Деревья были высажены по сторонам строгих прямоугольников, внутри которых располагались аллеи, тропинки, боскеты и цветники. В духе французских парков Болотов устроил затейливый лабиринт, обсадив кустарником переплетенные колья, в центре соорудив небольшой курган со статуей на пьедестале. Лабиринт был довольно сложной формы, и, по словам Болотова, «никто не мог войти в него, не ошибаясь множество раз на распутиях». Однако существовал он недолго, всего несколько лет, так как быстро «наскучил» своему создателю, который все больше увлекался идеями пейзажных парков.

Первоначально в регулярном стиле был устроен сад вокруг дома, в котором Болотов жил с семьей. Там также были всевозможные затеи, например, фонтан в виде гуся. Спустя некоторое время он изменил планировку сада, придав ему вид «прекрасно-натуральный», т. е. пейзажный. Тенистые аллеи перемежались в нем с солнечными полянками, цветниками, дерновые и деревянные «лежанки» и «отдыхательницы» звали к мечтательному созерцанию окружающих красот или к отдыху с любимой книгой в руках.

Центральный дворцово-парковый комплекс был лишь частью хорошо организованных ландшафтных пространств, занимавших значительную территорию. В полутора километрах на северо-восток от дворца располагалась так называемая «Церерина роща» — небольшой лесок, получивший имя римской богини плодородия Цереры, так как был создан вокруг «хлебного магазина» — амбара, куда ссыпали зерно. Этот уголок был организован Болотовым в первые годы пребывания в Богородицке, еще до появления главного парка, и именно в его создании отразилась эволюция увлечений Болотова сначала регулярными парками, а затем пейзажными. На первом этапе работ он прорезал естественным образом росший лес многочисленными дорожками и «проспектами» так, чтобы в конце них открывался вид на какие-нибудь зрительные ориентиры — дворец, церковь, въездную башню. Позже Болотов изменил геометрически правильные аллеи, сделал их более естественными, расположил внутри лесных зарослей живописные площадки, цветники, скамейки, откуда открывался чудесный вид на расположенный вблизи пруд. В окрестных

лесах были прорублены аллеи, расчищены старые дорожки, устроены площадки для пикников. Был также заложен еще один парк, похожий на естественный лес, но расположение его теперь неизвестно.

После смерти Екатерины II в 1796 г. Богородицкая волость стала собственностью графа А. Г. Бобринского. А. Т. Болотов не пожелал оставаться управляющим и подал в отставку. Граф редко бывал в усадьбе, предпочитая жить в Петербурге, и дворцово-парковый ансамбль медленно начал приходить в запустение.

В 1820-х гг. Богородицк имел уже не очень привлекательный вид: «Небольшой городок сей можно употребить картине, составленной из яркого света и самой темной тени, — писал А. Глаголен. — На луговой стороне обширного пруда видишь собрание хижин и изб, крытых соломою, по другую сторону, на плоском холму великолепный дом Графа Бобринского и обширный сад, который в прошлом столетии почитался чудом здешнего края. Напрасно будем искать здесь следов прежней пышности и роскоши; но печать изяшного вкуса надолго еще останется неизгладимой»²⁷.

В 1840-х гг. в имении произошел пожар, в результате которого погибла обстановка и фресковые росписи залов дворца. А. П. Бобринский, владелец богородицкой усадьбы в те годы, внук первого графа, восстановил дом, привел в порядок парк, даже несколько расширив его. У города, однако, уже не было блестящего будущего.

В середине XIX в. «Богородицк ни в каком отношении еще нельзя назвать значительным городом, — рапортовал составитель «Военно-статистического обозрения Российской империи». — Прежде положение его на одном из важных трактов Империи (на старом Воронежском), по крайней мере обещало ему лучшую будущность; но теперь с открытием нового Воронежского тракта Богородицк лишен и этой надежды». В 1852 г. в Богородицке было 3 каменных церкви, 27 домов каменных и 434 деревянных, 36 лавок, значительное количество питейных заведений — 6 трактиров, 2 винных погреба и 6 питейных домов; было, правда, и уездное училище на 150 учеников, городская больница на 12 кроватей и одна аптека. В городе проживало 5666 человек, из них более четырех тысяч было причислено к мещанскому сословию. «Гостиного двора нет, и большая часть лавок помещается в собственных домах торговцев. Лучшие здания выходят на главную площадь [теперь ул. Пролетарская] или обращены к пруду, на реке Уперте... С главной площади, на которой находятся собор [Троицкий, построенный в 1816—1821 гг. и на сегодняшний день не сохранившийся] и присутственные места, расходятся во все стороны радиусами прямые и широкие улицы; они вымощены камнем только в местах низких и топких, а как город лежит на черноземной почве, то весной и осенью в нем бывает большая грязь»²⁸.

Вот так-то. Унылая картина!

В годы Великой Отечественной войны город Богородицк был пре-

вращен в руины. Сильно пострадал и дворец Бобринских. От него осталась практически одна полуразрушенная коробка, которую после войны предполагалось снести. Дворец и парк были спасены и восстановлены усилиями жителей Богородицка. Теперь в Богородицком дворцово-парковом ансамбле располагается музей, где частично воссозданы дворцовые интерьеры середины прошлого века, имеются экспозиции, рассказывающие об истории дворца и усадьбы, об их создателях И. Е. Старове и А. Т. Болотове.

Парк на сегодняшний день восстановлен пока только в общих чертах. Вновь высажена въездная аллея, внутри замкнутого двора разбиты клумбы. Вместо хозяйственных построек въездную башню и дворец соединяет между собой кирпичная стена. На месте многочисленных прудов сохранились лишь небольшие овраги, пологие холмики указывают на расположение стоявших там когда-то павильонов и беседок. Некогда крутой склон Большого пруда густо зарос деревьями и только выступающие кое-где глиняные и песчаные породы напоминают о парковых «затях» Болотова. На месте погибшей Церериной рощи посажена новая, повторяющая планировку прежней, в центре нее установлен обелиск.

Территория музея обнесена оградой с воротами, стилизованными под XVIII в. На воротах установлена мемориальная доска. Однако, не все здания дворцово-паркового комплекса теперь принадлежат музею. Казанская церковь вновь возвращена прихожанам, здание бывшего волостного училища принадлежит художественной школе и городской библиотеке. Но парк и дворец в центре него производят и сейчас неизгладимое впечатление. Посетителей музейного комплекса встречает фигура А. Т. Болотова, выполненная скульптором А. Чернопятовым и поставленная на живописной поляне.

√ ЕПИФАНЬ

В 65 верстах на юго-восток от Тулы на берегу Дона располагался уездный город Епифань. Был он славен и известен еще со времен Куликовской битвы, в XVI—XVII вв. входил в оборонительную черту русского государства. Возможно, от тех смутных времен под главной площадью Епифани, Красной, до сегодняшних дней сохранились подземные ходы, каменные своды которых проглядывают сквозь провалы асфальта. В год основания Тульского наместничества в Епифани было 7 церквей, 109 «обывательских» домов, 9 улиц и переулков, 8 каменных лавок и 4 питейных дома. Население было небольшим: в городе проживало 76 купцов, 139 мещан и 20 мастеровых людей²⁹.

Казалось бы, должно было быть красиво: на девять улиц и переулков — целых семь церквей! Однако, современники были другого мнения: «...приехали мы в... город Епифань, который был тогда и показался мне маленьким и ничего не значащим степным городком, не стоя-

шим никакого уважения...» Конечно, это писал А. Т. Болотов, его сочный язык легко узнать³⁰. Да и был он в Епифани проездом, побывав уже в Кенигсберге и Петербурге, насмотревшись пышных дворцов и по-европейски аккуратных городов. И все же...

В 80-х гг. XVIII в. Епифань, подобно другим городам Тульской губернии, перестраивалась по генеральному плану и получила более регулярный вид. Город сохранил в целом ориентацию на главную площадь с комплексом построек вокруг Никольского собора. Собор этот, как гласит предание, был основан еще во времена Куликовской битвы, упоминался в документах XVII в., в следующем столетии был сооружен каменный храм и прекрасная шатровая колокольня, возвышающаяся над городом и по сей день. В XVIII в. Никольский храм был обнесен высокой каменной оградой с амбразурами и бойницами, напоминающей тульский кремль. Одна из башен ограды сохранилась. Внутри ограды располагались многочисленные торговые лавки, городская ратуша и даже духовное училище³¹. В 1810 г. было начато сооружение нового каменного храма, до сих пор остающегося главным украшением города. Сооружался он в модном тогда классическом стиле и доныне поражает воображение грандиозностью размеров и изысканностью и обилием декоративных украшений. Большую часть денежных средств на постройку выделил епифанский купец, церковный староста П. М. Логвинов.

Однако, лучшие времена для города остались в прошлом, и к середине XIX в. он был уже совсем захудалым. Капитан Гвоздев писал в 1852 г.: «Город вообще беден; о недостаточности городских доходов можно заключить из того, что правительство отпускает ежегодно 400 рублей на содержание моста и перевоза через реку Дон. Улицы не вымощены, да и нет надежды, что они будут скоро вымощены, потому что камень надобно возить издалека, следовательно он обойдется дорого; а как город лежит на черноземной почве, хотя и на высоком месте, то в дурную погоду на улицах бывает грязь непроходимая. Каменных каменных зданий вовсе нет в Епифани; хороших частных домов очень мало, так что в них с трудом помешаются уездные и городские присутственные места. Площадь одна; на ней бывают еженедельные торги и годовые ярмарки; из зданий замечательнее всех, по богатству и красоте, соборная церковь Св. Николая, которая строится уже лет 30, но еще не окончена по недостатку капитала.

Город лежит в стороне от почтовых дорог. Река Дон не доставляет ему никаких выгод, ни в торговом, ни в промышленном отношении, по причине мелководия. Жители берут из него воду, но она довольно плоха. Хотя через город пролегает торговый Веневский тракт, но город не имеет от того выгод, потому что обозы останавливаются за рекою, в подгородных селениях... Общее число жителей мужского пола 1532 и женского 1466, все они православные... Торговля города весьма незначительна, и между купцами нет богатых... Фабричная и за-

водская промышленность весьма незначительна в Епифани; там находятся: пивоварный завод, принадлежащий местному откупщику, кожевенный завод, 5 салотопенных, 2 воскобойных и 4 кирпичных завода. Кузница в городе одна. Мельниц совсем нет, а потому хлеб покупается молотый»³².

Увы, и здесь знакомая картина провинциального запустения.

В середине XIX в. Епифань считалась еще городом, там были свое уездное училище, больница. Сейчас это рабочий поселок, весьма безрадостный, с прекрасными памятниками прошлого, остро нуждающимися в реставрации.

Странное впечатление производят огромный, полуразрушенный, но сохранивший черты былого величия Никольский собор, древние колокольня и сторожевая башня на пустынной заброшенной площади, все так же гордо носящей название «Красной», т. е. «красивой». Будет ли вновь это название соответствовать действительности?

✓ ВЕНЕВ

Из глубокой древности ведет свою историю еще один город тульской земли — Венев. В XV—XVII вв., находясь на южной границе Московского государства, он занимал центральное место в системе грандиозных оборонительных сооружений — Веневской засечной черте, был городом-крепостью. В XVII в. в Веневе был крупный Богоявленский мужской монастырь, упраздненный в 1764 г. Главным храмом монастыря была Богоявленская церковь, и сегодня стоящая на главной площади Венева — тоже Красной. Знаток архитектурной старины В. Н. Уклеин считал эту церковь наиболее интересным примером ярусных церквей рубежа XVII—XVIII столетий на территории ульского края³³. К сожалению, древний памятник не отреставрирован, стоит, забытый богом и людьми.

Рядом с Богоявленской церковью находится еще один ранний памятник архитектуры — каменные палаты XVII в. Им повезло больше: здание отреставрировано, и там располагается краеведческий музей. Это редчайший памятник гражданской архитектуры столь раннего периода! Вообще, Красная площадь Венева и сейчас производит внушительное впечатление: она необычна по планировке — круглая, на ней было четыре храма! И это очень красиво.

Поражает своими огромными размерами колокольня церкви Николая Угодника, построенная в XVIII в., — путешественники и поныне видят ее задолго до въезда в город; сегодня, правда, она пуста, и небо мелькает сквозь оголенные ребра ее купола. Рядом с колокольней и под стать ей в 1801 г. было начато строительство Николаевской церкви, своей грандиозностью превзошедшей другие храмы тульской земли. Строительство затянулось на долгие годы, как мы узнаем из описаний современника, приводимых ниже. Однако, се-

годня на месте этого храма можно увидеть лишь сквер — ему так и не суждено было дожить до наших дней несмотря на многолетние усилия строителей, все-таки достроивших его. Храм был взорван уже после войны.

На Красной площади находятся еще две старинные церкви, построенные в конце XVIII в., — Покровская и Казанская. Покровская церковь, полуразрушенная сегодня, была сооружена частично из белого камня: и сейчас видны большемерные каменные блоки не только в ее фундаменте, но и в нижней части стен. Казанская церковь была построена в 1775 г. в качестве теплого зимнего придела летней Бого-явленской церкви. Во время расквартирования на зимние квартиры в Венева полка она всегда служила полковой церковью.

В XVIII в. Венев стал преимущественно купеческим городом, вел успешную торговлю хлебом, что нашло отражение в его гербе, включавшем «в середине хлебную золотую меру, изъясняющую торг сего города». В 1777 г. в городе проживали 451 купец, 676 мешан, среди которых было 5 кирпичников, 30 кузнецов, горожан одевали 2 портных и 2 шляпника, имелось 2 оконнишника и даже один местный живописец. В то время в городе было 8 церквей, всего 3 каменных дома, 612 деревянных, 14 лавок каменных и 171 деревянная, 16 улиц и переулков, 1 завод солодовенный, 2 кирпичных, 1 шелковая фабрика, 4 питейных дома³⁴.

В 1779 г. был утвержден генеральный план города, который существенно изменил его внешний вид: спрямлялись улицы, были образованы две площади, появились новые каменные здания. В 1825 г. на крутом и обрывистом мысу между речкою Веневкой и ручьем Моржовкой был выстроен новый каменный Воскресенский собор. До него на этом месте в разные времена стояли древняя крепость, дом воеводы и деревянный Параскевинский собор. Воскресенский собор почти полностью реставрирован и теперь действует.

В XIX в. город несколько увеличился по площади. Правда, пожар 1834 г. истребил многие старинные памятники. Описание Венева 1852 г. отмечало, что «улицы довольно широкие и правильные, большая часть из них вымощена камнем (это, причем, не есть следствие достаточности обывателей, но скорее обилия камня в окрестностях Венева [указ. в примеч.]). Венев сильно пострадал от пожара, случившегося в 1834 г. 31 августа; но теперь следы его давно исчезли и, по уверению жителей, город стал гораздо красивее, нежели был прежде.

Церквей 8, все они каменные; из них замечательны: церковь Св. Чудотворца Николая; краеугольный камень ей был положен лет 40 тому назад, и с того времени до сих пор она не достроена, местами она обрушалась и горела; но местные пожертвования так скудны, что на них невозможно завершить отделку храма, также великолепно начатого.

Домов: каменных 49, деревянных 370... В Веневе находятся одно

уездное и одно приходское училище... одна больница и одна аптека. Общее число жителей: мужского пола 1696, женского 1943 душ... Ярмарок в городе не бывает... Прежде в Веневе были три табачные фабрики, теперь осталась только одна... Фаянсовый завод купца Завьялова prepares фаянс не отличной доброты, который развозится по своему и окрестным уездам... Заводы: мыловаренный, водочный, пивоваренный и воскобойный незначительны, и на них производство идет только временно; работников не более 12 человек; сбываются произведения в Веневе. Лавок в городе 35... винных погребов 3... Жители вообще недостаточны, не исключая и купцов...»³⁵.

Чувствуется, что столичного офицера, каким был, вероятно, составитель описания капитан Гвоздев, города Тульской губернии приводили в явное уныние. Его можно понять!

КРАПИВНА

Крапивна, располагавшаяся в 51 версте от Тулы на юго-запад, в XVIII в. также была уездным городом, а в наши дни превратилась в поселок. В XVI—XVII вв. Крапивна была обнесена «городом», т. е. укреплениями, которые были разобраны уже в середине XIX столетия. В 1777 г. Крапивна стала центром уезда, хотя в ней проживали тогда всего 71 купец и 85 мещан. Несмотря на столь малочисленное население в городе было 6 церквей, две из которых были каменными, 27 лавок, 153 крестьянских дома, располагавшихся на 10 улицах и переулках, вокруг города имелись многочисленные слободы. Крапивна располагалась на берегу реки Плавы и неподалеку от реки Соловы, «на месте возвышенном и малодоступном». Как указывают дореволюционные историки, жителей Крапивны в старину часто называли Соловлянами, по названию реки³⁶.

Утвержденный в 1779 г. генеральный план так и не был полностью реализован. Все же в Крапивне появилась главная площадь с Никольской церковью в центре, очень живописно расположившаяся на высоком обрывистом берегу; улицы оформились в 40 геометрически правильных кварталов. Никольская церковь, выстроенная в 1759—1764 гг. на средства тульского купца Г. С. Сушкина, была необыкновенно хороша. Построенная в стиле барокко «под Растрелли», она очень украшала город³⁷.

Мы уже цитировали, правда не называя, рукопись А. Д. Тейльса «Рассказы о некоторых обитателях Русских и о виденном на пути к ним в 1830 г.», сохранившуюся до сих пор и довольно любопытную. Откроем же ее в том месте, где автор описывает Крапивну: «Множество народа тянулось в Крапивну на ярмарку от Пришни [село в 7 верстах от Крапивны] и от села Умчина, по большой ефремовской дороге... Главный базар ярмарки при выезде из города на большой Одоевской дороге. Ярмарка более для поселян. Записные знатоки-ло-

шадники, в усах, широких турецких шалварах [т. е. шароварах], с шапочками прасолов [купцы малого достатка] и в чекменях своего покроя [верхняя мужская одежда, представлявшая из себя обычно суконовый полукафтан со сборками сзади, более характерная для народов Кавказа, нежели жителей тульской земли], с хлыстиками, а более с арапниками в руках, — осматривали лошадей, толкали встречных и мигали молодецки красным девушкам»³⁸.

В середине прошлого века в Крапивне проживало 3315 жителей. было одно уездное училище, где 5 учителей обучало грамоте 108 учеников; в городской больнице могло поместиться всего 12 больных. Фабрично-заводская деятельность в Крапивне была «весьма не обширна», но все-таки в городе насчитывалось 13 небольших заводиков: «На пивоварне купца Астафьева до 100 человек рабочих вываривают пиво на 1500 рублей серебром, которое сбывается в Туле, Калуге и Москве, по 35 коп. за ведро. Кожевенных заводов два, воскобойных два, кирпичных пять; одна нанковая фабрика (нанка [прочная х/б ткань] продается по 13 коп. серебром за аршин), салотопенный завод 1, картофельно-паточный 1».

Город заметно вырос, в нем насчитывалось уже 56 улиц и переулков с 351 зданием, правда, каменными из них были всего 15. «Из них ни одна [улица] не вымощена, оттого весной и осенью в городе грязь непроходимая, — это вновь капитан Гвоздев, — к этому еще надобно присоединить, что город лежит на неровном месте, оттого почти все улицы ведут или под гору, или в гору, так что осенью через Крапивну трудно проехать... Лучшими домами можно считать два каменных корпуса, занятых уездными присутственными местами, и дом, где помещается больница. Между частными домами отмечаются дома купцов Юдиных и Щеглова... На площади выстроены 22 лавки, а к Борисоглебской ярмарке разбивают шатры и балаганы»³⁹.

«Город Крапивна нов, его жизнь только что развертывается», — считал А. Д. Тейльс⁴⁰, однако предсказание его не сбылось, и город медленно, но верно утрачивал свое значение центра ремесла и торговли и превращался в поселение сельского типа.

✓ ОДОЕВ

Очень славное историческое прошлое имеет еще один древний город тульской земли, ставший теперь поселком, — Одоев.

Вероятно, в середине XIV в. на рубеже степных необжитых земель возникло княжество Одоевское. В течение двух веков оно подвергалось то татарским набегам, то завоеванию литовскими захватчиками, пока в 1494 г. не вошло в состав Московского государства. В Одоеве были построены укрепления, город стал одним из форпостов оборонительной системы. Постепенно расширялись границы Московского государства, отодвигаясь на юг, и Одоев потерял значение

города-крепости. Оборонительные сооружения обветшали и разрушились, к концу XVIII в. сохранился лишь земляной вал. Следы вала можно увидеть и сегодня, вместе со рвом он отделяет современный город от места расположения древних крепостных сооружений.

В 1777 г. Одоев стал центром уезда. До перепланировки по генеральному плану 1779 г. в Одоеве насчитывалось 13 улиц и переулков, 17 лавок, 3 соборных церкви и 4 приходских, 3 из них каменные; 356 обывательских и 6 питейных домов в городе и 2 в уезде. В городе проживало 129 купцов и 548 мещан, 8 мастеровых людей и 164 пашенных солдата. Промышленность совсем не была развита: в городе имелся всего 1 солодовенный завод и 1 пивоварня. Зато в реке Упе водилась и ловилась всевозможная рыба: стерляди, судаки, лещи, голвли, щуки, плотва, всякая мелкая рыбешка, раки. Из Калуги в Одоев шли барки с пильным лесом и, «нагрузясь там пенькою и разным хлебом, возвращались назад»⁴⁴.

Историк И. Краснопевцев писал в конце прошлого века: «Живописно раскинулся город Одоев, в тени густых своих садов, к югу на левом утесистом берегу реки Упы, образовав продолговатый мыс, прилегающий к крутому оврагу иссохшего русла речки Хлебенки. По внешнему виду город Одоев, в особенности в летнее время, представляет для путешественника прелестную картину. Тенистые сады окаймляют местность, занимаемую городом, так что он весь утопает в чаще этих садов; лишь изредка там и сям из этого моря зелени выглядывают крыши городских зданий, да высются купола церквей с сияющими при блеске солнца золотыми главами и крестами; а внизу крутого берега тихо искрится лентообразными изгибами река Упа с целым рядом незатейливых, лепящихся по ней, водяных мельниц. Живописное местоположение города и окружающие его виды в особенности хороши и резко бросаются в глаза, если взглянуть на все это с ближайших возвышенностей Тульской или Калужской дорог»⁴¹.

Еще в прошлом веке сияли на солнце купола древних храмов: соборного Воскресенского, основанного по преданию одоевскими князьями, затем перестроенного первоначально в 1675 г. и окончательно уже в 1834 г.; Благовещенской церкви, существовавшей с XVII в. и перестроенной в 1775 г.; Богоявленской, тоже древней, менявшей место своего нахождения и окончательно устроившейся в 1794 г.; Казанской 1765 г., Преображенской 1790 г. и наиболее молодого храма, Троицкого, построенного в 1839 г.⁴² Из них сегодня только Троицкий храм отреставрирован и продолжает действовать. Совсем рядом с Одоевом и сейчас возвышается великолепная церковь Рождества Богородицы Анастасова монастыря, основанного в XVI в. князем Иваном Воротынским. Церковь построена в 1669—1675 гг. на высоком, но пологом правом берегу Упы и несмотря на то, что много лет была заброшена, выглядит чрезвычайно внушительно.

Однако внешняя привлекательность города в прошлом веке была

весьма обманчива, и Краснопевцев далее добавлял: «Внутренняя обстановка города не выражает того эффекта, какой представляет внешний вид его. Постоянно грязный, неправильно и дурно выстроенный, он не производит с первого же взгляда никаких приятных впечатлений»⁴³.

Талантливо составленный генеральный план реконструкции города не был до конца воплощен в жизнь. «Благоустройство города Одоева и по причислению его к числу уездных городов Тульской губернии надолго еще оставалось не в особо цветущем положении, — писал И. Краснопевцев. — Церкви, а равно и дома обывателей до конца прошлого [XVIII] столетия были почти все деревянные и большая часть строений жителей покрыта была соломой; да и самый город занимал небольшое пространство и был расположен вблизи нынешнего городища... Еще в начале настоящего столетия город Одоев был окружен лесами...»⁴⁵.

Помещик А. Д. Тейльс в записках 1830 г. отмечал, что «город не дурен», но кругом ужасная грязь. Ему очень понравился вид, открывавшийся с крепостного вала на Калужскую дорогу, ближайшие села и усадьбы с церквями, и он сожалел, что «до сих пор не вздумали учредить сад внутри и по валам крепости»⁴⁶.

Но вернемся к описанию Одоева И. Краснопевцева. Оно очень правдиво, колоритно, и к нему трудно что-либо добавить.

В середине XIX в. «город Одоев также не представлял в себе ничего цветущего. Большая часть строений были деревянные, крытые соломой; по улицам в весеннее и осеннее время стояла непролазная грязь и огромные лужи воды, от которых нередко в ночное время проезжие ломали оси своих экипажей или, увязив таковые в грязи, принуждены были прибегать к помощи жителей. В 1860 г. жителям города Одоева пришлось испытать целый ряд бедствий и пожаров, происшедших вследствие поджогов со стороны злоумышленников»⁴⁷. Любопытно было бы узнать, что это были за злоумышленники и что побуждало их к поджогам (как известно, примерно в то же время по Петербургу прокатилась волна поджогов, в которых правые винили «нигилистов», а левые видели провокацию правительства... Как знать, уж не отголоски ли большой политики эти одоевские поджоги?!), но история на сей счет молчит.

В это время в Одоеве было 6 церквей, все каменные, лучшей из которых современники называли собор Воскресения Христова, построенный в XIX в. на месте бывшего древнего храма XVII в. Собор стоял посреди старого городища. Место это до сих пор носит название «Соборной горы», хотя собора там уже давно нет. Всех домов насчитывалось 565; причем только 21 дом был каменным. «Военно-статистическое обозрение» отмечало, что «городу принадлежит лучший каменный корпус, занятый городскими присутственными местами, которые расположены по найму в частных домах. Между домами,

принадлежащими жителям, отличается каменный трехэтажный дом купца Толстикова».

Одоевское купечество торгует слишком на миллион рублей хлебом и пенькой, хлеб закупается в Орловской губернии и сбывается в Калуге и Вязьме; ...сало, воск, мед и шетину сбывают в Тулу. Украинский скот, голов до 1000, прогоняется в Москву... В Одоеве существует только два кожевенных и три кирпичных завода»⁴⁸. Как видим, не столько производством, сколько перепродажей, сбытом занималось одоевское купечество, но делало это неплохо. Торговое предпринимательство требовало знания грамоты, в Одоеве существовало уездное училище, и при нем раньше, чем где-либо еще в Тульской губернии, был класс для девочек. Подробнее мы поговорим об этом в следующей главе.

ЧЕРНЬ

Современный поселок Чернь также был когда-то городом. Существовавшая в XVI в. как сторожевой пункт, Чернь при Петре I была приписана к корабельным делам и в 1708 г. зачислена в Азовскую губернию. Позже Чернь была в составе Орловской провинции Киевской губернии, потом Белгородской и, наконец, с 1777 г. вошла в Тульское наместничество⁴⁹. Такие удивительные в географическом отношении дела случались иногда в истории.

В 1777 г., став уездным городом, Чернь состояла из 15 улиц и переулков, где располагалось 148 домов, 4 лавки, 1 питейный дом и 1 пивоварня, да 4 деревянные церкви в городе и вне его. В городе проживало 226 человек, из них 62 мещанина, 153 однодворца и 11 человек, «которые платят подушные деньги своим господам»⁵⁰.

В начале XIX в. В. А. Левшин писал о Черни: «Прежде сего город сей населен был по обе стороны реки Чернь, от которой и название свое имеет; но с открытия Тульской губернии начал строиться по утвержденному плану и расположен на левом нагорном берегу реки сей. Со всем тем город сей беднейший из всех в Тульской губернии, и нет в нем каменного строения, кроме одной церкви»⁵¹. Вероятно, В. А. Левшин имел в виду Успенскую церковь, построенную в 1794 г. вместо более древнего деревянного храма. Две другие каменные церкви, Соборная Крестовоздвиженская и Покровская, строились долго, из-за «недостаточности денежных средств», и были окончательно устроены и освящены только к середине XIX столетия.

«Самым беднейшим из городов Тульской губернии» Чернь оставалась и в середине XIX в. Капитан Гвоздев в своем обозрении Тульской губернии писал, что «Чернь скорее походит на селение, нежели на уездный город. Дома все вообще малы и бедны, ни один из них не отличается наружностью». Хотя количество домов выросло до 245. од-

нако каменным был из них всего один. Правда, все три церкви были каменными.

Интересно, что на очень немногочисленное население — 2403 человека, в середине прошлого столетия имелось 2 училища, в которых обучался 101 ученик. Как и во всех уездных городах, в Черни были больница на 12 кроватей и аптека. Торговля и промышленность были развиты очень слабо. «Купечество здешнее, — сообщало «Военно-статистическое обозрение», — торгует хлебом, пенькою, медом, конопляным маслом, солью и кожами; но торговля эта столь незначительна, что вся она уступает оборотам проживающего в Черни перемышльского купца 2-й гильдии Павлова, который производит торг хлебом тысяч на 700; лавок в городе 23 и один винный погреб... Фабрик вовсе нет, а существует один салотопенный завод... из сала делают свечи и продают их в городе»⁵².

√ БЕЛЕВ

«Знаменитым городом в Тульской губернии» называли современники в конце XVIII — начале XIX вв. город Белев. Известный с XII столетия древний город претерпел многочисленные нападения татарских войск, находился во власти литовских князей, с XV в. вошел в состав Московского государства. В XVIII столетии Белев стал крупным религиозным центром, в нем был возведен целый архитектурный комплекс монастырей и церквей, очень эффектно расположенный на крутом берегу Оки.

К глубокой древности, к XV в. относится основание Спасопреображенского мужского монастыря, до сих пор поражающего уникальностью архитектурного решения, величественными следами былой красоты. Монастырь был основан как родовая усыпальница белевских князей и славился своим богатством. Три сохранившиеся древние церкви монастыря — Спасопреображенский собор (1683—1686 гг.), надвратная Алексеевская церковь (1695—1697 гг.) и Введенская церковь (1698—1700 гг.) — являются редчайшим, а для тульского края единственным цельным архитектурным ансамблем XVII столетия. Реставрация их была начата, но так и не доведена до конца. Вертикальной доминантой города и сейчас является прекрасная колокольня Спасопреображенского монастыря, выстроенная в классическом стиле в 1818—1820 гг.

Еще один архитектурный памятник Белева — Крестовоздвиженский девичий монастырь — был основан в 1625 г. До нас дошли, правда, только здания, сооруженные вместо древних построек уже в XIX в., — колокольня начала века, более простая, «провинциальная» по сравнению с колокольней Спасопреображенского монастыря, и Крестовоздвиженская церковь 1866—1869 гг.⁵³. Здания также нуждаются в реставрации.

Назначенный уездным городом в 1777 г., Белев был довольно большим и благоустроенным. От древних времен вокруг города оставались следы бывших укреплений — рва и земляного вала. Кроме двух монастырей, в Белеве конца XVIII в. было 15 церквей. При мужском монастыре уже тогда действовала семинария для 160 учеников — одно из первых учебных заведений на территории губернии. На 36 улицах и переулках располагались 153 лавки, 15 харчевен, 2 госпиталя, колоссальное количество кузниц — 51 железная и 2 медные, 46 каменных домов и 1008 деревянных, 11 питейных домов. Дильтей в 1777 г. писал, что в Белеве «считается солодоуваренных заводов 8, из них один каменной [т. е. выстроенный из камня]; кожевенных 12, из них 3 каменные; скорняжных два; салотопенных 3, из них 2 каменные; 3 пивоваренных; 1 для печных изразцов и 2 воскобойных... По учреждению наместничества считается 791 купец... 1535 мещан... и 70 мастеровых людей... Сверх обыкновенных ремесел кузнечного, кожевенного и подобных сим делают здесь столовые ножи самой лучшей работы»⁵⁴. 31 завод в 70-х годах XVIII в.! Такого мы не наблюдали в других уездных городах Тульской губернии даже в середине следующего столетия.

Белев сильно страдал от пожаров. Почти весь город выгорел в пожаре 1719 г. Второй разорительный пожар случился в 1772 г., уничтожив 69 домов. Вспыхнувший 2 мая 1801 г. пожар, по словам современника и очевидца В. А. Левшина, «был из ужаснейших». «Менее, нежели в час объезды стали пламенем два монастыря, шесть церквей, все присутственные места и до 450 обывательских прекрасного здания каменных и деревянных домов. Распадение огня было так велико, что каменные здания загорались не на кровлях, но снизу у основания. Пламенные клубы и вихри носились над городом от усилия бури, сопровождаемой естественными вихрями... Не спасено ничего из деревянных строений, ибо от пыли огненного, искр и дыму не можно было приступить к угашению». Однако, как писал далее В. А. Левшин: «несчастное сие приключение вскоре изгладилось в памяти: пострадавшим бедным жителям Белева было выделено из казны 2,5 тыс. рублей займа без процентов с рассрочкой на 20 лет, да белевское дворянство и купечество собрало по подписке и подарило бедным 6 тыс. рублей. С таковым важным пособием при ревностном присмотре погоревшие обыватели чрез четыре месяца обстроились в лучшем виде по плану и фасадам Высочайше утвержденным, и город Белев учинился красивее прежнего»⁵⁵.

Чем же был красив Белев в начале XIX в.? Посмотрим на него глазами все того же Левшина: «Положение места, занимаемое городом, очень красивое: занят оным высокий крутогорный левый берег Оки реки, так что приезжая от Москвы, Тулы и Мценска, можно увидеть все лучшие, находящиеся в нем здания. Но и со всех сторон город сей виден на великое расстояние: устроен на трех горах: на первой, отде-

ляемой речкой Беленкой, находилась крепость, в оной ныне соборная деревянная церковь со строимой вновь соборною же каменною церквью, во имя собора Пресвятые Богородицы [церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная в 1719 г. и сильно пострадавшая от пожара 1801 г.; не сохранилась], и казенные здания, Присутственные места, магазины и остров с предместьем с Московской стороны, называемый Казачья слобода, в которой каменная церковь [внятых] Кузьмы и Дамиана [вероятно, речь идет о приделе во имя святых Космы и Дамиана Покровской церкви, так как отдельной церкви с таким названием в Белеве не было; не сохранился]; в оном ныне и Дворянская улица [теперь Пролетарская], очень хорошо выстроенная. Городская часть отделяется от сей речкою Выркою; в ней лучшие здания здешних жителей, два монастыря, на берегу реки Оки расположенные: первый мужской Спасопреображенский Епархиальный, второй женский Крестовоздвиженский; 8 каменных огромных церквей приходских и 1 деревянная... в этой части находится огромный Магистрат на Купеческой Площади [до революции называлась Нижней, теперь пл. Революции; здание замыкает нынешнюю улицу Софьи Перовской; сейчас там медицинское училище], составляющий обширный четверугольник, окруженный торговыми каменными лавками. Вторая торговая площадь [до революции называлась Верхней, иногда Хлебной площадью, теперь площадь Октября] еще обширнее первой, устроенная также по новому плану и данным фасадам, окруженная деревянными, а отчасти и каменными торговыми лавками. В сей части много огромных каменных купеческих домов, выстроенных по новой архитектуре; из них отличнейшие... [Господ] Истоминных [на ул. Истоминской]. Далее отстраивается купечеством дом каменный народного училища... Завырская часть отделяется от сей городской речкою Выркою. На высокой горе, во-первых, представляется великолепная церковь Св. Апостолов Петра и Павла, выстроенная 1-й гильдии купцом Селиным [в 1782 г., теперь там располагается маслозавод, здание требует реставрации]; в одной линии находящийся с нею дом сего купца в два жилья [этажа, на ул. Фрунзе] огромен и, будучи окружен каменными оградами, представляет издали Замок, что придает городу особливую красоту, особливо же представляет оный в великолепном виде едущим по Московской и Тульской дорогам. В этой части также много каменных домов, почти все заводы городские и четыре водяных мучных мельницы. Более церквей в этой части города, кроме каменной часовни, нет; но зато изобилие в раскольнических скитах или кельях. Хотя оные и есть при многих домах, но во всем городе сие Завырье, а паче так называемая Зосимовская улица [теперь не существует], есть самое гнездо сих обманщиков, распутных и тунеядцев. Частица небольшого города, отделяемая от него протоками Денежным и Карачовским, а от Завыры речкою Выркою, состоит из мало-важного построения деревянных домов, подлежащих разночинцам. К

сей же Завырской части прилегает очень хороший мост на судах через Оку реку»⁵⁶.

К середине XIX в. город сильно вырос, в нем было уже три площади и 50 улиц с переулками. Несколько увеличилось количество домов, их стало 1228, причем 126 из них были каменными. Шесть улиц были вымощены камнем. Современник писал, что «особенно хороша Московская улица [позже называлась Дворянской, теперь Пролетарская]; она пролегает в прямом направлении от Московского выезда через всю городскую часть и спускается по крутому берегу к реке Вырке... На этой улице находятся присутственные места, лучшие дома Белевских купцов, их магазины и лавки. Вообще Белев опрятен и красиво построен... В Белеве имеются два училища: уездное и приходское; в них... учащихся 413. Кроме вдовьего дома здесь находятся: воспитательный дом и 5 богаделен. Всего в городе жителей обоего пола 6700 душ...»⁵⁷.

Вдовый дом, о котором упомянул составитель описания Белева капитан Гвоздев, считался лучшим зданием Белева в начале XIX в. (сохранился, ул. Октябрьская, 7). Первоначально он принадлежал купцу Дорофееву, и современники часто называли его дворцом, так как именно в нем останавливалась проездом императрица Елизавета Алексеевна, жена императора Александра I. Летом 1825 г. здоровье Елизаветы Алексеевны, и без того не очень крепкое, заметно расстроилось. Врачи прописали ей целительный воздух Италии. Но в государстве было беспокойно, и царская чета не решилась оставить страну. Вместо Италии был выбран Таганрог. Александр I отправился вперед, чтобы все приготовить к приезду больной, но вскоре после ее прибытия заболел сам и неожиданно скончался. Последствия этого события всколыхнули Россию и хорошо известны всем: восстание на Сенатской площади, пятеро повешенных, сотни сосланных в Сибирь и т. д. Вдова императора, тяжело пережив кончину супруга, только весной следующего года смогла отправиться в обратный путь. Но в дороге ей стало совсем нездоровиться, и она была вынуждена остановиться в Белеве, в доме купца Дорофеева. Спустя несколько дней, 4 мая (по старому стилю) 1826 г. вдовствующая императрица скончалась.

Дом купца Дорофеева был выкуплен у него правительством, и в память о кончине Елизаветы Алексеевны там уже в следующем году был устроен «Вдовый дом» — приют для вдов из разных сословий. При доме была сооружена церковь во имя святой и праведной Елизаветы, а в саду дома установлен мраморный памятник, увенчанный бронзовой царской короной, под которым был зарыт металлический ящик «с внутренностями императрицы после бальзамирования ее тела»⁵⁸.

«По торговле Белев занимает второе место в губернии после губернского города, — сообщает нам «Военно-статистическое обозрение Российской империи» 1852 г., — и принадлежит к числу весьма немногих уездных городков, производящих обширную торговлю. Об-

ширную свою торговлю он обязан судоходной реке Оке, по которой ежегодно проходит вверх и вниз до 1500 судов разной величины».

Белевские купцы с успехом торговали хлебом, конопляным маслом, пенькой. Раз в год, с 28 августа по 10 сентября в Белеве проходила крупная ярмарка, по-видимому, наиболее крупная после тульских ярмарок. Капитан Гвоздев писал, что в Белев «к этому времени привозят красные товары, галантерейные, серебрянные и золотые вещи, чай, сахар, сукна, шелк и проч., всего на миллион рублей серебром»⁵⁹.

К этому времени Белев приобрел славу еще за одну сторону своей деятельности — маркитантство, т. е. торговые поставки в армию. Белевские купцы часто сопровождали русские войска во время маневров, снабжали их всем необходимым и даже получили на это особую привилегию. Торговля и маркитантство постепенно вытесняли другие виды деятельности населения города. Если в 1777 г. в Белеве насчитывался 31 завод, то спустя 70 лет их число резко сократилось: «Военно-статистическое обозрение» 1852 г. отмечало, что в городе «фабрик нет; когда-то делались в Белеве столовые ножи превосходной работы; но эта отрасль промышленности давно здесь не существует. Между заводами важнее прочих кожевенные купца Селина. Сальные заводы упадают: прежде вытапливалось сала до 35 000 пудов, а теперь на 9-ти заводах только 10 000 пудов. Лучший завод сальных свеч — Сорокина достаточен только на удовлетворение местных нужд». В городе по-прежнему было много кузниц — 24, на которых работали 97 человек, но и они, в основном, обслуживали армию.

Тем не менее, Белев и в середине XIX в. оставался «во всех отношениях первым городом после губернского во всей Тульской губернии как по величине, красоте зданий, богатству и оборотам купечества, так и по тому влиянию, которое он оказывает по своей торговле на соседние уезды Орловской и Калужской губерний»⁶⁰.

Ушли в прошлое влияние, красота, богатство... Хотя многие здания, о которых писали современники, сохранились до наших дней, нам они уже не кажутся ни «великолепными», ни «огромными»; некоторые из них, к сожалению, разрушаются и умирают. На это больно смотреть. Другие, к счастью, реставрируются, и, хотя работа эта ведется уже много лет, все-таки есть надежда, что когда-нибудь Белев возродится.

АЛЕКСИН

Славным древним городом Тульской губернии был город Алексин, основанный в конце XIII в. как оборонительное укрепление небольшого удельного княжества Тарусского. Это укрепление располагалось на Ильинской горе, на городище «Сторожек», т. е. в 2 км от современного города. И только после двух веков разорительных набегов татарских и литовских захватчиков, сожжения города войсками хана

Ахмета в 1472 г. и моровой язвы, от которой вымерло почти все население, город был возрожден на новом месте, на кремлевском холме в центре современного Алексина⁶¹.

«Близкое соседство города Алексина к столичной Москве и к городам Калуге и Туле, — писал В. А. Левшин, — кои в древности служили почти непрерывным театром войны, при нападениях от внешних врагов и возмущениях от злодеев внутренних, подвергало оный очень часто бедствиям». Так было и в 1593 г., когда город, перед тем пострадавший от татар, подвергся гонениям со стороны Бориса Годунова, который, по словам историка, «военными замешательствами старался затмить следствия упавшего на него подозрения в убийстве брата царева Дмитрия Ивановича в Угличе... К утешению такового справедливого впрочем обвинения, Годунов, быв тогда в великой силе, послал тогда по городам уполномоченных разыскивать виновников сего слуха. По сему обстоятельству тогда много алексинцев пострадало, замучено пытками, казнено; иным резали языки и в темницах поморили»⁶².

В начале XVII в. через Алексин шесть раз проходили то войска восставших, то войска карателей: в 1605 г. Алексин принял сторону Лжедмитрия I, в следующем году сдался отрядам Ивана Болотникова, сторонников которого еще через год выбили с боем войска Василия Шуйского. В том же 1607 г. Алексин заняли отряды самозванца Петрушки, и снова он был взят приступом царскими войсками. В 1613 г. гетман Лисовский с польскими войсками разорял окрестности Тулы и Алексина, но на подступах к последнему был разбит русскими силами и окончательно отошел в Литву.

Город страдал не только от разорительных набегов и войн, но и от эпидемий и пожаров. Сильнейший пожар 1768 г. истребил весь город, оставив из всех построек всего четыре купеческих дома и соборную церковь конца XVII в., поэтому ничто не мешало отстроить Алексин заново уже по новому регулярному плану. Центром и административным сердцем города осталась историческая часть, территория кремлевского холма. От него отходили три параллельных улицы: Первая и Вторая Перспективные улицы (теперь Советская и улица Ленина) и Крапивенская. В 1777 г. в Алексине было 342 дома, причем только два из них каменных, 17 улиц и переулков, 4 церкви, 32 лавки и два питейных дома⁶³.

В центре, на Первой и Второй Перспективных улицах селились богатые алексинские купцы. Наиболее замечательным домом в Алексине конца XVIII в. был дом купца Ивана Афанасьевича Маслова (ул. Советская, 43, теперь здание Алексинского краеведческого музея), построенный в лучших традициях классического стиля. А. Т. Болотов, посетивший Маслова в 1792 г., писал, что дом его «превеликий, прекрасный и наилучший во всем Алексине»⁶⁴.

С течением времени площадь города почти не менялась: как сооб-

шалось в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», город был сжат «со всех сторон экономическими слободами: Стрелецкою, Пушкарскою, Кузнецкою и Рыбацкою, ...так что жители принуждены строиться в казенных слободах, платя крестьянам не только за места, отводимые им под дома, но и неся на них двойные подати... Алексин не может распространиться, пока от городской черты не будут отселены экономические крестьяне».

В 1831 г. город вновь сильно пострадал от пожара, так как большинство домов продолжали строить из дерева. В середине прошлого столетия в Алексине насчитывалось 251 деревянный и 14 каменных домов, проживало 2382 человека, было два училища и богадельный дом «для бедных обывателей», построенный купцом Масловым. При чем капитан Гвозден отмечал, что при малом числе домов в городе было довольно большое население, «так что на каждый дом приходится 10 человек жителей». Далее он следующим образом описывал состояние города: «...строения вообще ветхи и плохи, несмотря на то, что город преимущественно торгует лесом. Между частными домами замечателен, по своей величине и отделке, дом купеческой дочери Масловой. Площадей две: одна из них вымощена камнем; на нее привозят в положенные торговые дни (два раза в неделю, по четвергам и понедельникам) всякий хлеб, разные огородные овощи, рыбу из Рыбацкой слободы и вообще съестные припасы; на другой продаются: сено, солома, дрова, телеги и другие изделия сельской промышленности... Улиц 4, из них две вымощены камнем; впрочем грунт земли так песчан и каменист, что мостовые места вовсе не нужны. Кроме моста через реку Мордовку и через ров, у острога, есть еще третий большой, на 8 плашкотах, через реку Оку. Он построен купцом Масловым и принадлежал ему 12 лет; теперь же поступил в собственность и заведование города... Осенью мост разводят, и переправа производится на двух паромах... на переезд нужно от 15 до 20 минут».

Хотя город находился на крупной реке, это очень мало способствовало развитию торговли и промышленности: «у города редко останавливаются суда, разве для починки или для зимовки, а большую часть они проходят мимо». По поводу хозяйственных успехов Алексина автор «Военно-статистического обозрения» пришел к неутешительным выводам: «Вообще торговля в городе ничтожная... Заводы: салотопенный, маслобойный, пивоварный и кирпичный незначительны»⁶⁵. Выгодно отличалась от них только парусная фабрика Масловой. Как видим, семья купцов Масловых (кстати, весьма культурных людей, любителей и собирателей книг) в течение длительного времени не просто играла заметную роль в жизни Алексина, но и во многом определяла ее.

В целом же провинциальный город жил тихой и скромной жизнью: даже на ярмарки съезжались обычно только крестьяне окрестных деревень да местные торговцы. Иногородние купцы не жаловали

Алексин, их приезжало не более 20 человек. Видимо, самым веселым и долгожданым временем года для алексинских жителей, особенно для молоденьких его обитательниц, была зима, когда в город на зимние квартиры прибывала одна из батарей артиллерийской дивизии. По этой части Алексин мог соперничать с Тулой, Белевом и Ефремовом, где также зимой располагались войска, что вносило сильное оживление в городскую жизнь.

√КАШИРА.

Отошедшая теперь к Московской области Кашира в XVIII в. относилась к Тульской губернии и была уездным городом. Город был основан около XIV в. на месте древнего городища, история которого восходит к VII—IV вв. до н. э. Так же, как и другие старинные русские города, Кашира в течение нескольких веков своего существования подвергалась разбойничьим набегам татарских орд, была жертвой беспрестанных междоусобных войн и разорений. Она считалась когда-то центром отдельного княжества, затем входила в состав Казанского царства, а в конце XVI в. была включена в состав Московского государства. Город находился на южных рубежах страны и поэтому был укреплен: в XVI в. были сооружены крепостные стены и вал, которые, однако, были вскоре разрушены татарами. По указу царя Михаила Федоровича Романова Кашира в начале XVII столетия была перенесена на противоположный, правый берег Оки, где и располагается по сей день. Жители Каширы, как и их соседи алексинцы, в Смутное время присоединялись то к Лжедмитрию I, то к Болотникову, то к самозванцу Петрушке, потом к Лжедмитрию II, но каждый раз были жестоко наказаны царскими войсками⁶⁶.

К XVIII в., как писал В. А. Левшин, Кашира «после многих претерпенных нещастий начала оправляться, и спокойное время привело было мало по малу торги сего города в цветущее состояние; но два великих пожара опять привели сей город в упадок». Первый пожар, случившийся ночью в мае 1765 г., «в несколько часов обратил в пепел было до ста лавок и все кладовые амбары с товарами, также много обывательских домов со всем именем». Убыток от пожара достигал ста тысяч рублей «и столь много расстроил здешнее купечество, что оное донныне не может прийти в прежнее состояние». Второй пожар случился 28 июня 1784 г. и опять уничтожил торговые ряды и около 80 жилых домов. «Жители опять претерпели убытку до 20000 рублей, и тем паче состояние их было расстроено»⁶⁷.

В 1777 г. город состоял из 16 улиц и переулков, в нем было 7 церквей, 440 домов и проживало 242 купца, 323 мещанина, 100 ямщиков и 118 рыбаков. О том, что в Кашире до последнего пожара была обширная торговля, говорит большое число всевозможных лавок: их насчитывалось 94.

После разорительных пожаров город медленно приходил в себя, отстраивался по новому генеральному плану. В середине XIX в. в Кашире уже проживало 3310 человек и, по свидетельству современника, город был «обстроен довольно порядочными зданиями; некоторые улицы (числом пять) и главная площадь вымощены камнем. На главной площади [Соборной] построены: собор Успения Пресвятой Богородицы, красивое и богатое здание [1837—1842 гг.], частный дом и два корпуса присутственных мест [здания сохранились и сейчас, пл. Володарского, 5 и 7, правда, их состояние оставляет желать лучшего]. Другая площадь, называемая Торговою [или Хлебною, имевшая необычную восьмиугольную конфигурацию, теперь пл. Урицкого], обнесена лавками и балаганами; на ней бывают еженедельные торги и годовые ярмарки. Лучшие здания в городе суть: присутственные места, два дома, принадлежащие обществу, из которых в одном помещается приходское училище, а в другом лазарет для войск, и два двухэтажные дома, где помещается богадельня купца Козакова... Из зданий, принадлежащих горожанам, заслуживает внимание каменный трехэтажный корпус на суконной фабрике почетного гражданина Попова. Вообще, в Кашире дома хорошо выстроены, красивы и содержатся в исправности, оттого что строевой лес, сплавляемый по Оке, здесь дешев; по этой же причине в городе мало каменных зданий»⁶⁸.

Путешественнику было приятно полюбоваться Каширой, так как «город выстроен на местности живописной и из-за Оки имеет прекрасный вид. Нагорный берег Оки чрезвычайно крутой и высокий, прорезанный глубокими оврагами и рытвинами». Однако, это обстоятельство доставляло много неудобств местным жителям: «большие затруднения при спусках к реке, из которой город пользуется водою, а с другой стороны овраги, пересекая некоторые улицы, сделали необходимым устройство мостов, требующих постоянной поддержки».

Как и Алексин, Кашира мало пользовалась преимуществами расположения на большой судоходной реке: в городе не было пристани, поэтому суда останавливались там крайне редко, только в случае необходимости ремонта, либо для пополнения провианта. Тем не менее в Кашире устраивалось ежегодно пять ярмарок, было 6 фабрик и 12 кузниц. Современник отмечал, что «в числе фабрик первое место занимает здесь суконная фабрика почетного гражданина купца 1 гильдии Попова: фабрика эта одна из замечательных в целой губернии. Она помещается в восьми каменных и семи деревянных строениях, имеет кроме прессов, кубов, красильных котлов, валяльных и промывательных ступ, 42 различные машины, которые действуют пятью водяными колесами».

Об основных занятиях жителей Каширы «Военно-статистическое обозрение» сообщало, что «мещане промышляют разными ремеслами, служат по питейным сборам, ловят рыбу в Оке и в озере Петине, недалеко от города, ...работают на фабриках и заводах, содержат трак-

тиры, постоянные дворы, снимают сады и огороды, и произведения их нередко доставляют в Москву. Бедные жители уходят зимою по паспортам в Москву...»⁶⁹.

Сегодня Кашира — небольшой городок на самом краю Московской области, очень тихий и живописный, со своеобразными деревянными улочками и новостройками по окраинам. Как и прежде, почти из всех уголков города видна Ока с вековыми лесами по берегам и величественным Белопесоцким монастырем XVI—XIX вв. на противоположном берегу, рядом с тем местом, где когда-то располагался древний город.

ЕФРЕМОВ

В южной части Тульской губернии располагался уездный город Ефремов. Среди других уездных городов губернии он был самым молодым: он был основан в 1637 г. московскими военными служивыми людьми на северной окраине постепенно осваивавшегося Дикого поля. Построенная тогда же деревянная одиннадцатиташенная крепость к середине XVIII в. пришла в ветхость, была разобрана и пошла на отопление воеводской канцелярии⁷⁰.

В момент открытия Тульского наместничества Ефремов состоял из 5 улиц и 7 переулков, на которых находилось 7 церквей, два каменных дома и 396 деревянных, 19 лавок и два питейных заведения. Город, по-видимому, сильно страдал от пожаров, так как строение все в нем было «деревянное и плетневое и почти без изъятия все крыто соломою». В Ефремове в ту пору проживало 1130 «душ мужеска полу», т. е. около 2500 жителей⁷¹. Интересно, что из 1130 мужчин 1033 человека были однодворцами-дворянами — явление очень редкое! Число дворян среди жителей Ефремова и его уезда со временем все увеличивалось; это объяснялось исключительной плодородностью земель (черноземов) в городе и вокруг него, которые жадно скупались и захватывались дворянами и чиновниками.

Перестройке города по генеральному плану 1779 г. мешал земледельческий характер занятий его жителей. Лишь постепенно к концу XVIII в. помещичьи и крестьянские хозяйства стали переноситься за черту города, часть жителей переселилась за Красивую Мечу, образуя там новые деревни, а город стал застраиваться на новый лад.

На месте засыпанного оборонительного рва была создана главная площадь города — Красная (как любили наши предки это название!), от углов которой радиально расходились три улицы: Дворянская (теперь К. Маркса), Чернская (Красноармейская) и Большая (Свердлова). Весь город был разбит на 15 улиц и 40 кварталов. Однако, архитекторы не учли особенностей местного пейзажа, отчего Ефремов оказался стоящим боком к Красивой Мече и лучшая в архитектурном отношении часть города — набережная реки — оказалась занята дворами и огородами⁷².

В начале XIX столетия Ефремов имел не очень привлекательный вид: как писал В. А. Левшин, «каменного строения в нем мало, да и деревянное, из разного лесу состоящее, не очень красиво и большею частью крыто соломою»⁷³. В городе было три каменных храма — соборная Троицкая церковь, выстроенная в 1795 г. на средства прихожан, среди которых особенно выделился купец К. И. Минаев; Николаевская церковь, построенная в самом конце XVIII в., и Покровская, возведенная в 1777 г.⁷⁴.

К середине века состояние города мало изменилось: из 15 улиц и переулков только две были вымощены камнем и еще две «хрящем», две площади, на которых велась торговля и устраивались ярмарки, не были вымощены. Город терпел большой недостаток в хорошей воде: «большая часть жителей берет ее из реки, которая весьма удалена от некоторых кварталов, а колодцев в городе всего 13, и вода в них нечиста и нездорова».

Ефремов был расположен на главной торговой магистрали Российской империи — большом Кавказском тракте, однако преимущества этого использовал мало. «Самая малочисленность трактиров и гостиниц (4), постоялых дворов (7) и харчевен (2) показывает уже маловажность их выгод», — писал современник⁷⁵, и нам остается только удивляться различию наших с ним представлений о необходимом количестве гостиниц и «постоялых дворов» в городе. Торговые капиталы, а их у здешнего купечества было немало, делались, в основном, на продаже хлеба, хотя в этом отношении, несмотря на наличие очень плодородных земель, Ефремов сильно уступал Туле и даже Белеву. «Фабричные заведения вообще ничтожны», — сообщало «Военно-статистическое обозрение Российской империи» 1852 г.⁷⁶.

В середине прошлого столетия в Ефремове находилось два училища, где обучалось 114 мальчиков, городская больница на 12 кроватей, аптека и богадельня, т. е. вполне типичный набор благотворительных учреждений провинциального города.

✓ НОВОСИЛЬ

В XVIII в. в состав тульской земли входил еще один город — Новосиль, теперь относящийся к Орловской области. Стоял он на высоком правом берегу реки Зуши, на краю Дикого поля. В глубокой древности, в XIII в. Новосиль был центром большого и сильного княжества Новосильского. В течение нескольких веков земли эти подвергались постоянным нападениям татар, литовцев, разорялись в междоусобных войнах. Для защиты от врагов в Новосиле была выстроена деревянная крепость, но к XVIII в. она исчезла с лица земли; сохранился лишь глубокий и широкий земляной ров, который окружал город с одной стороны, а с другой его замыкала Зуша.

В 1777 г., став уездным городом Тульской губернии, Новосиль состоял из 8 улиц и 2 глухих переулков, на которых располагались 2 питейных дома, 156 «обывательских домов» и 6 лавок, проживало в нем 170 мещан и 389 ямщиков⁷⁷.

К началу XIX в. Новосиль превратился в «маловажнейший из городов Тульской губернии». «Строения каменного в нем почти нет, — писал В. А. Левшин, — кроме одной церкви и двух магазинов; да и деревянное очень маловажно»⁷⁸.

К середине века Новосиль немного вырос по площади, в нем было уже 295 домов, однако каменных было по-прежнему только два. Садов в городе было мало, однако, «при редком доме нет огорода». Площади и улицы оставались немощеными. Площадей в городе было три, но только на одной велась торговля, две другие были «бесполезны и более похожи на пустыри; из числа 30 улиц и переулков ни одна не отличается красотой зданий и правильностью; в распутицу они грязны». Количество жителей увеличилось до 2668 человек, в городе было 5 заводов: три салотопенных, один кирпичный и один пивоваренный — и 32 лавки. Город скрашивала только река, в районе Новосила она была довольно глубока и полноводна, с высокими крутыми берегами. В середине XIX в. по Зуше предполагалось даже открыть судоходство, а в Новосиле построить пристань⁷⁹.

* * *

Других городов на территории Тульской губернии в конце XVIII и первой половине XIX вв. не было.

ГЛАВА 3

Развитие образования

...люди в гражданстве искусные толкуют, якобы в государстве чем народ простее, тем покорнее и к правлению способнее, а от бунтов и смятений безопаснее...

В. Н. Татищев

Развитие образования в Тульской губернии прошло те же этапы, что были характерны для всей России. Однако, деятельность конкретных людей придала ему те неповторимые черты, что отличают историю одного уголка земли от истории других мест, вызывают в душе гордость за дела предков. Взглянем сначала в целом на развитие народного образования в Тульской губернии, а затем поговорим о конкретной деятельности отдельных людей и сословий.

Заметим, что частое употребление нами термина «сословие» — не дань обязательному и единственно возможному до недавнего времени классовому подходу к истории, а отражение реального положения вещей. Российское общество было официально разделено на сословия с середины XVIII в. Это определяло права, привилегии, условия жизни людей, и переход из одного сословия в другое был весьма затруднен. В частности, чтобы попасть в купеческое сословие, необходимо было обладать определенным капиталом, а личное дворянское достоинство присваивалось за особые заслуги или по достижении девятого класса «Табели о рангах», т. е. чина титулярного советника. Принадлежность к сословию накладывала ограничения и на сферу активности граждан, причем не только низших сословий: например, дворяне не должны были заниматься книжной торговлей, так как это нарушало сословные права купцов. Все это сказывалось на участии в культурном процессе представителей различных сословий и не может не учитываться при обсуждении проблем истории культуры и быта в России.

Первые сведения об учебном заведении в Тульской губернии относятся к концу XVII в. Это не значит, что раньше школ не было, —

традиции домашнего и даже государственного образования уходят корнями в глубь истории. В русской летописи под 988 г. говорится о том, что великий князь Владимир, после крещения киевлян «стал брать у знатных людей детей и отдавать их на учение книжное». А в XI в. действовали школы в Новгороде, Курске¹. Вероятно, школы были и в других городах русской провинции, иначе откуда бы брались грамотные люди, способные управлять государством, строить города, создавать шедевры искусства. Были, наверно, школы и на тульской земле, но нам о них пока ничего не известно.

В конце XVII столетия, возможно, в 1660—1670-х гг., была организована первая известная нам школа на Каширских железных заводах Марселеса у деревни Ченцово на реке Скниге (ныне Заокский район Тульской области). В материалах инспекционного обследования заводов 1690 г. указано, что среди иностранных специалистов, приглашенных из-за границы для работы в Ченцове, находился и «школьный мастер что детей учит» Адольф Гульф, живший там, получавший жалованье и работавший в специальной «школьной избе»². Школа была иностранной, но тем не менее это была первая школа на тульской земле. Следующие по времени организации учебные заведения возникли только в XVIII в.

В конце 1730-х или начале 1740-х гг. в дворцовом селе Богородицком, позднее переименованном в город Богородицк, при конном заводе правительством была основана «школа конюховых детей», которая должна была готовить дворцовых конюхов, умеющих давать письменный отчет о своих действиях. К 1770-м гг. школа, видимо, прекратила свое существование. Одним из старейших учебных заведений в Тульской губернии было духовное училище в Белеве, основанное в 1761 г. Оно существовало непрерывно в течение всего интересующего нас периода, правда, под разными названиями: с 1761 по 1767 г. оно называлось русской школой, затем в 1776—1782 гг. — семинарией, в последующие годы — училищем и, наконец, с 1852 г. — Белевским духовным училищем³.

Социально-экономическое развитие страны, а также стремление Екатерины II несколько приблизить Россию к «просвещенному» Западу побудили правительство провести в 1770—1780 гг. ряд реформ, в том числе и в области образования. В Наказе «Комиссии об Уложении» были сформулированы главные положения этой реформы: «Хотите ли обогатить народ, создать ему благосостояние, улучшить его труд, увеличить производительность? Устройте повсюду школы, дайте народу образование. В числе естественных богатств надлежит класть природный ум жителей, который, получив просвещение и будучи ревностно поощрен и возвышен, может простерться далече и великими своими успехами принести пользу государству и частным людям не малую»⁴.

В 1782 г. была организована «Комиссия об учреждении училищ»

для разработки школьной реформы. В результате реформы, осуществление которой началось с 1786 г., страна должна была покрыться сетью новых всеобщих учебных заведений, дающих возможность получения образования детям из непривилегированных сословий. К концу XVIII в. в России существовало более 500 учебных заведений с числом учащихся 60—70 тыс., и, таким образом, в стране примерно за полвека получили образование более 300 тыс. человек. Причем исторические исследования последнего времени опровергают расхожее мнение о том, что грамотные люди были почти исключительно среди дворян: получивших образование в учебных заведениях недворян было в три раза больше!⁵

Одной из первых школ новой системы была тульская «народная школа», открытая в Туле по разным данным в 1781 или 1783 г., — первое в Тульской губернии всеобщее училище, созданное на общественных началах⁶. В 1784 г. в г. Богородицке была основана первая общеобразовательная школа для крестьянских детей — волостное училище. Создание этой школы было связано с именем А. Т. Болотова⁷.

В 1786 г. был утвержден устав народных училищ и вышло правительственное распоряжение об открытии главных народных училищ в 26 губерниях. В силу этого распоряжения 22 сентября 1786 г. в Туле было открыто главное народное училище, состоявшее из четырех классов⁸. Вероятно, оно было преобразовано из тульской народной школы. В главное народное училище принимались «люди всякого сословия от господских детей до их слуг». Курс преподаваемых дисциплин был довольно обширен: арифметика, геометрия, механика, архитектура, физика, рисование, русский язык, история, политическая география, «пространный катехизис и изъяснение евангелия». Главным наставником и преподавателем училища был Ф. Г. Покровский. В 1800 г. в главном народном училище обучалось 128 учеников, из них 14 дворян, 36 купцов и мещан и 78 разночинцев; обучало их 4 учителя⁹. Несмотря на хороший преподавательский состав (об этом будет речь дальше) училище в Туле находилось в «худом состоянии». А. Т. Болотов считал, что это происходит от незаинтересованности местного начальства в развитии народного образования: «от нерасторопности губернатора [А. И. Лопухина] и нерадивости директора [Бахтина]; и нет надежды к поправлению»¹⁰.

Кроме главного народного училища, в конце XVIII в. в Туле было несколько частных пансионов и домашних школ (дворянские пансионы Болотова, Юшковой, Дюблуме, Роде, Жоли, домашние школы духовенства); а в начале XIX в. открылось четыре новых учебных заведения: духовная семинария (1801 г.), Александровское военное дворянское училище (1802 г.), классическая гимназия и уездное училище (1804 г.). О датах основания первых двух учебных заведений в дореволюционной литературе были разные сведения: И. П. Сахаров

считал, что духовная семинария была основана в 1800 г., А. Г. Дружинин — в 1801 г., Н. А. Лебедев — в 1807 г. Александровское военное училище, по мнению А. Г. Дружинина, было основано в 1801 г., другие исследователи считали, что это произошло в 1802 г.¹¹ Современные историки придерживаются точки зрения, что тульская духовная семинария была открыта в 1801 г., а Александровское училище — в 1802 г.¹² По отзыву современника, «вся ученость» Тульской губернии «гнездилась» в этих учебных заведениях, хотя они и «имели разные направления, учителя их жили неприязненно, не сходились в думах о просвещении, судили и думали каждый по-своему»¹³.

Тульская духовная семинария была переведена из Коломны, и ее основание и развитие в Туле было связано с деятельностью духовенства. Александровское военное училище было создано по инициативе тульского дворянства. Тульская классическая гимназия создавалась в соответствии с новым уставом учебных заведений 1804 г. По уставу в каждом губернском городе учреждалось губернское училище или гимназия, а в каждом уездном городе — уездное училище; в городах и селениях уездов в каждом церковном приходе или, в зависимости от количества населения, двух приходах основывалось приходское училище¹⁴. Новый учебный устав 1804 г. соответствовал возросшей потребности государства в квалифицированных специалистах, вызванной растущими промышленностью и торговлей, усложнившимся административным аппаратом.

Закономерность появления устава определила хорошую его реализацию. Так, только в Тульской губернии возникло несколько новых учебных заведений: гимназия и уездное училище в Туле; уездные училища в Белеве, Одоеве (1803), Новосиле (1819), Ефремове (1822), Крапивне и Алексине (1827), Черни (1828); приходские училища в Ефремове (1818), Новосиле (1819), Алексине (1824), Черни (1827), Крапивне (1828)¹⁵.

Тульская гимназия и уездное училище были организованы на базе главного народного училища. 7 августа 1804 г. два высших класса главного народного училища были преобразованы в два низших класса четырехклассной гимназии, а из двух низших классов было сформировано уездное училище. В 1809 г. в гимназии было 40 учеников и 9 учителей¹⁶. В 1828 г. в соответствии с новым учебным уставом тульская гимназия стала семиклассной, а с 1835 г. было введено преподавание для желающих химии, технологии, механики и технического рисования. В 1845 г. при гимназии были открыты постоянные публичные лекции по законоведению, которые читал профессор Пахман. На них мог прийти любой желающий. В 1849 г. курс законоведения был введен в качестве обязательного предмета для учеников гимназии. Гимназия была классической, в ней преподавались два древних языка¹⁷. В 1840 г. при гимназии был открыт «благородный» пансион. Уездное училище располагалось в одном здании с гимназией и было

трехклассным, один из классов был приготовительным. В 1809 г. в уездном училище обучалось 187 учеников, преподавало 3 учителя¹⁸.

Развитие сети учебных заведений в 1820-х гг. было связано с деятельностью декабристов. Просвещение народа было одной из важнейших задач раннего этапа декабристского движения. Выступая против сословной системы образования, декабристы горячо пропагандировали систему взаимного обучения, созданную английскими учителями Ланкастером и Беллом. По этой системе учитель обучал десять учеников, каждый из которых сразу же приступал к обучению еще десяти учеников, обучавших в свою очередь по десять новых учеников и т. д. Таким образом, в течение короткого времени простейшие навыки письма, чтения и счета могли получить значительные массы людей. Главным же было то, что ланкастерская система предполагала в первую очередь обучение детей и взрослых из неимущих слоев населения. Вот почему система взаимного обучения так привлекала декабристов.

В России ланкастерская система получила распространение в начале 1820-х гг. Она была первоначально поддержана царским правительством, которое понимало необходимость серьезных реформ в деле просвещения. В 1819 г. в Петербурге образовалось «Санктпетербургское общество учреждения училищ по методу взаимного обучения», а в начале 1820 г. было открыто петербургское училище¹⁹. Ланкастерская система широко распространилась по стране, во многих городах были созданы школы взаимного обучения. В Тульской губернии создание ланкастерских школ было связано с деятельностью С. Д. Нечаева, бывшего в 1817—1823 г. директором тульских училищ.

Широкое распространение школ взаимного обучения вызвало некоторые опасения правительства. Официальная точка зрения была высказана в речи министра народного просвещения А. С. Шишкова 11 сентября 1824 г.: «...обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу онаго количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы»²⁰. События 14 декабря 1825 г. резко изменили отношение начальства к народному просвещению. Восторжествовало мнение русских мракобесов, выраженное известными словами грибоедовской героини:

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионеров, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.*

В 1826 г. были закрыты почти все ланкастерские училища Тульской губернии и многие домашние школы. С. Д. Нечаев оказался под подозрением полиции.

Училищный устав 1823 г. должен был преобразовать учебно-воспитательный процесс в духе народности и православия. Ведущую

* «Горе от ума», III действие, явление 21.

роль в этом было призвано играть духовенство. Однако важным было положение устава о создании приходских училищ «повсюду, где лишь представятся к тому средства», с целью распространения «первоначальных, более или менее всякому нужных сведений между людьми и самых нижних состояний»²¹. В Тульской губернии были открыты приходские училища в Кашире (1829), Одоеве (1833), Веневе (1834), Епифани и Богородицке (1835); вторые приходские училища в Ефремове и Богородицке (1854); уездные училища в Епифани (1835) и Богородицке (1836).

В 1838 г. вышло распоряжение учреждать приходские училища в казенных селениях для крестьян. Ведомством государственных имуществ в Тульской губернии с 1840 по 1860 г. было открыто 30 училищ для крестьян²². Во второй четверти XIX в. активно открывались частные школы для крестьян дворянством, духовенством и даже самим крестьянством. В городах также по частной инициативе представителей различных социальных слоев были устроены домашние школы и пансионы.

В 1830-х гг. свое основание получило женское образование в Тульской губернии. В 1832 г. возникло женское училище в Одоеве, в 1839 г. в Туле существовал частный женский пансион, в 1841 г. было организовано Тульское женское училище. В 1835 г. была предпринята попытка организовать женскую школу в Богородицке, но она просуществовала лишь два года, а постоянно начала действовать только в 1861 г. После правительственного распоряжения об учреждении женских училищ (1858) таковые были созданы и в других городах губернии: в Алексине (1858), Белеве, Новосиле и Черни (1859), Ефремове и второе в Алексине (1860), Крапивне (1861)²³.

Особенностью, проистекавшей из специфики социально-экономического развития Тульской губернии, была высокая потребность в образовании специальном. Оружейный завод был своеобразной школой, куда присылали учиться оружейному мастерству из других городов страны. Оружейники обучали детей на дому. В 1824 г. при оружейном заводе была основана ланкастерская школа. Инициатива создания специального учебного заведения принадлежала оружейникам²⁴.

* * *

Значительную роль в становлении народного образования сыграл Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833). Сам он систематического образования не получил, лишь год проучившись в частном пансионе в Петербурге. В 1752 г., лишившись родителей, он вынужден был оставить учение. Обширные познания в многочисленных областях знания, удивлявшие впоследствии не только современников, но и потомков, он приобрел упорным самообразованием в течение всей жизни²⁵.

Первые опыты Болотова в обучении детей относятся к 1770-м гг. Он устроил в д. Дворяниново нечто вроде пансиона для своих детей

и детей родственников и знакомых помещиков, обучал их арифметике, географии, рисованию, началам землемерной науки, вел с ними «философические разговоры»²⁶.

Переехав в 1776 г. в Богородицк в качестве управителя Богородицкой волости Болотов продолжил свои занятия с детьми, в частности, обучал письму, арифметике «и прочему, чему мог», мальчика Пахомова из семьи своих обедневших дальних родственников и двух крестьянских мальчиков, из детей конюхов. Последних, уже умеющих писать, Болотов учил «лучшему и правильнейшему писанию», чтобы в дальнейшем использовать их в качестве секретарей²⁷.

В 1778 г. в Богородицке организовался пансион французца Дюблюе для дворянских детей. В его организации непосредственное участие принял Болотов. Дюблюе обучал детей французскому и немецкому языкам, истории, географии, математике. По словам Болотова, Дюблюе был знающим человеком, одаренным учителем. В воспоминаниях он описывал его так: «Пуше всего нравилось мне то, что он не только помянутыми обоими языками говорил правильно и очень хорошо, но и нашим русским языком говорил почти как русский и мог даже писать на нем изрядно... Кроме того было мне и то приятно, что одарен он был и разными другими сведениями, был человек тихого, веселого и дружелюбного характера и притом еще во всем любопытный и умеющий даже играть на скрипке; а что всего лучше, был человек не молодой, а совершенных лет, и имел у себя жену... и хотел тут жить вместе с нею, следовательно мог принимать к себе посторонних и таких учеников, которые могли бы у него жить на его содержании». Болотов отдал в пансион своего сына и мальчика-родственника. Его примеру последовали судьи, жившие в Богородицке, а затем и многие дворяне, имевшие имения вокруг Богородицка. «Словом, — писал Болотов, — не успело пройти несколько месяцев по открытии его [пансиона], как он наполнился учениками и сделался почти славным и довольно хорошим».

Болотов не только всецело поддерживал пансион, но и сам принимал участие в обучении детей. По средам и субботам он приглашал всех учеников к себе домой и обучал их предметам, не преподававшимся в пансионе: геометрии, физике, «нравоучению». Воспитательный процесс содержал в себе и совершенно новый и необычный элемент — домашний театр, в котором дети играли роли в нравоучительных пьесах, специально для этого написанных Болотовым. Дело прекрасно шло до 1782 г., пока учитель пансиона Дюблюе не уехал из Богородицка. Он передал пансион старику-французу де-Брине, «гораздо худшему учителю», и многие дворяне забрали своих детей из пансиона. В 1783 г. появился новый учитель, немец Эйзенберг, «многознающий и хороший человек», и пансион вновь возродился²⁸. Болотов, между тем, продолжал обучать у себя дома детей родственников, а кроме того обучал крестьянского мальчика рисованию²⁹.

Создание в Богородицке в 1784 г. волостного училища для крестьянских детей также было связано с именем Болотова. Дореволюционный исследователь народного образования в Тульской губернии П. С. Шереметев заметил, что основанием для постройки первой школы для народа послужил декоративный принцип и в этом ярко отразился дух XVIII столетия, «дух декорации на первом плане»³⁰. Посетивший Богородицк тульский наместник М. Н. Кречетников приказал заполнить пустующее место у пруда зданием волостного училища. Историк, по-видимому, прав, но важным является тот факт, что всемогущий наместник повелел дополнить пейзаж не изящной беседкой, а школой для крестьянских детей, что характеризует и эпоху, и его самого. Про М. Н. Кречетникова мы знаем, что он был образованным человеком, имел обширное книжное собрание, состоявшее в основном из исторических сочинений, любил музыку и устраивал домашние концерты, был инициатором создания в Туле театра. Болотов отзывался с большим уважением о его уме³¹.

Болотов горячо принялся осуществлять идею создания народного училища. Он лично объездил все деревни вокруг и набрал около тридцати крестьянских мальчиков. По его приглашению в 1787 г. в волостное училище прибыл капельмейстер для обучения мальчиков духовой и смычковой музыке. Школа должна была готовить грамотных слуг. «Собственное намерение наместника, — писал Болотов, — состояло в том, чтобы мальчиков сих, выучив грамоте, обучать потом музыке и сделать из них людей, годных к служению в различных должностях при волости, а если они впоследствии времени отдадутся г[рафу] Бобринскому, то и при нем в доме». Про воспитанников школы Болотов писал, что «все они, кроме очень немногих, сделались счастливыми, так что иные из них имеют ныне большие у себя капиталы и за все свое счастье обязаны мне и тогдашнему моему их выбору и назначению, хотя они все, равно как отцы их, сначала крайне были тем недовольны и пролито об них множество слез».

Однако обучение в волостном училище было поставлено не на должную высоту. Учитель был «малой еще совсем молодой... и характера совсем распутного и негодного». Болотов неоднократно пытался образумить его, однако ничто не помогало и учитель продолжал «делать... с учениками своими разные бесчинства и проказы». Ревизор из Петербурга О. П. Козодавлев, осматривавший волостное училище в 1788 г., «всем был доволен», но, будучи отменно угощен и «очарован» приемом Болотова, вряд ли мог быть объективным³².

Как долго существовало волостное училище в Богородицке, неизвестно, но налицо несомненная польза от этого первого опыта просвещения народа в Тульской губернии: «счастье», как писал Болотов, конкретных крестьянских детей, получивших там образование, при всем его несовершенстве; развитие музыкальной культуры среди простого народа и среди дворян, которые пользовались талан-

тами подневольных музыкантов; и, конечно, исторический прецедент, создавший более благоприятные условия для развития народного образования, в частности, в Богородицке, где позже неоднократно создавались школы для народа.

* * *

В конце XVIII в. в Туле существовало несколько частных дворянских пансионов. Один из них был устроен в доме сводной сестры В. А. Жуковского В. А. Юшковой. Действовали также немецкий пансион Х. Ф. Роде и французский И. И. Жоли. Домашние пансионы иностранцев были, конечно же, дворянскими: хотя социальное положение их владельцев не известно, они пользовались поддержкой тульского дворянства и в пансионах обучались исключительно дети дворян.

В пансионе Юшковой преподавал Феофилакт Гаврилович Покровский (1763—ок. 1848). Этот человек оставил яркий след в истории образования и заслуживает подробного рассказа. Он окончил Севскую духовную и Петербургскую учительскую семинарии. Со дня основания в Туле главного народного училища (1786 г.) он был в числе его учителей, преподавал историю, математику, был главным наставником училища. Послужной список Покровского отмечал, что он «во все время служения своего отличал себя: 1-е добрым и беспорочным поведением; 2-е отменным знанием и трудолюбием в исполнении своей должности; 3-е прилежанием и рачением в воспитании и обучении детей, кроме школы им оказанными к полному удовольствию родителей»³³. Широта интересов, глубокие познания Покровского, его добросовестность в исполнении своих обязанностей были особо отмечены ревизовавшими Тульскую губернию в 1800 г. сенаторами из Петербурга Д. П. Трошинским и кн. П. П. Щербатовым³⁴. В 1804 г. главное народное училище было преобразовано в гимназию. Покровский продолжал в течение ряда лет преподавать в гимназии, ведя там курсы естественной истории, технологии и коммерческих наук. Одно время он был директором гимназии, потом директором училищ губернии, а позже служил директором училищ Тверской губернии.

В пансионе В. А. Юшковой Покровский давал уроки русского языка, арифметики, истории и географии, а французскому и немецкому языкам детей обучала гувернантка³⁵. В пансионе учились четыре дочери Варвары Афанасьевны, а вместе с ними еще 13 детей, в том числе и В. А. Жуковский, мальчиком живший в доме своей старшей сестры. Будущий поэт учился в то время в главном народном училище, а на занятиях с Покровским закреплял пройденный материал.

Известный в свое время историк и писатель, доктор философии, Ф. Г. Покровский несомненно оказал влияние на формирование личности Жуковского, хотя и не увидел в будущем поэте развивающегося таланта и даже исключил его из главного народного училища за

полной неспособностью к математике. Жуковский не держал зла на своего учителя, впоследствии не забыл его и даже выхлопотал ему пенсию, так как Покровский на старости лет очень нуждался.

В доме В. А. Юшковой в 1793 г. с Ф. Г. Покровским познакомился А. Т. Болотов, и у них вскоре «сведена была уже тесная дружба». Болотов глубоко уважал Покровского, в свои приезды в Тулу бывал у него дома; Покровский приезжал погостить в Богородицк. Во время встреч Болотова с Покровским, «ученым и... любимым человеком», между ними обязательно происходили «ученые беседы и любопытные занятия»³⁶.

Покровский был не единственным преподавателем, отмеченным при ревизии 1800 г. «Отменными трудами, прилежанием и способностью» отличались учитель математики высших классов Тимофей Воскресенский, учитель 2-го класса Илья Садыков и учитель 1-го класса Василий Михайловский. Все они были из духовного звания, окончили духовные семинарии и Петербургскую учительскую семинарию (кроме Михайловского). Садыков, кроме преподавания в главном народном училище, «споспешествовал в воспитании и учении юношества содержателю благородного пансиона» французу Жоли³⁷.

В пансион Христофора Фолипповича Роде сначала полупансионером в 1790 г., а после смерти отца в 1791 г. и на полный пансион поступил юный В. А. Жуковский³⁸. Дети, содержащиеся там на полном пансионе, жили в доме Х. Ф. Роде всю неделю и только в субботу после занятий их отпускали на выходной день домой.

В пансионе француза Иосифа Ивановича Жоли, созданном в 1797 г., обучалось 7 учеников «российскому, немецкому и французскому языкам читать и писать по правилам грамматики», истории, географии, арифметике и мифологии, закону божьему и священной истории. Кроме Жоли, в пансионе работали его супруга, обучавшая детей немецкому языку, и учитель главного народного училища Садыков, преподававший русский язык, арифметику и закон божий. Мадам Жоли присматривала «за нравами» и поведением пансионеров. Проживание и обучение в пансионе стоило весьма дорого: постоянно проживающие платили 225 руб. в год, полупансионеры — 140 руб., а те, кто только обучался в пансионе, — 110 руб.; кроме того, ученики должны были иметь свои книги, бумагу, чернила, перья, карандаши, доску и прочие учебные принадлежности, а жившие на полном пансионе — даже кровати, постельное белье, серебряные ложки, ножи, вилки, стаканы, чайные чашки, тарелки «и в каждую неделю по две белые салфетки своих». Естественно, в пансион Жоли могли отдать детей только очень состоятельные люди. Для сравнения напомним о 17 копейках в год на душу населения в среднем по России и скажем, что учитель пансиона Садыков, например, в главном народном училище получал годовое жалование 200 руб., а директор училища, коллежский советник В. В. Рыкачев — 500 руб.³⁹.

Александровское военное училище возникло в 1802 г. по инициативе тульского дворянства как сословное учебное заведение — оно предназначалось для обучения детей из бедных дворянских семей. Инициатива была одобрена императором Александром I, который в рескрипте от 19 августа 1802 г. писал, что «вместо тщетных и разорительных издержек пышности и роскоши обращаются избытки имуществ на столь полезные предметы». Училищу было присвоено имя Александровского, и император назначил ему ежегодное пособие в 6 тыс. руб. Тульское дворянство поддерживало существование училища неоднократными денежными пожертвованиями⁴⁰. В 1830 г. Александровское училище было преобразовано в кадетский корпус, который существовал в Туле до 1866 г., когда был переведен в Полтаву⁴¹.

В разные годы среди преподавателей и инспекторов Александровского училища были известные в свое время тульские писатели И. Ф. Афремов, В. Б. Броневский, К. И. Лангер, Д. Ф. Калинин, «любители просвещения и библиофилы» А. А. Колзаков, И. И. Михаэль, В. И. Песецкий, А. В. Фридрихс, И. А. Языков⁴².

Тульская гимназия, основанная в 1804 г., постепенно сосредоточила в своих стенах лучших преподавателей Тулы того времени. Среди «разных направлений» тульских учебных заведений гимназия имела самое либеральное. Состав преподавателей, так же как и в Александровском училище, был преимущественно дворянский. Своим свободомыслием, просветительскими идеями отличались попечитель гимназии граф В. А. Бобринский и старший преподаватель Д. И. Альбицкий, бывшие членами ранней декабристской организации «Союз Благоденствия». В. А. Бобринский был членом Московского общества испытателей природы, обладал значительной библиотекой. Учитель «изящных наук», позже инспектор гимназии Д. И. Альбицкий был прекрасным оратором, славился своими переводами древних авторов с латинского. Писателями, любителями просвещения и библиофилами были преподаватели, инспектора и попечители гимназии Н. А. Боголюбов, Е. Н. Воронцов-Вельяминов, И. И. Евгенов, А. Н. Елагин, Н. В. Артемьев, А. М. Дурново, А. А. Иванов, В. А. Колзаков, М. А. Римский-Корсаков, А. И. Сытин⁴³.

Директор гимназии Е. Н. Воронцов-Вельяминов был членом Общества истории и древностей российских, автором нескольких напечатанных и рукописных произведений. Учитель латинского языка И. И. Евгенов специально для гимназии написал «Краткое начертание древней географии», «Краткое руководство к познанию географии», (М., 1824), «Речь о способах к лучшему образованию» («Вестник Европы». 1824. № 22) и «Краткую арифметику»⁴⁴. Почетный попечитель гимназии А. М. Дурново, чернский помещик, заслужил уважение современников крупными денежными пожертвованиями в пользу библиотеки гимназии, передачей в дар инструментов для физического кабинета. Директор гимназии в 1840-х гг. А. А. Иванов

слыл в среде местной интеллигенции человеком «умнейшим, честнейшим, добрейшим, правдивейшим и необыкновенно остроумным, обладавшим увлекательным даром слова, красноречия». Инспектор гимназии А. И. Сытин, воспитанник Московского университета, был известен своими переводами с французского, для учащихся гимназии написал «Краткое начертание всеобщей истории»⁴⁵.

Тульская гимназия с момента своего образования была неплохо для того времени оборудована. В распоряжении гимназистов были библиотека, в 1809 г. состоявшая из 181 номера сочинений, минеральный кабинет с 559 «штуфами», 21 физико-математический инструмент, 12 глобусов и «ландкарт» и «1 сфера»⁴⁶.

В 1840 г. при гимназии был открыт «благородный пансион». По инициативе В. А. Бобринского тульское дворянство собрало денежные пожертвования на устройство пансиона, причем сам Бобринский пожертвовал 25 тыс. руб. — огромную по тем временам сумму! В пансион первоначально принимались только дети дворян, но позже стали приниматься дети всех сословий. Уже в первоначальном проекте основания пансиона было оговорено, что воспитанникам, окончившим курс греческого языка, по выходе из пансиона предоставляется 14 класс «Табели о рангах», т. е. чин коллежского регистратора. Этот чин не давал недворянам сословных преимуществ, но обеспечивал им возможность начать государственную службу. Примечательно, что в проекте было записано, что каждый, окончивший пансион, обязан был «послужить в своей губернии... шесть лет по гражданской службе»⁴⁷.

* * *

Следующий этап развития образования неразрывно связан с деятельностью Степана Дмитриевича Нечаева (1792—1860), служившего с 1817 по 1823 г. директором училищ Тульской губернии⁴⁸. Он был высокообразованным, патриотически настроенным человеком, держивался передовых для своего времени взглядов. Вероятно, в 1818 г. он вступил в «Союз Благоденствия», который считал одной из своих главных задач овладение общественным мнением путем создания в стране сети тайных и легальных организаций и обществ.

Пользуясь особым доверием Коренной управы, главного руководящего центра этой декабристской организации, Нечаев имел право привлекать в нее новых членов. В частности, он рекомендовал в «Союз Благоденствия» старшего учителя тульской гимназии Д. И. Альбицкого, посвятил в дела «Союза» губернского почтмейстера Бабаева⁴⁹. С. Н. Бегичев, сосед по имению и близкий друг Нечаева, тоже стал членом «Союза Благоденствия»⁵⁰. Нечаев был знаком еще с одним членом общества — богородицким помещиком гр. В. А. Бобринским, позже (с 1832 г.) ставшим почетным попечителем гимназии. Близкими к нему людьми были инспектор Александровского училища В. Б. Броневский, учитель и впоследствии директор гимназии

Ф. Г. Покровский, губернатор гр. В. Ф. Васильев. В «кружке» Нечаева занимались «переводом и изданием полезных книг», пытались возродить тульский театр.

Но прежде всего силы С. Д. Нечаева были направлены на улучшение той системы, которой он руководил, — на расширение образовательной сети в губернии, на создание учебных заведений для народа. Под руководством Нечаева и при непосредственном его участии в 1818—1822 гг. были созданы приходские и уездные училища в Ефремове и Новосиле⁵¹. Он был инициатором и создателем школ взаимного обучения в Тульской губернии. В марте 1820 г. он подал на имя губернатора В. Ф. Васильева донесение, в котором говорил о средствах, необходимых для заведения в Туле ланкастерской школы, «общепользующего сего заведения», и просил губернатора призвать дворянство губернии собрать для этого денежные пожертвования. Он писал, что если сумма пожертвований превысит необходимую, то надо «весь излишек... обратить единственно на распространение в Тульской губернии новой методы». Со своей стороны Нечаев предлагал передать на заведение школы все свое годовое жалование в размере 900 руб.⁵² Преимущества обучения по ланкастерской системе он видел не только в возможности обучить грамоте сразу большое количество учеников из простого народа, но и в том, что ученики проявляют «более охоты, соревнования, внимательности», поэтому в школах взаимного обучения успехи заметнее, чем в прочих учебных заведениях⁵³.

Начальство поддержало Нечаева, был объявлен сбор денежных пожертвований, и благодаря стараниям Нечаева было собрано более 5 тыс. руб. Причем на его призыв откликнулось не только дворянство, но, что примечательно, купечество и оружейники. Наиболее крупные пожертвования поступили от губернатора графа Васильева (200 руб.) и богородицких помещиц графинь С. В. и А. В. Бобринских (4 тыс. руб.)⁵⁴.

28 июля 1820 г. в Туле была открыта школа взаимного обучения, в которой обучалось до 100 человек из беднейших слоев населения. В школе первоначально преподавали два учителя — Карл Майер и Егор Иванов, обучавшие детей чтению, письму, первым действиям арифметики и Священному писанию. Нечаев держал школу под своим пристальным вниманием, ходатайствовал перед начальством о пополнении средств к содержанию «сего полезнейшего заведения». Школа помещалась в одном здании с гимназией и, по словам Нечаева, «заменила собою несколько обыкновенных приходских школ»⁵⁵.

В «Письме из Тулы», опубликованном в 1820 г. в «Вестнике Европы», Нечаев писал: «По части народного просвещения из числа многих оказанных поощрений и пособий упомянем о самом важнейшем. Благотворная метода взаимного обучения, известная под именем ланкастерской, перенесена в Тульское первоначальное училище и отсюда распространяется по разным уездам...»⁵⁶.

Следующей была школа взаимного обучения при уездном училище в Ефремове, открытая также стараниями Нечаева 12 ноября 1820 г. Ефремовская школа, как и тульская, была одноклассной, и обучали в ней тем же предметам⁵⁷.

При поддержке Нечаева в конце 1820 г. была создана школа взаимного обучения для крепостных крестьян графини Анны Владимировны Бобринской в Богородицке. Для помещения школы на 50 человек А. В. Бобринская выделила свой собственный каменный дом, все расходы по содержанию школы и учителя взяла на себя. Учителем этой школы стал один из учителей тульской ланкастерской школы К. Майер. Некоторые ученики, прошедшие курс в школе взаимного обучения, переходили затем в уездное училище. Инициатива Нечаева по созданию школы для крепостных вызвала неодобрение департамента народного просвещения, откуда было предписано поставить ему «на вид», что он «не имеет права вводить сам собою по училищам новый способ обучения» без дозволения начальства⁵⁸.

В 1820 г. в Тульской губернии были открыты еще две школы для крестьян: в с. Есипове Веневского уезда и д. Красный Осетрик Богородицкого уезда. Школа в с. Есипове была создана помещиком Лениным, в ней обучалось чтению и письму до 20 крестьянских детей, преподавал местный священник. Существовала она до 1839 г.⁵⁹ Сведений о том, были ли эти школы для крестьян ланкастерскими, не имеется, но, несомненно, и они были созданы с одобрения и при поддержке Нечаева. Школа в д. Красный Осетрик возникла как чисто крестьянская, и подробнее о ней будет рассказано ниже.

Деятельность Нечаева по организации сети учебных заведений в Тульской губернии находила поддержку у местных властей. Это объяснялось не только благоприятной политикой царского правительства в области просвещения в тот момент, но и фактом пребывания у власти в губернии умных и образованных людей. Как уже указывалось, бывший в 1819—1823 гг. тульским губернатором граф В. Ф. Васильев входил в кружок единомышленников Нечаева. Н. И. Кривцов, губернатор в 1823—1824 гг., был братом декабриста С. И. Кривцова, другом А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. В письме от 19 декабря 1823 г. алексинскому городничему об устройстве училища в Алексине Н. И. Кривцов писал: «...просвещение есть главное основание благоденствия народного... но к сожалению в некоторых уездных городах, к коим принадлежит и Алексин, еще до сих пор не существует ни одного заведения, где бы юношество могло образовать себя». В Алексин выезжал Нечаев, чтобы «узнать о средствах открытия там училища... или по крайней мере Ланкастерской школы»⁶⁰. Училище в Алексине было открыто позже, в 1824 г.

В 1824 г. в Туле были открыты еще три школы взаимного обучения: ланкастерская и жалонерная (жалонеры — нижние воинские

чины) школы 3-й гренадерской дивизии, где обучались грамоте солдаты⁶¹, и школа при Тульском оружейном заводе. Обсуждался также вопрос об отводе помещения школе обучения грамоте нижних чинов 7-го округа 2-й бригады тульского внутреннего гарнизонного батальона⁶².

В бытность Нечаева директором училищ Тульской губернии возросло количество домашних школ в Туле. В 1826 г. здесь насчитывалась 21 домашняя школа, причем интересно отметить, что только 10 из них были школами священнослужителей, а остальные — оружейников (3) и мещан (7), 1 школа иностранца-немца. В дело образования включились и женщины, они содержали 7 домашних школ. Все эти школы существовали «без дозволения начальства», но, видимо, с одобрения Нечаева⁶³.

После восстания декабристов были закрыты почти все ланкастерские и многие домашние школы. По донесению попечителя Московского учебного округа, куда относилась и Тульская губерния, в 1827 г. во всем округе существовали только две школы взаимного обучения: в Туле при уездном училище вместо приготовительного класса и в ефремовском уездном училище также в виде приготовительного класса. В них было по одному учителю и обучалось 147 учащихся в тульской и 56 в ефремовской школе⁶⁴. Школы А. В. Бобринской для крепостных в Богородицке к тому времени уже не было, закрыты были, вероятно, и солдатские школы воинских частей.

Нечаев покинул Тулу в 1823 г. Его дальнейшая биография сложилась благополучно: он миновал опасность быть привлеченным к следствию по делу декабристов, достиг весьма высокого положения в служебной иерархии империи, был знаком с самыми выдающимися людьми своего времени. Его связь с Тульской губернией не прерывалась. В частности, в 1840 г., во время голода, охватившего ряд губерний, он оказывал помощь голодающим Тульской губернии⁶⁵.

* * *

Уставом 1804 г. учреждение училищ в помещичьих имениях возлагалось на помещиков, «если бы они того пожелали». Однако помещики редко сознавали необходимость образования для своих крестьян. Открытие школ по желанию помещика носило единичный характер. Некоторые случаи описаны выше. С 1830-х гг. деятельность помещиков несколько активизировалась. За тридцать лет дворянами было открыто около сорока школ для крепостных крестьян⁶⁶.

Особенно надо выделить деятельность богородицких помещиков графов Бобринских. Выше уже говорилось о ланкастерской школе 1820 г. в имении А. В. Бобринской, о пожертвованиях на учебные заведения С. В. и А. В. Бобринских, о деятельности В. А. Бобринского. В 1835 г. в их имении с. Михайловском Богородицкого уезда была от-

крыта еще одна школа, в отдельном доме из 4-х комнат, где обучались 31 крепостной крестьянин и 9 мещан. В 1837 г. в имении Ю. С. Бобринской с. Товаркове было открыто училище, содержавшееся на средства графини. В 1858 г. в нем обучался 51 ученик. В другом имении Ю. С. Бобринской, хуторе Торжество Завета, в 1837 г. было открыто училище взаимного обучения по ланкастерской системе. В 1838 г. там обучалось 160 крестьянских мальчиков, в 1842 г. — 260. В 1840 г. Ю. С. Бобринской было открыто третье училище в ее имении с. Бороздине Веневского уезда, в котором обучалось 27 мальчиков. В 1840 г. в имении малолетних Бобринских в д. Притоны Богородицкого уезда было открыто еще одно училище взаимного обучения, где обучалось около 100 крестьянских мальчиков. В 1850 г. на средства графа Бобринского была открыта школа в с. Никитском Богородицкого уезда. Как видно, графы Бобринские, люди образованные, обладавшие прогрессивными взглядами, близкие к декабристским кругам, стремились действительно дать образование крепостным крестьянам, причем не с целью подготовить людей, годных «к господским должностям», для чего требовалось ограниченное число грамотных, а с целью просвещения большого числа крестьян, о чем свидетельствует введение ланкастерского метода.

В 1851 г. в имении известной писательницы А. П. Зонтаг (о ней будет подробно рассказано в главе, посвященной писателям и ученым) с. Мишенском Белевского уезда было на ее средства открыто училище, где в 1858 г. было 18 учеников. Около 1858 г. в с. Большой Клин Веневского уезда княгиней Черкасской было открыто училище, причем летом обучение вела сама помещица, а в остальное время года, когда Черкасская выезжала на житье в город, обучали нанимаемые ею учителя. В училище училось до 33 детей обоего пола. В Белевском уезде помещик Елагин (вероятно, это был Николай Алексеевич Елагин, сын А. П. Елагиной, владелицы знаменитого московского салона «У Красных ворот»; о них см. в главе, посвященной дворянским усадьбам) завел школы для крестьян, освободив их от крепостной зависимости.

Итак, дворянское сословие, в целом, казалось бы, не заинтересованное в широком распространении образования, выдвигало из своих рядов деятелей, не только вполне осознававших необходимость просвещения народа, но и конкретным делом способствовавших этому.

* * *

Духовенство в России было тем социальным слоем, который в силу условий своей жизни был ближе всего к простому народу, особенно к крестьянству. Священники по своему положению обязаны были знать грамоту, должны были просвещать свою паству. На деле, правда, это не всегда было так. Известно, что среди духовенства многие не умели читать и писать, не знали катехизиса⁶⁷. Однако, на наш взгляд,

мнение о невежестве подавляющего большинства духовенства и неспособности его развивать народное образование, неверно. Так, в 1802 г. только в Туле и округе насчитывалось 69 «ученых», т. е. образованных, священнослужителей, вполне способных распространять хотя бы элементарную грамотность среди неимущих слоев городского населения. На духовенство возлагала свои надежды и та часть дворянства, которая понимала необходимость просвещения крестьян. Так, в период составления наказов «Комиссии об Уложении» крапивенское дворянство писало: «дьячкам и пономарям обучать крестьянских мужского пола детей от 7 лет грамоте и писать на содержании отцов их; отчего впредь уповательно подлый народ просвещенный разум иметь будет»⁶⁸. Мы уже говорили, что училищным уставом 1823 г. на духовенство возлагались обязанности распространять просвещение, учреждать народные учебные заведения. Именно поэтому деятельность духовенства в области народного образования в конце XVIII — первой половине XIX вв. выглядит весьма многоплановой и охватывает значительные слои населения.

В 1802 г. в Тулу из Коломны была переведена духовная семинария. У ее основания на новом месте стояли люди образованные и уважаемые в губернии: первый епископ Тульский и Белевский Мефодий (М. А. Смирнов), протоиереи В. М. Протопопов, И. С. Покровский, У. С. Ненарокомов. М. А. Смирнов был членом Российской Академии наук, принимал участие в составлении «Словаря Академии Российской». В. М. Протопопов был первым префектом семинарии, с 1802 г. вел «пиитический» класс, преподавал древнюю географию. Он был известным писателем своего времени, опубликовал много произведений, среди которых было несколько учебных пособий. В 1802 г. префектом семинарии был назначен протоиерей И. С. Покровский, «один из ученейших наставников... и в то же время один из деятельнейших Тульских литераторов». Он занимал кафедру греческого и латинского языков, которые знал в совершенстве, преподавал философию и богословие. Его многотомные богословские сочинения не были напечатаны и уже к 1840-м гг. погибли вместе с его богатой библиотекой. У. С. Ненарокомов, профессор богословия тульской семинарии, был, по отзыву современников, «таким трудолюбивым деятелем и вместе ученым педагогом, каких дай бог всегда видеть и в университетах», «известным латинистом-оратором своего времени». Его сочинения также не были изданы⁶⁹.

Из Коломны в Тулу вместе с семинарией были переведены библиотека и физический кабинет. Семинарская библиотека в момент перевода состояла из 2552 томов, причем богословская литература составляла всего около 30 %, почти столько же было книг исторической тематики (727 томов), большую долю составляли книги по словесности и языкознанию (466 томов) и по философии и естественным наукам (319 томов), остальные книги были по математике, юридическим

и медицинским наукам, искусству и атласы. В последующие годы книжный фонд библиотеки увеличивался, в основном, за счет периодических изданий: библиотека выписывала «Санктпетербургские Ведомости», «Московские Ведомости», «Вестник Европы», «Политический журнал», «Минерву», «Новый журнал Российской и Иностранной словесности», «Сионский Вестник»⁷⁰.

Талантливые преподаватели, в большинстве своем питомцы Московской славяно-греко-латинской академии, любители и собиратели книг, и богатая библиотека, содержащая лучшие произведения древних и современных авторов, способствовали высокому уровню образования, которое давалось воспитанникам тульской духовной семинарии, людям, в основном, недворянского происхождения. Многие ученики семинарии стали впоследствии видными деятелями культуры. Тульскую семинарию закончили историк, археолог, этнограф И. П. Сахаров, известный в свое время поэт и переводчик Р. Т. Гонорский, один из первых профессоров Петербургского университета, переводчик, поэт Н. И. Бутырский, член Общества истории и древностей российских и Общества любителей российской словесности, автор ряда работ о тульском крае А. Г. Глаголев и др.

В 1815 г. для обучения детей священнослужителей были основаны духовные уездные и приходские училища в Туле, Белеве, Епифани и Новосиле. О Белевском духовном училище, существовавшем с 1761 г., мы уже говорили. Училища в Епифани и Новосиле также существовали ранее, с 1803 г., но в 1815 г. все три духовных училища были преобразованы и получили новые названия. Вскоре, однако, духовные училища из Епифани и Новосила были переведены в Венев и Ефремов⁷¹. В 1816 г. в отчетах о духовных училищах по Тульской губернии упоминались лишь три училища: Георгиевское и Троицкое в Белеве и училище в Ефремове⁷². Возможно, однако, что училища в Епифани и Новосиле существовали еще некоторое время, так как новосильское училище упоминается вновь в документах 1840 и 1848 гг.⁷³

Важное место в приобщении народа к образованию занимали домашние школы духовенства. Так, в 1790 г. в Туле было 19 домашних школ у лиц духовного звания, где обучалось до 200 учеников из детей купцов, мещан и оружейников⁷⁴. Вероятно, в конце XVIII в. домашние школы священнослужителей имелись и в других городах губернии, а также в деревнях. К сожалению, точные данные об этом отсутствуют. Есть сведения о деятельности духовенства в Крапивне за 1782 г. За год до этого тульские власти предприняли попытку упорядочить образование детей солдат городских штатных воинских команд. По указу наместнического правления от 31 марта 1781 г. все солдатские дети, достигшие 6 лет, должны были быть определены в школы «для обучения наук». Специальные школы при этом не создавались. Вероятно, эта мера не дала никаких результатов, так как государственных школ в Тульской губернии в то время еще не существо-

вовало и не сохранилось никаких свидетельств о посылке солдатских детей в школы и училища в другие губернии. На указ наместнического правления поступил рапорт от крапивенского городничего Мясоедова, в котором говорилось, что «в городе Крапивне научных школ никаких не имеется, то за неимением оных отцы и матери тех своих детей желают обучать российской грамоте и писать и читать в Крапивне на своем коште [т. е. за свои деньги] у церковнослужителей и некоторые уже обучаются»⁷⁵. По-видимому, так обстояло дело и в других городах губернии.

До открытия уездных училищ в Белеве и Одоеве в 1803 г. образованием горожан занимались также духовенство и «келейные»: по воспоминаниям современников, в Белеве, городе старообрядческом, «почти в каждой келье находилась постриженная «матушка», к которой остальные лица относились с уважением, как к начальнице», и которая содержала нечто вроде домашней школы; в Одоеве они носили название «мастериц»⁷⁶.

Домашние школы священнослужителей составляли существенную конкуренцию главному народному училищу. Тульские горожане предпочитали обучать своих детей «апробированным» десятилетиями способом — отдавать их к хорошо знакомым и «надежным» священникам, а не во вновь учрежденное сверху училище. Наместник М. Н. Кречетников был вынужден просить духовную консисторию о запрещении духовенству заниматься обучением детей, каковое и последовало 22 июня 1786 г. Однако, гонения на учителей-священников, видимо, не имели того успеха, на который рассчитывало начальство. Как уже говорилось, в 1790 г. в Туле было 19 таких учителей. С течением времени властям все же удалось провести в жизнь требование «Наказа содержателям домашних училищ и учителям, имеющим у себя воспитанников» Екатерины II от 5 августа 1786 г., допускавшего к преподаванию только прошедших курс обучения и испытание в главном народном училище, получивших свидетельство «на знание науки» и представивших в приказ общественного призрения план обучения по дозволенной системе. Из 19 тульских учителей только 3 согласились продолжать обучение на таких условиях. Две таких школы, видимо, просуществовали недолго, а третья — домашняя школа дьякона Благовещенской церкви Никиты Филиппова — благополучно действовала еще и в 1800 г., и в ней, вместе с другой школой — священника Рождественской церкви Стефана Исакиева, созданной 14 марта 1800 г., — обучалось 32 человека по программе 1 класса главного народного училища: «российскому букварю; сокращенному катехизису, правилам для учащихся, руководству к чистописанию, священной истории, письму» и «добронравию». На примере этих школ мы можем судить о плате, взимавшейся духовенством с учеников: за обучение букварю — по 50 коп. в обеих школах, катехизису — 1 руб., правилам для учащихся — 75 коп., письму — 2 руб.; за руко-

водство к чистописанию Филиппов брал по 75 коп., Исакиев — по 1 руб. 50 коп.; за обучение священной истории Исакиев брал по 1 руб. 25 коп.⁷⁷.

В 1801 г. в Туле открылась домашняя школа у дьякона Староникитской церкви Андрея Федорова, прослушавшего руководство учителям в главной народной школе и получившего аттестат на преподавание. С 1825 г. существовала домашняя школа у вдовы дьякона Д. Протасовой, а с 1827 г. — у дьякона П. Сахарова. Обе школы непрерывно действовали до 1862 г. За период с 1841 по 1856 г. в городе было открыто еще 10 домашних школ духовенства.

В Белеве в 1810 г. у дьякона Троицкой церкви Н. Федорова открылось «приходское училище», которое он содержал за свой счет. Училище существовало вплоть до 1860-х гг., причем здесь мы впервые встречаемся с фактом обучения не только мальчиков, но и девочек. В 1816 г. также существовали приходские училища: в Белеве — Георгиевское дьякона Петра Сахарова и Троицкое дьякона Никиты Сахарова, в Ефремове — священника Стефана Соболева. В 1839 г. в 9 домашних школах духовенства в Белеве, кроме Георгиевского и Троицкого приходских училищ, обучалось 137 детей обоего пола. В Одоеве в 1830 г. у 9 учителей духовного звания обучалось 90 детей обоего пола. За период с 1836 по 1861 г. в городах Тульской губернии было открыто более 30 школ духовенства⁷⁸.

Особенно широко деятельность духовенства в области народного образования развернулась в сельской местности. По указу синода от 29 октября 1836 г. обучение «поселянских детей» возлагалось на духовенство, которое «сим средством и случаем должно воспользоваться для исполнения своей беспрекословной обязанности наставлять детей в вере и благочестии». Дореволюционный исследователь А. Г. Дружинин указывал на 149 домашних школ, открытых духовенством за период с 1836 по 1860 г. в сельской местности, и утверждал, что это не полный перечень сельских школ духовенства Тульской губернии⁷⁹. Кроме того, духовенство преподавало почти повсеместно в школах, открытых помещиками или государством. Так, в ответах на запросы епархиального историко-статистического комитета о числе грамотных во всех приходах Тульской губернии в 1858 г. в 130 случаях из 483 источником распространения грамотности названо духовенство⁸⁰.

* * *

Городские сословия тоже не оставались в стороне от дела развития народного образования. Устойчивое существование домашних школ в городах губернии, вопреки правительственным запретам и ограничительных мер, свидетельствовало о возраставших культурных запросах купечества и мещанства. Однако эти запросы еще не были столь велики, чтобы возбуждать активную деятельность этих социальных слоев по организации учебных заведений и их участие в

процессе преподавания. Можно говорить лишь об отдельных случаях проявления инициатив подобно рода.

В 1786 г. тульский мещанин Роман Яковлевич Кондрашов, «имея усердие и благотворение» в развитии народного образования, просил назначить его на должность вольного губернского аукциониста с тем, чтобы он половину получаемого дохода отдавал в пользу главного народного училища⁸¹.

В 1803 г. в Одоеве было открыто уездное училище. Инициатива его создания принадлежала «одоевским гражданам», собравшим необходимую сумму денег и «устроившим на торговой площади каменный двухэтажный дом с тем, чтобы в верхнем этаже его размещалось училище». В училище обучалось 26 учеников.

В 1826 г. в Туле было 7 школ, устроенных мещанами⁸². В Богородицке в 1838—1839 гг. обучением грамоте занимались мещанка Кулижина, мать квартального надзирателя Карасева, повивальная бабка Семенова и мещанка Савина, у которых училось 23 человека. В с. Богородицком, рядом с г. Богородицком, в 1838 г. домашнее училище существовало у мещанина Степана Алексея⁸³.

К середине XIX в. деятельность городских сословий развивается заметнее. Многие купцы и мещане нанимают для своих детей домашних учителей. Например, с 1848 г. в приходе с. Куркино Ефремовского уезда купцы и крестьяне нанимали учителей из мещан и священников, которые обучали до 150 мальчиков чтению, письму, счету и закону божьему. В с. Иван-Озеро Веневского уезда, по свидетельству Дружинина, некоторые из купцов и мещан около 1858 г. нанимали домашних учителей из исключенных семинаристов, обучавших каждый до 10 учеников обоего пола⁸⁴.

Исследователь грамотности в Тульской губернии В. Золотов в начале 1860-х гг. указывал на участие в распространении грамотности среди крестьянства солдат, которых тоже можно, на наш взгляд, причислить к городским сословиям. Солдаты, размещаемые на зимние квартиры по селам и деревням, иногда устраивали у себя домашние школы, причем, по мнению В. Золотова, у солдат охотнее учились, нежели в некоторых помещичьих школах⁸⁵.

Купечество Тульской губернии сыграло важную роль в развитии женского образования. На необходимость введения в России учебных заведений для женщин и их значение для культуры страны указывал Екатерине II еще Дидро в 1770-х гг. Однако правительственное распоряжение по этому поводу последовало лишь в 1858 г. До этого момента возникновение училищ специально для девочек или прием девочек в уже существовавшие учебные заведения происходили исключительно благодаря частной инициативе. Мы уже указывали на случаи совместного обучения детей обоего пола. Приведем и другие примеры.

В 1832 г. в Одоеве было положено начало первому в губернии

женскому училищу. Его организовал учитель одоенского уездного училища, студент Московского университета Федор Пономаревский. Стабильное положение училище приобрело лишь в 1857 г. благодаря денежным пожертвованиям местного купца Толстикова, изъявившего желание стать блюстителем училища со взносом 100 руб. в год⁸⁶.

Женское училище в Туле было учреждено в 1841 г. почетным гражданином Тулы Абрамом Маликовым. В 1845 г. еще один тульский почетный гражданин Александр Маликов стал блюстителем училища, наняв на свои средства дом для него, жертвуя ежегодно 300 руб. серебром и снабжая училище всем необходимым. В 1850 г. в училище обучалось 32 девочки⁸⁷.

* * *

Оружейники в Туле составляли особое сословие и жили несколько иначе, чем другие жители городов губернии. Сложное оружейное производство требовало не только высокого технического мастерства, но и вполне определенного образовательного уровня оружейников. Значительную прослойку в их среде составляли специалисты, техническая интеллигенция. Они вносили весомый вклад в развитие производства, науки и, следовательно, культуры.

В положении о Тульском оружейном заводе 1782 г. указывалось: «При Тульском оружейном заводе учреждается школа для учения детей оружейничьих»⁸⁸. Однако в то время школа эта устроена не была, а обучение наукам и мастерству производилось оружейниками в своих домах или непосредственно на заводе. Домашние школы оружейников существовали и в XIX в. В 1826 г. в Туле было 3 таких школы⁸⁹.

В 1784 г. тульский генерал-губернатор рекомендовал наместническому правлению переписать всех детей оружейников от 7 до 11 лет для обучения во вновь учрежденной народной школе, где их надлежало учить не только чтению и письму, «но в особенности геометрии и рисованию, яко особенно нужным до оружейного дела предметам». В 1800 г. в главном народном училище обучалось 128 учеников, из которых 78 были разночинцами (сюда же, видимо, относились и дети оружейников)⁹⁰.

Учреждение в 1820 г. в Туле школы взаимного обучения вызвало поддержку оружейников. Приданая большое значение обучению детей, оружейный цеховой разряд постановил: «Подкрепить заведение при здешней гимназии центральной школы по ланкастерской методе взаимного обучения выдачею одновременно из общественных сумм 500 рублей».

17 июля 1824 г. по инициативе оружейников при Тульском оружейном заводе была открыта своя ланкастерская школа. В ней состояло 300 учеников. Оружейное общество постановило принимать в

школу главным образом детей бедных оружейников с 10-летнего возраста для обучения их чтению, письму, арифметике и закону божьему, по окончании курса учения производить экзамен и набирать новых учеников на место выбывших. Оружейное общество брало на себя все расходы по содержанию школы, обеспечению учебниками всех учеников, а также одеждой и обувью самых бедных. Учителем в школе был заводской священник Петр Глаголев, а его помощником — отставной солдат Парфен Краснов. Надзор за учебным процессом и поведением учеников и даже учителей был возложен на заводского полицмейстера, он обязан был ежемесячно доносить командиру завода об успехах учеников и прилежании учителей. Школа носила ярко выраженный специальный характер и удовлетворяла нужды завода в квалифицированных рабочих. Но это обеспечило и жизненность школы: после закрытия ряда школ взаимного обучения в 1826 г. ланкастерская школа при заводе не только не перестала существовать, но «успехи детей приводили всех посетителей в удивление», «занятия в школе... происходили по взаимной ланкастерской методе и доказали ее превосходство»⁹¹.

В 1849 г. в заводской школе обучалось 274 ученика, она продолжала оставаться ланкастерской, в 1861 г. в ней обучалось 447 учеников⁹². Эта школа, таким образом, была главным источником распространения грамотности среди жителей Тулы, причем источником постоянным и охватывавшим большую массу людей.

В начале 50-х гг. XIX в. до 70 человек, преимущественно оружейников, посещало лекции по технической химии при тульской гимназии, приспособленные к фабричному производству. Оружейники посещали также учрежденную в 1860 г. воскресную школу, цель которой провозглашалась «в распространении образования между теми, которые по самому своему положению не имеют ни времени, ни средств для образования, в особенности для лиц, занятых в ремесленных и фабричных заведениях», т.е. прежде всего для ремесленников и рабочих, в том числе и оружейников⁹³.

* * *

Чрезвычайный интерес представляют любые сведения об инициативе в области просвещения со стороны крестьянства. Постепенное вовлечение крепостной деревни в товарно-денежный оборот обуславливало рост потребности в образовании среди крестьян. Однако, училищным уставом 1828 г. было запрещено принимать детей крепостных крестьян в гимназию, ибо таким образом они «приучаются к реду жизни, к образу мысли и понятиям, не соответствующим их состоянию»⁹⁴. Факты осознанного стремления крестьян к образованию наблюдались прежде всего в государственных селениях.

В 1816 г. была предпринята первая попытка организации училища самими крестьянами в деревне Фальдиной. На это имелись сред-

ства — билеты сохранной казны на сумму 300 руб. и 21 руб., причём последняя сумма была пожертвована крестьянами этой деревни. В архивном деле, где содержатся сведения об этом училище, указание на деревню идет под рубрикой «по Дедилову», но речь, по видимому, идет о деревне Фалдино Тульского уезда, единственной с таким названием в списке населенных пунктов 1859 г. и относившейся к числу казенных. Сведений о существовании училища в этой деревне на год издания списка не имеется⁹⁵.

Крупное пожертвование — 500 руб. — сделали в том же 1816 г. крестьяне казенного села Дедилово Богородицкого уезда, вероятно, на заведение училища, так как деньги числились по ведомству тульских училищ. Было ли организовано это училище тогда же, неизвестно, но в 1859 г. оно существовало⁹⁶.

В 1820 г. по инициативе крестьян была создана школа в государственной деревне Красный Осетрик. Правда, эта деревня была основана за год до этого бывшими мещанами г. Богородицка, пожелавшими стать государственными крестьянами. Переселенцы занимались не только земледелием, но и торговлей, ремеслами, поэтому грамотность им была более необходима в их повседневной жизни, чем крестьянам, занимавшимся только земледелием. Некоторые жители деревни были уже грамотны, среди них был крестьянин Гайдуков, к которому крестьяне обратились с просьбой «взять их детей в книжное учение». Так была образована школа, в которой в первый год обучалось читать и писать около 15 человек. Обучение продолжалось 4-5 лет и стоило за весь курс по 4 руб. с каждого ученика. В дальнейшем учителем стал один из учеников школы, крестьянин Зинякин, у него уже обучалось до 30 учеников. Школа эта, несколько видоизменяясь, существовала до конца XIX в. Интересно, что в этой деревне в 1830-х гг. было создано еще 2 школы для крестьян⁹⁷.

Грамотные крестьяне к середине XIX в. все чаще стали заниматься обучением своих односельчан. А. Г. Дружинин указывал на 28 домашних школ крестьян в 50-х гг. XIX в. в семи уездах Тульской губернии. Кроме того, в 39 деревнях обучением крестьян занимались дворовые люди помещиков, по своему социальному положению также относившиеся к крестьянству. Все это позволяет опровергнуть представление о поголовной безграмотности крестьян. Сюда же надо добавить и училища для крестьян, устроенные государством и помещиками. Неудовлетворительный уровень преподавания в государственных школах для крестьян, «показной» характер инспектирования и отчетности об их деятельности со стороны властей тормозили развитие народного образования⁹⁸. С другой стороны, появление школ у крестьян по их собственной инициативе обеспечивало не только жизненность таких школ, но подчас и лучшие результаты.

Подведем некоторые итоги развития образования в Тульской губернии. Сведения о первом учебном заведении относятся к 1690 г., а в последней четверти XVIII в. на территории губернии уже существовало несколько государственных учебных заведений, домашних школ и частных пансионов. Создание государственных учебных заведений открывало принципиальные возможности получения образования людьми недворянского происхождения. Однако их возникновение, что само по себе было чрезвычайно важно и положительно, сыграло и некоторую отрицательную роль в развитии народного образования: запрещение частного предпринимательства в этой области, особенно школ духовенства, которые играли определенную социальную роль, лишило многих возможности получить даже элементарное образование. Тем не менее, частные школы продолжали существовать и способствовали появлению грамотных и образованных людей, среди которых было немало выходцев из низших слоев общества.

Нам известно о 5 дворянских и 25 недворянских учебных заведениях в губернии в конце XVIII в., в которых обучалось около 60 дворян и 400 недворян. Не надо забывать, что многие отпрыски дворянских фамилий получили «нетульское» образование. Можно предположить, что в Тульской губернии к 1800 г. соотношение образованных дворян и недворян было таким же, как и в целом по России, т. е. примерно 1:3⁹⁹. Конечно, уровень образованности был различным, в большинстве случаев представители податных сословий умели лишь читать и писать, и это совсем не касалось крепостного крестьянства, но тем не менее это был прогресс по сравнению с 1770-ми гг., когда образование было уделом практически одного дворянства.

Еще ярче прогресс в области народного образования проявился в первой половине XIX в. Развитая сеть государственных учебных заведений, сложившаяся в губернии за полвека, не только охватила различные категории населения включая женщин, но и придала процессу образования стабильный характер. При этом огромную роль в развитии государственных учебных заведений сыграла местная интеллигенция, прогрессивно настроенные люди, такие как А. Т. Болотов, Ф. Г. Покровский, С. Д. Нечаев, В. А. Бобринский и др. Именно благодаря их деятельности в Тульской губернии получила распространение ланкастерская система обучения, возникли училища для крестьян, ремесленников, оружейников, достигли должного уровня гимназия и другие государственные учебные заведения. Развитие частной инициативы дворянства, духовенства и разночинцев позволило получить образование или обучиться элементарной грамоте большому количеству учеников из разных сословий в домашних школах, пансионах и сельских училищах.

К 1861 г. в Тульской губернии насчитывалось около 70 государ-

ственных учебных заведений, в которых обучалось более 5850 учеников обоого пола. Количество домашних школ и пансионов, значительно превосходящее количество государственных учебных заведений, не поддается точному подсчету. Следует отметить, что в просвещении непривилегированных слоев населения, особенно крестьянства, частные школы и училища играли гораздо большую роль, чем государственные учебные заведения, несмотря на иногда низкий уровень преподавания. По подсчетам Дружинина, государственные учебные заведения названы источником получения грамотности сельским населением в 8 из 12 уездов Тульской губернии всего лишь в 57 случаях, тогда как частные школы и училища различных типов, дворянские и разночинские, — в 426 случаях. К концу 1850-х гг. примерно 2 % сельского населения (включая крепостных крестьян) губернии были грамотны. Среди городского населения количество грамотных составляло более 20 %, т. е. умел читать и писать каждый пятый горожанин¹⁰⁰. А это совсем не мало для середины прошлого века!

Наши расчеты показывают, что к концу 1850-х гг. соотношение грамотных дворян и недворян стало 1:5¹⁰¹, причем если в 1800 г. лишь около 11 % взрослого дворянского населения было грамотно¹⁰², то в конце 1850-х гг. грамотны были почти все взрослые дворяне. Тем не менее, соотношение грамотных дворян и недворян за полвека изменилось в пользу последних, что свидетельствует о значительном прогрессе в деле образования простого народа. Разумеется, эти данные не опровергают мнение о неудовлетворительном положении дел в области образования накануне земских реформ 1860-х гг. Нельзя согласиться с точкой зрения, выраженной в официальных отчетах, где идеализировалось положение дел в Тульской губернии¹⁰³. Однако налицо несомненный прогресс, причем следует подчеркнуть решающую роль в этом частной инициативы, просветительской деятельности лучших представителей местного общества.

ГЛАВА 4

Писатели и деятели науки

Без пользы в свете жить —
Тягчить лишь только землю.

Н. П. Новиков

Науками ли получают деньги, науками ли наживают деревни, науками ли приобретают себе покровителей, науками ли доставляют себе в старости спокойную жизнь, науками ли делают детей своих счастливыми? — Нет... О ученые! ученые! вы-то прямые дураки.

Журнал «Живописец» за 1772 г.

«У народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести», — эти слова А. И. Герцена¹ вполне применимы к тому времени и тому состоянию умов в Тульской губернии, которые мы описываем. Писатели, публицисты, деятели науки распространяли знания, выдвигали на публичное обсуждение наиболее острые проблемы общественной жизни и исторического развития, формировали мировоззрение своих современников. Именно в конце XVIII — первой половине XIX вв. печатное слово приобрело то огромное значение, которое традиционно придается ему в России и до сих пор. Для провинции это было тем более верно, что во многих отношениях книги, журналы, газеты были единственным источником информации для ее жителей.

Крепостное право и пути дальнейшего развития страны были центральными проблемами, вокруг которых кипели страсти и шло размежевание позиций авторов. Идеиная борьба, столь ярко выплеснувшаяся на страницы московских и петербургских журналов в середине прошлого века перед отменой крепостного права (вспомним, например, «Современник» и «Северную пчелу», В. Белинского и Ф. Булгарина, А. Герцена и А. Хомякова), в конце XVIII столетия лишь только намечалась. Восемнадцатый век — «век Просвещения» — породил не радикалов-революционеров, а либералов и просветителей, понимавших несовершенство мира и стремившихся его исправить с помощью разума и просвещения.

Но надо иметь в виду следующее: далеко не одно и то же следует

понимать под словами «Просвещение», «просветители» и «просветительская деятельность». Просвещение — это вполне определенная система общественно-политических взглядов, основанная на рационализме. Идеи Просвещения, сформулированные великими французскими энциклопедистами Вольтером, Руссо, Дидро и др., воспринимались представителями всех направлений, вплоть до монархистов (сюда же отнесем и Екатерину II, и прусского короля Фридриха II). Действия, поступки, направленные на претворение в жизнь идей Просвещения, мы называем «просветительской деятельностью», причем революционность идейных убеждений и негативное отношение к крепостному праву не были обязательными элементами мировоззрения тех, кто этой деятельностью занимался. Она прежде всего была направлена на создание школ, ученых обществ, развитие науки, литературы, искусства, книгоиздание и распространение книг и т. д. В частности, во времена Екатерины II это направление официально провозглашалось в качестве одной из целей внутренней политики государства.

Что же касается просветительства, то его принято считать одним из направлений общественно-политической мысли России эпохи Просвещения, в котором главное — антикрепостническая, антифеодалная направленность. Радишев, гневно осудив ужасы крепостничества, явил собой яркий пример русского просветителя. А вот нашего земляка А. Т. Болотова никак нельзя назвать просветителем, хотя он и создавал школы для народа, бесплатно лечил крестьян, осуждал жестокое с ними обращение. Он был абсолютно уверен в справедливости, более того, в экономической прогрессивности крепостного права. Поэтому аккуратно скажем о его «просветительской деятельности» и не будем причислять его к просветителям, т. е. реформаторам. Говоря о XVIII веке, надо соблюдать предельную осторожность в подходах, стараться не насытить рассуждения о том времени нынешними политизированными оценками.

Литература XVIII в. в России была «монополизирована» дворянами. Это и понятно — другие сословия не могли похвастать всеобщей грамотностью, не говоря уже об образованности. В Тульской губернии положение было сходным. До нас дошли три составленных современниками списка писателей и деятелей науки, проживавших в губернии в XVIII — первой половине XIX вв. Первая работа на эту тему принадлежала уроженцу тульской земли, известному историку и этнографу И. П. Сахарову и называлась «Писатели Тульской губернии» (Спб., 1838). Автор, к сожалению, ограничился только перечислением фамилий известных ему сочинителей. Уже упоминавшийся нами Н. Ф. Андреев в статьях под названием «Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям» в журнале «Москвитянин» за 1843 г. попытался уже дать характеристику важнейших, на его взгляд, произведений тульских писателей, в некоторых случаях указывая социальное

положение авторов. Еще один тульский писатель, И. Ф. Афремов, в 1850 г. опубликовал первую историческую работу о тульском крае — «Историческое обозрение Тульской губернии» (ч. 1. М., 1850), в качестве приложения к которой поместил значительно расширенный именной список писателей, соединив его, однако, со списком членов ученых обществ, которые не всегда являлись авторами самостоятельных работ. К сожалению, Афремов отказался от перечисления произведений писателей.

Перед нами стояла непростая задача — составить наиболее полный список тульских авторов, снабдив его перечислением всех известных их работ. Читатель может спросить, а зачем это надо, если существует уже прекрасная книга Н. А. Милонова «Русские писатели и Тульский край» (Тула, 1971), где не только есть биографии, но и дан высокопрофессиональный литературоведческий анализ сочинений лучших писателей тульской земли? Но в том-то и дело, что только «лучших», наиболее известных, а нам хотелось вспомнить всех, даже самых незначительных.

Творчество так называемых «третьесортных» писателей, чьи имена теперь известны только специалистам-литературоведам и библиографам, в процессе развития культуры занимает, на наш взгляд, немаловажное место. Несмотря на невысокую художественную ценность их произведений, они, безусловно, сыграли свою роль в накоплении духовной культуры общества, в осмыслении исторических событий и общественных явлений, в приобщении читателей к знаниям. Эти писатели, чьи произведения не выходили за рамки «домашнего» или «салонного» творчества, составляли ту образованную часть общества, которая была благодатной почвой для распространения идей Просвещения. Мелодраматические повести, стихи «на случай», графоманские «рассуждения», незатейливые водевили для домашних театров, появившиеся в изобилии на русском книжном рынке в конце XVIII — первой половине XIX вв., создавали тот фон, то основание, без которого было бы невозможно развитие русской национальной литературы. Они готовили читателя к восприятию серьезной художественной прозы и поэзии. Большую долю среди произведений писателей такого рода составляли переводы иностранных авторов, просветительское значение которых очевидно.

Для составления списка писателей и ученых Тульской губернии XVIII — первой половины XIX вв. (см. Приложение), выявления их социального положения, поиска названий их сочинений были использованы все известные нам источники. И набралось более 200 фамилий! Трудно поверить, что в Тульской губернии жило и работало почти одновременно столько не просто хорошо образованных, но высококультурных людей! А мы привыкли рассуждать о дикости провинциальной жизни дореволюционной России. Конечно, невежество и ужас положения крепостных крестьян, малокультурье многих по-

мещиков были реальными фактами, но ведь было не только это! Были люди европейски образованные, глубоко моральные и, как мы сейчас сказали бы, интеллигентные и среди помещиков, и среди духовенства, и среди купечества, иначе бы не развивалась русская культура.

Большинство писателей и деятелей науки Тульской губернии были дворянами: из 158 человек, о социальном положении которых нам удалось найти сведения, к дворянскому сословию принадлежали 134, к духовенству — 22, один тульский сочинитель был купцом и еще один — бывшим оружейником. Как видно, выходцы из народной среды были среди тульских писателей, но не играли сколько-нибудь определяющей роли. Да и наиболее значительные в литературном и научном отношении произведения принадлежали дворянам.

Теперь перейдем к рассмотрению творчества тех писателей и ученых, о которых удалось собрать наиболее интересные сведения, мало известные до сих пор. Причем, в первую очередь нас будут интересовать не художественные достоинства их произведений — пусть этим занимаются литературоведы, — а просветительская деятельность этих людей, их вклад в развитие культуры тульского края и России. Таким образом, данный очерк не претендует на полноту освещения вопроса, он может служить дополнением к уже указанным работам.

* * *

Одним из самых выдающихся писателей тульской земли XVIII — первой половины XIX вв. можно смело назвать Андрея Тимофеевича Болотова (1738—1833), которого мы неоднократно упоминали в предыдущих главах. Он происходил из семьи мелкопоместного дворянина, полковника Архангелогородского полка Т. П. Болотова. Его детские годы прошли в Прибалтике и Финляндии, где располагался полк отца. В 1752 г., после года учения в частном пансионе в Петербурге, он лишился родителей и вынужден был вернуться в родовое имение д. Дворяниново Алексинского уезда для ведения хозяйства. Спустя три года он поступил на действительную военную службу, будучи произведен в офицеры, и принял участие в Семилетней войне (1756—1762). С 1757 по 1761 г. Болотов находился в Кенигсберге, где служил переводчиком в канцелярии русского военного губернатора Восточной Пруссии генерала Корфа. Все свое свободное время он посвящал чтению и переводам, изучению естественных наук. В Кенигсберге он познакомился с немецкими учеными, посещал лекции в университете. В 1761 г. генерала Корфа перевели в Петербург на должность генерал-полицеймейстера города, и Болотов в качестве его флигель-адъютанта переехал в столицу. Но праздная и блестящая столичная жизнь не удовлетворяла его. Он мечтал о занятиях наукой, сельским хозяйством и, воспользовавшись указом Петра III «О вольности дворянства», в 1762 г. подал в отставку и поселился в деревне. Здесь он всецело посвятил себя сельскохозяйственной, литературной и просветитель-

ской деятельности. В 1776 г. он был назначен управляющим царским имением в Богородицке и прожил там более двадцати лет, продолжая заниматься наукой, сельским хозяйством, литературой. Вернувшись после смерти Екатерины II в Дворяниново, остаток жизни он провел в своем родовом имении, рядом с которым был похоронен².

Свои взгляды писатель чрезвычайно колоритно и довольно полно изложил в мемуарах «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (4 т. СПб, 1870—1873) — наиболее интересном в литературном и историческом отношении его произведении. Будучи сторонником монархии, крепостного права, резко обличая крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачева, Болотов, тем не менее, осуждал жестокое обращение помещиков с крестьянами, стремился к просвещению крестьян, оказывал им бесплатную медицинскую помощь. Однако главной чертой его творчества и научной деятельности было стремление просветить прежде всего дворянское сословие, перенести на русскую почву лучшие достижения науки и литературы европейских стран.

Участвуя с 1766 г. в работе Вольного экономического общества, Болотов был одним из наиболее активных его членов. Через публикации в трудах Общества он стремился распространить передовые методы ведения сельского хозяйства, анализируя и обобщая результаты своих опытов и наблюдений, широко пропагандируя сведения из иностранных журналов и книг, применимые к условиям России. За 12 лет сотрудничества им было опубликовано 28 статей в трудах общества³. В статье «О разведении полей» (1771), за которую общество наградило его золотой медалью, он впервые ввел понятие многопольного севооборота, теоретически обосновал необходимость его применения. Однако Болотова не удовлетворяла узость читательской аудитории Вольного экономического общества, он писал, что «большая часть деревенских жителей не знает о том, что оно есть на свете»⁴. Желая сделать свой опыт достоянием большего количества «сельских хозяев», он решил издать первый в России сельскохозяйственный журнал. Журнал «Сельский житель», единственным автором которого был Болотов, вышел в двух частях в 1778—1779 гг. и имел свыше 100 подписчиков. Такое количество подписчиков, кажущееся нам смехотворно малым, для XVIII в. было весьма значительным.

В конце 1778 г. издательство «Московские ведомости» предложило Болотову издать агрономический журнал в качестве приложения к газете. Он стал сотрудничать с Н. И. Новиковым, известным русским издателем и просветителем, и в течение 10 лет (1780—1789 гг.) издавал совместно с ним журнал под названием «Экономический магазин», составивший труд в 40 томов. Журнал имел 388 подписчиков⁵. Это издание стало настоящей энциклопедией сельского хозяйства! Журнал состоял из оригинальных статей Болотова, его переводов из иностранных сочинений и журналов, писем добровольных корреспон-

дентов к нему и его публичных ответов. Широта взглядов, точность наблюдений, пытливость ума и глубина познаний отличали все его сочинения. В его статьях звучали ответы на самые насущные вопросы практического сельского хозяйства второй половины XVIII в.

Болотов впервые создал и научно обосновал стройную теорию агротехники, описал полный цикл земледелия начиная от исследования структуры и состава почв, приготовления земли путем удобрения, отбора качественных семян, ухода за растениями, борьбы с сорняками и вредителями и кончая сбором и хранением урожая. Впервые в России он начал опыты по выращиванию картофеля и помидоров, пропагандировал их полезность, давал рекомендации по употреблению в пищу. Составленный Болотовым первый в России труд по помологии «Изображения и описания разных пород яблок и груш, родящихся в Дворяниновских, а отчасти и в других садах» (1797—1800, 7 томов), включивший описания более 600 сортов яблок и груш с изображениями их (3 тома), не утратил своего значения и в наши дни. Им было составлено первое русское руководство по морфологии и систематике лекарственных растений (1781). Большое значение имели его статьи по животноводству, лесоводству. В «Экономическом магазине» он помещал статьи с рисунками новых сельскохозяйственных орудий: будучи талантливым конструктором, он усовершенствовал машины для молотбы хлеба, удаления пней, огородные и садовые инструменты.

После прекращения издания «Экономического магазина» Болотов помещал свои научные труды в сборниках Королевского Саксонского Лейпцигского экономического общества, членом которого он был с 1794 г., участвовал в изданиях Московского общества сельского хозяйства, почетным членом которого стал в 1820 г. За свою долгую жизнь он опубликовал более четырех тысяч научных работ по самым различным областям знаний, а сколько еще осталось в рукописях!

Будучи близким другом Н. И. Новикова, Болотов активно участвовал в его издательской и просветительской деятельности. Новиков неоднократно обращался к нему с просьбой о переводах романов, экономических сочинений, философско-богословских трактатов, в основном с немецкого языка. Наиболее известными из переводов Болотова были «Генриетта, или Гусарское похищение» А. Бевюса (3 ч. М., 1782), «Жизнь и странные приключения умершего в 1788 году Карла Эдуарда» (М., 1794), «Рассуждения о начале и конце нынешнего и состоянии будущего мира» немецкого философа-богослова И. М. Геце (М., 1783).

Некоторое влияние на становление русской педагогической мысли имело сочинение Болотова «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» (Ч. 1—2. М., 1776—1779) — сочинение морально-дидактической направлен-

ности, заключавшее в себе доступный курс философских и естественнонаучных знаний для юношества. Этот труд был им написан в период активных занятий обучением детей в Богородицке, о которых рассказано выше в главе о развитии образования.

Дать критическую оценку новинкам художественной литературы, помочь современникам выбрать для чтения и своих книжных собраний наилучшие образцы русской и иностранной прозы было призвано сочинение Болотова «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российского, так и переведенных с иностранных языков» (1791). Это был один из первых русских трудов критического свойства, он имел несомненную ценность для своего времени.

Значение исторического источника приобрели теперь мемуарные и исторические сочинения А. Т. Болотова. При жизни автора они были известны лишь узкому кругу его родственников и знакомых, однако и тогда они выполняли некоторую просветительскую роль. Рукописные тома «Жизни и приключений Андрея Болотова» несли информацию о мировоззрении автора, круге его интересов, быте и могли служить для современников примером образа жизни культурного человека.

Исторические сочинения «Современник, или Записки для потомства» (1795), «Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах» (1796), «Историческое обозрение всего происходившего в свете в течение минувшего 1792 г.», «Современные известия о первой французской войне» (1805—1810), «Описание последней французской войны. В 30 частях. С 1811 по 1815 гг.», «Отечественник, содержащий в себе современные записки и замечания о происшествиях в России, также важнейшие в ней указания и другие интересные любопытные бумаги за 1814—1826 гг.» являлись переработкой сведений, полученных через русскую и иностранную прессу, выписками из книг. Содержащие в себе сведения по истории, политике, литературе, эти записки Болотова несли провинциальному дворянству информацию широкого диапазона.

Просветительская направленность литературно-исторических занятий Болотова хорошо видна на примере его сочинения под названием «Богородицкий вестник, или Обозрительная история происшествий во всем свете в 1793 г.» В этих тетрадях он излагал сведения о событиях Французской революции, почерпнутые им из иностранных газет. Делая записки на русском языке, Болотов комментировал их, показывая свое умение хорошо разбираться в политической ситуации, в различных политических и социальных течениях революции. Свои тетради он передавал для прочтения соседям, тем самым не только знакомя их с историческими событиями, но и помогая оценивать происходящее⁶.

Последователем А. Т. Болотова и его единомышленником стал белевский помещик Василий Алексеевич Левшин (1746—1826). Потомок старинного дворянского рода Тульской губернии, Левшин родился в Смоленске, где служил в тот момент его отец. Получив домашнее образование, он по традиции того времени восемь лет отслужил в армии, принял участие в русско-турецкой войне (1768—1774 гг.). Войдя после смерти отца в права наследства, он смог выйти в отставку и поселился в родовом имении с. Темрянь Белевского уезда Тульской губернии, где провел всю свою оставшуюся жизнь⁷. Болотов писал о знакомстве с ним в 1780 г.: «Около сего времени зачалась переписка и восстановилось самое дружество у меня с одним из белевских помещиков, таким же любопытным и трудолюбивым человеком, как и я, а именно с известным нашим экономическим писателем и переводчиком многих книг Василием Алексеевичем Левшиным... Оба были мы тогдашнего времени именитейшими литераторами и, помогая друг другу, трудились в пользу отечества»⁸.

Секретарь Вольного экономического общества, Левшин печатал статьи в его трудах, так же, как и Болотов, сотрудничая с Новиковым. Из тысячи изданных Новиковым с 1756 по 1792 г. книг 30 принадлежали перу Болотова и Левшина⁹. Левшин принимал участие в издаваемом Новиковым журнале «Городская и деревенская библиотека» (1782—1786), писал оригинальные экономические и художественные произведения, делал переводы. Всего им было написано более 100 сочинений, составивших около 250 томов, причем репертуар их был весьма разнообразен: романы, сказки, драмы, комедии, басни, руководства по сельскому хозяйству, лечебники, книги по домоводству, охоте, генеалогические разыскания, топографические описания.

По своим убеждениям Левшин был гораздо радикальнее Болотова, выражал идеологию скорее разночинных кругов буржуазии, нежели дворянства, хотя помещиком был не из бедных, имея более 500 душ крепостных¹⁰. На наш взгляд, неправомерно категорическое утверждение одного из современных исследователей творчества В. А. Левшина о том, что «вопрос о каких-либо изменениях в положении крестьян перед ним никогда не вставал»¹¹. В некрологе Левшина сказано, что в связи с его кончиной «бедные потеряли заступника и покровителя своего»¹².

В своих комических операх, таких как «Милозор и Прелеста» (1787), Левшин одним из первых вывел на сцену представителей среды крестьянства, которая до того не изображалась в пьесах, показал, что главной причиной несчастной любви героев является их социальное неравенство. Демократические тенденции в его творчестве еще ярче выразились в сатирико-бытовых сказках, где автор высказывал сочувствие беднякам.

Наибольшую известность принесли Левшину его «Русские сказ-

ки» (ч. 1—10. М., 1780—1785), в которых он широко использовал материалы русских былин, обрабатывая их в духе авантюрно-рыцарских романов. «Русские сказки» были проникнуты подлинно национальным содержанием, в ярких, увлекательных образах знакомили читателя с историей его страны, с русским фольклором. Самобытность, национальный характер предопределили огромную популярность «Русских сказок», сделали их достоянием самой широкой читательской аудитории, чему способствовало их издание в виде лубочных картин.

Продолжая традиции новиковских журналов «Трутень», «Живописец», «Пустомеля», Левшин в своей художественной прозе дал сатирические картины провинциального быта, в частности, быта Тульской губернии. Так, в «Повести о новомодном дворянине» («Русские сказки». Ч. 4), изображены скупец-подьячий, наживший состояние взятками, и его сын, Несмысл, воспитанный дядькой Развратниковым и под руководством Промоталова спускающий состояние отца на любовниц и игру в карты. В сказке о глупом цыгане (Ч. 2) показаны ограниченность, тупость и беспомощность власть имущих. Противопоставление мира мечты, героической древности и неприглядных картин русской действительности, сатирико-обличительная направленность «Русских сказок» были причиной запрещения книги в числе ряда других изданий Новикова с подпиской об их непечатаке и непродаже¹³.

Обличительный характер носит и выполненный Левшиным перевод повести немецкого актера И. Ф. Е. Альбрехта «Пансальвин, Князь тьмы» (М., 1809; в оригинале — I. F. E. Albrecht. Pansalvin, Fürst der Finsternis, und seine Geliebte. Germania, 1794), где под вымышленными именами изображались князь Потемкин и Екатерина II. Одобривший к печати перевод В. А. Левшина доктор философии Московского университета Н. Ф. Кошанский за сие «нетерпимое издание», «дерзкое и нелепое сочинение» получил выговор¹⁴.

Утопические идеи социального равенства развивает Левшин в своей повести «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве». В фантастическом государстве на Луне, изображенном в повести, нет государей, общественное устройство представляет из себя союз патриархальных семейных общин, возглавляемый старейшими, все граждане равны и одинаково трудятся в сельском хозяйстве, которое одно признано необходимым для жизни человека. Левшин здесь выступает сторонником учения Ж.-Ж. Руссо, идеализировавшего естественное состояние человека, развивавшего тезис о вреде науки и искусства, считавшего частную собственность причиной неравенства. Идеальные, по мнению Левшина, порядки на луне он противопоставляет социальной несправедливости, войнам, религиозной нетерпимости земной жизни¹⁵.

Просветительская направленность творчества Левшина особенно ярко проявилась в его переводах, исторических трудах и работах эко-

номического характера. Стремясь познакомить русского читателя с немецкой литературой он перевел «Библиотеку немецких романов», содержащую в основном рыцарские романы (Ч. 1—3. М., 1780 — перевод первых трех томов «Bibliothek der Romane». Berlin — Riga, 1778—1793).

В рамках своей деятельности в Вольном экономическом обществе, Левшин в 1803 г. составил «Топографическое, историческое и камеральное описание Тульской губернии» в связи с анкетой общества 1790 г. По точности и широте изложенного материала оно было одним из лучших среди всех описаний наместничеств и губерний, содержало сведения об истории края, о промышленных предприятиях, урожайности, ценах на продукты и т. д. По словам современника, Левшин был «первым из тульских граждан, рассказавшим своим соотечичам о событиях родного края»¹⁶.

В своей экономической деятельности Левшин искал пути повышения эффективности сельского хозяйства, стремился применять новые методы ведения хозяйства и широко пропагандировал их. Среди своих соседей-помещиков он распространял семена новых сельскохозяйственных культур, присылаемых по его просьбе Вольным экономическим обществом, сообщал обществу об их успехах¹⁷.

Труды Левшина «Всеобщее и полное домоводство...» (ч. 1—12. М., 1795), «Управитель, или Практическое наставление во всех частях сельского хозяйства» (М., 1810), 16-томная энциклопедия домоводства «Хозяин и хозяйка», являвшаяся переводом сочинения Х. Ф. Гермерсгаузена (М., 1789), «Словарь поваренной, приспешничий, кондитерский и дистилляторский» (ч. 1—6. М., 1795—1797) и многие другие стали настольными книгами сельских хозяев, породили целую школу последователей, запечатленную в стихах Пушкина словами: «Вы, школы Левшина птенцы, Вы, деревенские Приамы...» («Евгений Онегин». Гл. VII).

«Один из деятельнейших писателей русских»¹⁸, посвятивший свою жизнь литературе и сельскому хозяйству, Левшин был членом многочисленных русских и иностранных ученых обществ: Вольного экономического общества (с 1791 г.), Санктпетербургского филантропического общества (1804), Общества испытателей природы при Московском университете (1808), Санктпетербургского вольного общества любителей словесности, науки и художеств (1818), Московского общества сельского хозяйства (1821), Королевского Саксонского экономического общества (1795) и Неаполитанской Академии наук (1807)¹⁹. Он широко понимал задачи просвещения, видел необходимость образования народных масс. В письмах к Вольному экономическому обществу он писал: «...чтоб читать, нужно учить грамоте. Чтоб понимать, потребно несколько просвещения, у нас же не только крестьяне, и попы деревенские безграмотны: просвещения же и охоты к книгам не достает множайшей части самих дворян». Важную роль

Левшин отводил просветительской деятельности привилегированных сословий: «Без содействия помещиков и духовенства никакое просвещение и пользы наших поселян невозможны»²⁰.

* * *

Известным деятелем науки и литературы тульского края был старший преподаватель гимназии, а впоследствии и ее директор, Феофилакт Гаврилович Покровский (1763 — ок. 1848), о котором уже шла речь в главе о развитии образования. Он происходил из семьи священнослужителя, в 1797 г. получил чин титулярного советника, что давало личное дворянство. Он был близок к кружку С. Д. Нечаева. В посвящении к одному из наиболее известных своих сочинений «Дмитрий Иванович Донской» (Тула, 1823) Покровский писал, что Нечаев «способствовал к сочинению сей книги своими советами», что книга выходит в свет стараниями Нечаева, к которому автор испытывает «особенную благодарность и уважение». Ф. Г. Покровский написал свою книгу, посвященную Куликовской битве, в период, когда был поднят вопрос об увековечении памяти героев прошлого, о создании памятника на Куликовом поле, чему книга немало содействовала. Ярво выраженный монархический апологетизм ранних произведений Покровского («Философ горы Алаунской, или Мысли при известии о смерти Екатерины II». М., 1797; «Философ горы Алаунской, или Мысли при кончине Павла I и при вступлении на престол Александра I». М., 1801) трансформировался с течением времени и уступил место размышлениям о судьбах родины в период тяжелых испытаний («Философ горы Алаунской, или Мысли на Дону о вступлении в русские пределы Наполеона и совершенном его поражении». М., 1813); Покровский приходит к мысли, что именно простой народ составляет основание силы и могущества русского государства.

Плодотворно сотрудничал Покровский в столичных литературных журналах «Приятное и полезное препровождение времени» (М., 1794—1798) и «Иппокрена, или Утехи любословия» (М., 1799—1801).

Покровский оставил свой след и в развитии науки. Благодаря знаниям и способностям он «отправляем был от Гражданского Губернатора для исследования разных физических явлений в губернии, както: для описания причин и свойств провалищ и для отыскания каменного угля». Им были обнаружены на территории Тульской губернии залежи каменного угля, «годного к употреблению». По поводу провалов он сделал сообщение Вольному экономическому обществу, корреспондентом которого был. Результатом исследований, проведенных им, явилось сочинение «Чертеж Естественной истории Тульской губернии»²¹.

* * *

С тульским краем оказалась тесно связанной жизнь известного русского писателя и просветителя XVIII в. Пафнутия Сергеевича Ба-

турина (ок. 1740—1803). Как и большинство дворян его времени, Батурин служил, участвовал в Семилетней (1756—1762) и русско-турецкой (1768—1774) войнах, а с 1783 г., выйдя в отставку в чине подполковника, жил в провинции — сначала в Калуге, затем недолгое время в Туле, впоследствии в Киеве, Воронеже, Минске, в Польше и на Волыни. Приехав в Калугу в 1783 г. по приглашению тульского наместника М. Н. Кречетникова, Батурин получил место советника в гражданской палате губернского суда и был назначен управляющим калужским театром, а в 1785 г. основал типографию и стал ею заведовать. В Калуге им было напечатано семь книг²². Это были отечественные и переводные сочинения, подобранные так, что главной мыслью, их объединявшей, была просветительская идея «общественной пользы», всеобщего равенства, недопустимости угнетения человека человеком. Во второй части книги «Собрание разных нравоучительных повествований и басен» (1785) были напечатаны басни самого Батурина. Пользуясь иносказательным языком и образами животных, он говорил о социальной несправедливости, зле, пороках, царящих в обществе.

Другое сочинение, изданное Батуриным, называлось «Колумб в Америке» (1786) и было переводом очень известной в свое время книги французской поэтессы М.-А. Фике дю Боккаж. Батурин перевел поэму прозой и заметно усилил ее политическое звучание. Будучи сторонником теории «естественного права» Ж.-Ж. Руссо, проповедовавшего красоту и правильность жизни человека на лоне природы, вдали от губительной цивилизации, он подчеркнул свое сочувствие американским индейцам, которых безжалостно покоряли европейские колонизаторы. Эти мотивы были очень популярны среди прогрессивно настроенной части русского общества. Их мы встречаем в творчестве В. А. Левшина, увидим и в творчестве еще одного тульского писателя той поры, В. П. Кольчева.

В 1788 г. наместник М. Н. Кречетников перевел свою резиденцию из Калуги, где она была с момента основания наместничества, в Тулу, и Батурин вынужден был поспешить за своим начальником. Всего два года, 1789 и 1790, прожил Батурин в Туле, но за столь короткий период времени успел оставить очень заметный след в культуре края. Из Калуги в Тулу он перевез типографию и издал здесь «Исследования книги о заблуждениях и истине» (Тула, 1790) — первое известное нам издание тульской типографии. История тульской типографии и столь шумевшего в свое время и вызвавшего позже оживленную полемику антимаасонского сочинения нами уже излагалась²³. Здесь лишь напомним, что сочинение вышло из печати анонимно, его автор выступал против религиозно-мистического учения французского масона Л. К. де Сен-Мартена, получившего широкое распространение в России в конце XVIII в. Опровергая мистицизм Сен-Мартена с материалистических позиций, автор «Исследования» широко исполь-

зовал теоретические положения Вольтера, Коперника, Галилея, Ньютона, наполнил «Исследование» апологией просвещения, просветительской деятельности.

Авторство Батурина было раскрыто только в начале XX в., при публикации Б. Модзалевским записок Батурина «Жизнь и похождения Г. С. С. Б.»²⁴. Издав анонимно, видимо, по цензурным соображениям, свое «Исследование», Батурин приписал авторство книги «особливому обществу одного Губернского города». Это вызвало целый ряд противоречивых предположений со стороны дореволюционных исследователей. Наиболее подробно рассмотрел вопрос, связанный с происхождением «Исследования», М. Лонгинов²⁵. Он не только не отрицал «тульское» происхождение книги, но и привел список 11 лиц, проживавших в конце XVIII в. в Туле и, возможно, принявших участие в сочинении «Исследования».

Раскрытие Б. Модзалевским авторства книги опровергло все предыдущие догадки, однако здесь для нас важен не только и не столько факт появления сочинения и авторства Батурина, сколько вопрос об «особливом обществе», якобы существовавшем в Туле в конце XVIII в. То, что общество достаточно умных и образованных людей могло существовать в Туле, подтверждается уже ссылкой на него Батурина. Большинство дворян Тульской губернии возвращалось в свои имения после службы в армии, заграничных походов, пребывания в столицах. Некоторые получили образование в московских и петербургских учебных заведениях, обладали широким кругозором и богатой эрудицией, были знакомы с материалистическим учением, гелиоцентрической системой Коперника и пр. При отсутствии людей такого рода невозможно было бы анонимное издание, слишком очевидной была бы мистификация. Правдоподобие версии о создании сочинения, подобного «Исследованию», в провинции подкрепляется и биографическими данными самого Батурина — «рядового по внешним жизненным фактам служивого человека Екатерининской эпохи, человека, проникнутого типичным для своего времени стремлением к просвещению»²⁶. Советский исследователь В. Н. Орлов, знавший об авторстве «Исследования книги о заблуждениях и истине», тем не менее связывал ее появление с деятельностью в Туле целого кружка просветителей 70—80 гг. XVIII в.²⁷

Кто же были эти люди, которые могли бы принять участие в написании сочинения П. С. Батурина? Приведем их список так, как это сделал М. Лонгинов, лишь сократив некоторые сведения, не столь важные для нас сейчас:

1. Семен Никифорович Веницеев, советник казенной палаты. О нем будет небольшой очерк дальше.
2. Василий Протопопов, секретарь казенной палаты. О нем также см. ниже.
3. Иван Иванович Беляев, губернский прокурор.

4. Иван Силич Ильин, заседатель совестного суда.
5. Александр Дмитриевич Хрушов, прокурор верхнего земского суда.
6. Михаил Бенедиктов, секретарь приказа общественного призрения.
7. Иван Иванов, казначей уездного казначейства.
8. Иван Воскресенский, студент Московского университета, служивший провинциальным секретарем в верхнем земском суде.
9. Петр Иванович Запольский, губернский казначей.
10. Василий Васильевич Рыкачев, председатель второго департамента верхнего земского суда.

11. Дмитрий Ильич Перхуров, заседатель верхнего земского суда.

Первые восемь фамилий в этом списке принадлежат людям, которых М. Лонгинов считал безусловно возможными авторами «Исследования», так как все они имели печатные работы; три последние названы предположительно. Нам так же, как и М. Лонгинову, не удалось найти сведений, были ли они авторами каких-либо сочинений. Всю информацию, которую удалось собрать о первых восьми «членах особого общества», мы попытаемся изложить здесь или в «Списке писателей и ученых тульского края» (см. Приложение).

Семен Никифорович Венецеев (ум. 1820) был выпускником Московского университета, советником тульской казенной палаты, а затем в 1785—1794 гг. — начальником Тульского оружейного завода. Предположительное мнение Лонгинова о том, что он мог быть автором «Исследования книги о заблуждениях и истине» ошибочно, и не только вследствие раскрытия авторства книги, но и ввиду того, что С. Н. Венецеев был масоном²⁸ и не мог участвовать в написании антимасонского сочинения. Однако Лонгинов прав в том, что Венецеев был человеком «умным и ученым» и мог быть автором серьезной исследовательской работы. В частности, Венецеев перевел с латинского сочинение английского философа-материалиста Т. Гоббса «Фомы Гоббсезия Начальные основания философические о гражданине» (Спб., 1776), сотрудничал в масонском журнале «Доброе намерение» В. Д. Санковского (М., 1764). И. П. Сахаров писал про Венецеева, что он «посвящал свободное время на покровительство бедным семействам», был инициатором создания училища «для бедных и сирот юношей благородного сословия» — Александровского военного училища, составил его проект²⁹.

Названный Лонгиновым секретарем казенной палаты Василий Михайлович Протопопов (1770—1810) был на самом деле кафедральным протоиреем и префектом тульской духовной семинарии³⁰. Его перу принадлежали несколько од и «благодарственных речей», переводы французских романов, а также «Новая французская грамматика...» (Спб., 1790), «Новый легчайший способ к познанию начал

французского языка...» (Спб., 1789), «Новейший, всеобщий и полный Секретарь, содержащий новое полное основательное наставление, как сочинять всякого рода письма...» (ч. 1—4. М., 1801; второе изд.: М., 1815 с прибавлением 5-й части). В. М. Протопопову, видимо, не были чужды и масонские искания, так как среди его переводов было масонское сочинение И. П. Тургенева «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным?» (М., 1796), а также одно из самых популярных среди масонов сочинений — поэма «Авелева смерть» С. Геснера (М., 1799). Протопопов сотрудничал в приложении к «Московским ведомостям» — журнале «Городская и деревенская библиотека» (М., 1782—1786), издававшемся Н. Новиковым, где печатались переводы Вольтера, Д'Аламбера, Дидро и др.

Другими предполагаемыми авторами «Исследования» Батурина М. Лонгинов называет прокурора тульского верхнего земского суда Александра Дмитриевича Хрушова (род. 1754) и казначея уездного казначейства Ивана Иванова. В литературе Хрушов был известен своим переводом с французского языка сочинения Беккария «О преступлениях и наказаниях» (Спб., 1806) и составлением «Новой немецкой азбуки с приобщением собрания нужнейших слов, легких стихотворений и приятных новостей, для употребления благородного российского юношества» (М., 1787). Иванов сделал несколько переводов французских романов и сочинения Ж. Лакомба «Краткая летопись о северной истории или о государствах Датском, Российском, Шведском, Польском, Прусском, Курландском и пр.» (Спб., 1794).

* * *

Современником Батурина был еще один писатель и просветитель — Василий Петрович Колычев (1736—1794). Он происходил из старинной дворянской семьи, был очень богатым человеком, владельцем более двух тысяч душ в Тульской, Московской, Костромской и Саратовской губерниях. Он также участвовал в Семилетней войне (1756—1762), служа в Выборгском пехотном полку, затем вышел в отставку поручиком. Дальнейшую жизнь он почти постоянно прожил в своем имении в д. Чоглоково Одоевского уезда Тульской губернии, лишь иногда выезжая на зиму в Москву³¹.

С В. П. Колычевым был знаком А. Т. Болотов, который охарактеризовал его как «человека умного, любопытного, ученого, ласкового, богатого, имеющего прекрасный характер и давно добывавшегося меня видеть и со мною, знакомым ему давно по моим сочинениям, лично познакомиться». В один из своих приездов к Колычеву Болотов «нашел у него все со вкусом устроенное и расположенное и мог довольно с ним обо всем наговориться и расстался с ним, сделавшись с ним хорошим приятелем»³².

В своем литературном творчестве Колычев отразил устремления передовых кругов дворянства, поднял насущные для своего времени

вопросы — свободы, равенства людей, необходимости просвещения. Из его произведений до нас дошли два сборника, изданные полуанонимно: «Труды уединения В. К.» (ч. 1. М., 1781) и «Театр В. К.» (М., 1781). Свои общественно-политические взгляды, которые он старался пропагандировать всеми доступными средствами, он обстоятельно изложил в комедии «Дворянящийся купец» (1780), которая была поставлена на сцене придворного театра в Петербурге и представлялась широкому кругу публики³³.

Вопросы равенства всех людей, несправедливости колониальных завоеваний Колычев поднял в поэме «Письмо американца к европейцу». В уста своего героя, поработанного завоевателями индейца, Колычев вложил идею о праве народов на самостоятельность:

Ты равным создан мне, и тем лишь отличался,
Что равных утеснять отважно устремлялся.

Важным вкладом в развитие прогрессивных идей в России была постановка Колычевым еще до появления «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева вопроса о праве борьбы угнетенных с поработителями:

Мученье не стерпев, был вольным я рожден.
И равным быть тебе на свете осужден.
Я, узы разорвав, от рабства удалялся.
И кровию моей твоим врагом быть клялся.
Коль право ты имел мне рабство налагать.
Я оное обрел, чтоб рабства избегать.

В поэме Колычев выступил убежденным противником рабства и показал несостоятельность упований на бога в вопросах борьбы с рабством³⁴.

Особый интерес представляет для нас стихотворение Колычева «Письмо о пользе учения к Василию Сергеевичу Шереметеву» (1781), в котором автор прославлял науки и говорил о необходимости просвещения. В этом стихотворении Колычев полемизировал с известным положением Ж.-Ж. Руссо о том, что науки и цивилизация вредны для человечества. Колычев страстно и убежденно доказывал, что все несчастья человечества — войны и чужеземные завоевания, религиозный фанатизм и нетерпимость, суеверия и предрассудки — происходят от невежества. В его стихах звучит глубокая вера в силу просвещения и науки:

В глубокой древности, времен сих удаленной.
Народов видим мы рассудок ослепленный.
Лишенный силы ум, с какой он смертным дан.
Притуплен грубостью и буйством их поправ.
Мы видим веру их без правил и ученья
И жертвенник их зрим источником мученья...
Науки я пою и славлю их успехи.
Прибытки важные и разные утехи.
Которые от них имеем мы себе...

Далее Колычев пояснял, каким образом приносят пользу человечеству физика, астрономия, химия, математика, военные науки, архитектура, история. Он убеждал читателей в верности гелиоцентрической системы Коперника. Про себя он писал: «Я время провожу, любезный друг, в ученье». Затем он перечислял своих кумиров:

Гасенди, Лейбниц, Вольдо, Мопертюи, Невтон, Лок,
Сократ, Эпикур, премудрейший Платон, Тит Ливий,
Ксенофонт, Вель, божественный Гомер, Депрей,
Ювенал, Мольер, Геллерт и Вольтер,
Наставники мои, светильники уму,
Которые, прогнав невежества всю тьму,
Довольные собой примеры показали,
Что счастливо они на свете пребывали:
Труды их принесли велику пользу нам,
Осталась память их к позднейшим временам,
Дверь храма мудрости рукой их отворили,
Нас к знаниям они и к музам проводили,
Ложь с истиною нас учили различать,
От заблуждений нас тшались излечать.

Колычев прославлял древних царей и мыслителей, просвещавших своих сограждан, знаменитых архитекторов и художников, создавших бессмертные шедевры искусства. В русской истории он отдавал дань царям Алексею Михайловичу, издавшему «Уложение» 1649 г. — первый свод законов русского государства, и Петру I, реформами которого «умы от уз... освободились». Колычев одним из первых среди современников оценил научные достижения Ломоносова³⁵.

Таким образом, перед нами человек, владевший всеми достижениями современной ему науки и философии, обладавший стройной системой передовых общественно-политических взглядов, призывавший своих современников следовать законам разума, просвещать свой ум, так как именно в этом состоит отличие людей от животных и в этом, по его мнению, залог счастья человечества.

* * *

Трудно переоценить вклад в развитие всей русской культуры и, в частности, культуры Тульской губернии знаменитого поэта, уроженца с. Мишенское Белевского уезда В. А. Жуковского (1783—1852). В имении отца, в имении своих родственников с. Долбино, в Белеве, в Туле Жуковский провел детские и юношеские годы, здесь развивалось и крепло его творческое дарование, из родных мест он черпал свое поэтическое вдохновение.

Мы не будем здесь излагать биографию поэта, она хорошо известна; не станем и анализировать его творчество и общественно-политические взгляды — на эту тему существует достаточно большое количество исследований³⁶. Связям Жуковского с Тульским краем также были посвящены специальные работы³⁷. Здесь нам интересно только проследить реакцию тульского образованного общества на творче-

ские успехи знаменитого земляка. Узнать об этом нам вновь поможет работа Н. Ф. Андреева «Прогулка по Туле», где автор писал: «...общество дворян Тульской губернии с патриотической гордостью указывает на знаменитое имя одного из своих членов, имя, глубоко врезавшееся в сердце каждого Русского. Я говорю о Василии Андреевиче Жуковском, первоклассном писателе нашего общества, которого все знают наизусть. Но он наш, хотя и живет на берегу Невы: мы ни за какое благо мира не уступим его славного имени, украшающего список дворян Тульской губернии: мы готовы, как Греки за Гомера, оспаривать его у кого бы то ни было». Во время посещения Жуковским Белева в 1837 г. в честь поэта были воздвигнуты триумфальные ворота посреди бульвара, под которыми, «при стечении многочисленной публики, Белевцы поднесли на серебряном блюде хлеб и соль имени тому своему уроженцу. Ничего не могло быть лучше придуманного этого приветствия»³⁸. Такое трепетное, горделивое отношение жителей Тульской губернии к личности Жуковского стимулировало, подогревало интерес к его творчеству, а это несомненно благотворно влияло на формирование духовных интересов туляков.

* * *

Имя Анны Петровны Зонтаг (1786—1864) сейчас вспоминают редко, а если и вспоминают, то обычно в связи с В. А. Жуковским, о котором она написала воспоминания³⁹. В прошлом она была известной детской писательницей, по чьим книгам училось и воспитывалось несколько поколений детей. Ее имя было настолько популярным, что даже использовалось в качестве рекламы для новых изданий. Известный профессор словесности и литературный критик середины XIX в. П. А. Плетнев писал В. А. Жуковскому: «В настоящее время первое место между литераторами, по моему мнению, занимает А. П. Зонтаг»⁴⁰. И это в то время, когда творил сам В. А. Жуковский, жили и писали Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков и др.! Позволим себе несколько подробнее остановиться на биографии А. П. Зонтаг, поскольку она почти совсем неизвестна современному читателю.

А. П. Зонтаг (урожденная Юшкова) родилась 6 (17) июля 1786 г. в с. Мишенском Белевского уезда Тульской губернии, на родине В. А. Жуковского. Она была дочерью сводной сестры Жуковского В. А. Юшковой и в раннем детстве воспитывалась в семье отца поэта, своего деда А. И. Бунина. Об этой семье мы уже писали и еще расскажем подробно в главе о дворянских усадьбах. Обстоятельства способствовали возникновению близкой, нежной дружбы между Анной Петровной и Василием Андреевичем, которую они сохранили на всю жизнь. В. А. Жуковский был старше А. П. Зонтаг всего на три года и часто в шутку называл свою племянницу «одноколыбелицей», так как в раннем детстве его иногда укладывали к ней в колыбель.

В 1790 г. семья Буниных переехала из Мишенского в Тулу, где Зонтаг стала жить в доме своих родителей, бывшем в те годы своеобразным культурным центром Тулы и округа. В родительском доме Зонтаг воспитывалась до 11 лет. Отъезд из Тулы в 1797 г. был связан со смертью от чахотки ее матери. П. Н. Юшков переехал с 4 дочерьми к бабушке, Марье Григорьевне, которая в то время уже схоронила своего мужа А. И. Бунина. Летом семья жила в Мишенском, на зиму отправлялась в Москву. В московском доме частыми гостями были будущие декабристы Тургеневы, а также Н. М. Карамзин, приходившийся родственником М. Г. Буниной.

В 1810 г. после смерти отца и бабушки имение Мишенское перешло в собственность Анны Петровны, которая прожила там большую часть жизни. По соседству, вокруг старинного русского города Белева, располагались имения родных и друзей. Белев и прилегающие к нему окрестности были тогда одним из культурных центров губернии. Сестра А. П. Зонтаг Авдотья Петровна Юшкова рано вышла замуж за В. И. Киреевского. Два их сына, П. В. и И. В. Киреевские, стали известными деятелями-славянофилами. Выйдя второй раз замуж после смерти В. А. Киреевского за А. А. Елагина и переехав в Москву, Авдотья Петровна стала хозяйкой знаменитого литературного салона. Все это оставило свой след в развитии Анны Петровны, способствовало формированию ее либеральных взглядов, ее литературного таланта.

В 1817 г. Анна Петровна вышла замуж за Е. В. Зонтага, американца, состоявшего на русской морской службе, и уехала с ним на юг, сначала в Одессу, потом в Крым, затем в Николаев, куда переводили мужа. В годы проживания в Одессе Анна Петровна познакомилась с А. С. Пушкиным, близко знала некоторых других писателей. В Одессе, бывшей тогда культурным центром российского юга, она участвовала в благотворительных литературных альманахах. Она хорошо знала французский, английский и немецкий языки, переводить начала еще в детстве, читая бабушке французские романы, потом переводила для журналов «Вестник Европы», редактором которого был В. А. Жуковский. Василий Андреевич всемерно поощрял ее к литературной деятельности, считая, что она наделена несомненным литературным талантом. К писательской деятельности вынуждало и сложное материальное положение семьи, так как имение Мишенское не давало никакого дохода, а жалованья мужа едва хватало.

После смерти мужа в 1841 г. А. П. Зонтаг вернулась в Мишенское и провела там свои последние годы. С 1858 г. она была почетным членом Общества любителей российской словесности. Среди ее литературных произведений имеются как оригинальные, так и переводные с иностранных языков. Она сотрудничала в детских журналах, издавала сборники для детей. Ее сказки, рассказы, повести и пьесы для детей и взрослых, переводы и пересказы сказок и

рассказов Перро, Гауффа, Гизо, мисс Эджеворт и других имели занимательный сюжет, были несколько сентиментальны и содержали обычно нравоучительную концовку. Наибольшей популярностью пользовалось ее сочинение «Священная история для детей», выдержавшее 9 изданий и получившее Демидовскую премию. Широко известен был ее перевод «Истории Англии для детей» Ч. Диккенса. И после смерти ее книги продолжали издаваться и пользовались популярностью. Однако многие сочинения так и не увидели свет, остались в рукописях.

* * *

Степан Дмитриевич Нечаев (1792—1860), создатель народных школ в Тульской губернии, происходил из богатой дворянской семьи, владевшей землями в Тульской и Рязанской губерниях. Хорошее домашнее образование позволило ему, не проходя курса, получить аттестат Московского университета. Не имея возможности из-за болезни ноги участвовать в военных действиях 1812 г., он принял деятельное участие в формировании войск ополчения во Владимире и Арзамасе. В 1817 г. он был назначен директором училищ Тульской губернии и несколько лет прожил в Туле. Вероятно, в 1818 г. Нечаев вступил в Союз Благоденствия. Оставив пост директора училищ Тульской губернии в 1823 г., он переехал в Москву, а затем в Петербург. Неизвестно, был ли Нечаев членом Северного общества, но он участвовал в декабристских изданиях и был очень близок к декабристам: В. К. Кюхельбекер, П. Д. Черевин, А. А. Бестужев, А. И. Якубович, А. Н. Муравьев, И. И. Пущин были его близкими друзьями. Однако прямых улик против него не было (во время восстания на Сенатской площади он был в Москве), поэтому к следствию по делу декабристов он привлечен не был.

В Петербурге Нечаев быстро продвигался по службе, чему способствовали родственные связи с влиятельными людьми. В 1833 г. он стал обер-прокурором Священного Синода — главой высшего в России органа по делам православной церкви. Однако на этой высокой должности он продержался недолго — слишком неуместны для синода были его либеральные взгляды. В дальнейшем он продолжал занимать важные посты, был сенатором, приобрел известность как активный деятель в области благотворительности.

Любовь к литературе, к поэзии сближала Нечаева с литературными кругами — он был знаком с А. С. Пушкиным, его дядей В. Л. Пушкиным, П. А. Вяземским, Д. В. Давыдовым, Н. Ф. Глинкой, А. С. Грибоедовым. С последним его связывала многолетняя дружба. В качестве литератора он сотрудничал в декабристских и других лучших изданиях своего времени: «Полярной звезде», «Мнемозине», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Вестнике Европы», «Сыне Отечества», «Московском телеграфе» и др. В журнале «Звездочка» Бестужева и Рылеева, так и не увидевшем свет, должны были по-

явиться стихи Нечаева. Его знали, в основном, как поэта-лирика, однако гражданские темы, тираноборческие мотивы тоже звучали в его поэзии. Особенно в этом отношении интересна «Застольная песня греков», опубликованная в «Мнемозине»⁴¹, где он писал:

Исчезнут мрачны препинанья,
Замолкнет грустный звон цепей,
И совершатся ожиданья
Отчизны истинных друзей...

Тогда мы братской круг составим
И, разогнав тиранства тень,
Отчизны светлый день прославим,
Как славим ныне дружбы день!

Одной из задач литературы первой половины XIX в. Нечаев считал обращение писателей к крестьянской теме. Он хотел, чтобы «наши писатели, отвергнув предрассудок высших сословий, более общались с простым народом и внимательнее изучили его нравы, обычаи, мнения, чувствования». В этом он видел истоки подлинно демократического, национального творчества русских писателей. Осуждением крепостного права проникнуто его собрание афоризмов «Мысли и замечания»⁴².

В 1826 г. Нечаев был откомандирован в помощь флигель-адъютанту А. Г. Строгонову, которому было поручено расследование причин многочисленных волнений на уральских металлургических заводах. В результате расследования царю был подан подписанный Строгоновым документ «О состоянии крестьян, принадлежащих к заводам наследниц купца Расторгуева». Автор открыто разоблачал тяжелое положение рабочих на заводах, произвол и злоупотребления начальства, делал вывод о том, что в волнениях виноваты не рабочие, а хозяева, поставившие рабочих в нечеловеческие условия. Настоящим автором этого документа был не Строгонов, а Нечаев, искренне сочувствовавший рабочим. Записка Нечаева побудила правительство пойти на некоторую уступку рабочим: было издано строгое предписание всем частным заводчикам не обострять создавшегося положения, относиться к рабочим «по-христиански»⁴³.

Нечаев был помещиком Тульской губернии, и часть его земель приходилась на место Куликовской битвы. Он выступил с инициативой создания памятника погибшим воинам на Куликовом поле, был готов пожертвовать для этого своими землями, вел переписку о проекте памятника с известным скульптором И. П. Мартосом. В 1820-х гг. он написал и опубликовал ряд статей о Куликовской битве, которые не только напомнили его современникам о событиях большой исторической значимости, но и стимулировали решение вопроса о создании памятника. В своих статьях «Историческое обозрение Куликова поля», «Отечественные известия», «Некоторые замечания о месте Мамаева побоища», «Описание вещей, найденных на Кулико-

вом поле», «О найденных на Куликовом поле двух старинных оружия» Нечаев описал археологические находки — старинные бердыши, мечи, копья, нателные кресты, хранившиеся в его домашнем музее в имении Сторожево Рязанской губернии, дал первое подробное топографическое описание Куликова поля⁴⁴. События Куликовской битвы волновали Нечаева всю жизнь. После торжественного открытия 8 сентября 1850 г. памятника на поле Куликовом, созданного по проекту архитектора А. П. Брюллова, он послал рисунок памятника в журнал «Москвитянин» и в Общество истории и древностей российских, членом которого он был с 1816 г. В последующие годы Нечаев занимался сбором средств на постройку каменного храма «над прахом воинов, убиенных на Куликовом поле»⁴⁵.

В «Вестнике Европы» под названием «Письмо из Тулы» было напечатано описание событий культурной жизни Тулы, в котором Нечаев высказал свои взгляды на распространение ланкастерской системы обучения, описал новые здания, украсившие город, высказал идею создания памятника на Куликовом поле, отметил улучшение работы тульской типографии и издание в ней статистического труда губернатора графа В. Ф. Васильева, сообщил о намерении издавать «Тульские Ведомости»⁴⁶.

Нечаев был членом Общества любителей российской словесности, председателем Общества истории и древностей российских. Он активно занимался не только историей, но и этнографическими исследованиями. В частности, его работа в области народного образования, позволившая ему наблюдать народную жизнь с близкого расстояния и изучать быт, нравы и обычаи низших сословий, дала ему материал для одной из первых работ этнографическо-лингвистического характера «Собрание провинциальных слов Тульской губернии»⁴⁷.

Некоторые стороны активности С. Д. Нечаева получили продолжение в делах его сына Юрия Степановича Нечаева-Мальцова (1834—1913), который унаследовал имения, огромное состояние и вторую фамилию от своего дяди по матери, крупного предпринимателя И. С. Мальцова. Нечаев-Мальцов, будучи одним из самых богатых людей в стране, имел возможность сделать то, о чем его отец мог только мечтать. В частности, он построил церковь в память убиенных на Куликовом поле, правда, не на Куликовом поле, где это было сделано в 1918 г., а в своем имении с. Березовка Владимирской губернии; он продолжил благотворительную деятельность своего отца, построив в Москве богадельню, которая получила имя С. Д. Нечаева. Но самое главное его детище — это Музей изящных искусств в Москве, теперь называющийся Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Инициатива создания музея принадлежала профессору И. В. Цветаеву, отцу поэтессы М. Цветаевой, но построен музей был на деньги и при активном и заинтересованном участии Ю. С. Нечаева-Мальцова⁴⁸. Наверное, мы не ошибемся, если предположим,

что этот музей, имеющий и по сей день огромное значение для всей страны, некоторым, пусть опосредованным, образом обязан своим появлением и С. Д. Нечаеву.

* * *

К числу участников кружка С. Д. Нечаева принадлежал инспектор Александровского военного училища Владимир Богданович Броневский (1784—1835), который был довольно популярным автором первой половины XIX в. Особенно полюбились читателям «Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством Д. И. Синявина от 1805 по 1810 год.» (Спб., 1818—1819, 1836) и «Письма морского офицера» (Спб., 1825—1826). «Более романтическое» сочинение Броневского, «Обозрение южного берега Тавриды в 1815 г.» (Тула, 1822), по мнению современного ему литературного критика, являлось произведением, в котором «умный и просвещенный человек... сообщает своим читателям, в виде путевых записок мысли свои, чувствования и наблюдения о местоположении края, нравах и обыкновениях жителей»⁴⁹. Историко-этнографический характер носили и другие сочинения Броневского: «Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г.» (М., 1828), «История Донского войска, описание земли Донской и поездки на Кавказ» (Спб., 1834).

Однако, не все произведения тульского автора были равноценными. Так, по поводу «Истории Донского войска» Броневским были получены весьма нелестные отзывы профессора Петербургского университета, известного историка Н. Г. Устрялова, который писал, что сочинение «имеет весьма неважное достоинство, как собрание известий, рассеянных в различных печатных, исключительно русских книгах, где только упоминается о Донских казаках, без критического взгляда, без основательного знания края, без цели и без плана...» Особенно упрекал Устрялов автора в дословном переписывании сведений о казаках из сочинений Карамзина, Бутурлина, Бантыш-Каменского, Полевого, в незнании архивных документов, памятников старины, в фактических ошибках⁵⁰. Военное министерство, куда была направлена четвертая часть рукописи, описывающая военные действия на Кавказе, нашло даже невозможным напечатание сочинения в таком виде из-за большого числа ошибок, но, что всего страшнее, из-за «неудовольствия» автора порядками управления на Дону и «совершенно неуместных советов правительству»⁵¹. Книга была напечатана, но, видимо, с серьезными переделками.

В 1821 г. Броневским была предпринята попытка издавать в Туле первую местную газету. Это начинание было связано с просветительской деятельностью кружка С. Д. Нечаева. Издание газеты предполагалось осуществить «для большего распространения столь любопытных известий, для обнародования исследований исторических в на-

шем краю, для доставления торговле и промышленности в оборотах и предприятиях» необходимых сведений⁵². Сохранился проект издания, выработанный, вероятно, совместными усилиями единомышленников Броневского, позволяющий раскрыть содержание столь важного для тульской культурной жизни начинания. Приведем его дословно:

«С 1-го Января будущего 1821 года издаваться будут в городе Туле еженедельные ведомости следующего содержания:

1. Краткое обозрение важнейших внутренних и заграничных происшествий.

2. Статистические и Исторические описания разных Губерний Российской Империи и предпочтительно Тульской, выписки из новейших путешествий по России и проч.

3. Статьи, официально сообщаемые от местного начальства.

4. Подробные сведения о патриотических пожертвованиях и благотворительных подвигах, в Тульской Губернии сделанных.

5. Новые открытия по части физических наук, особенно полезные для усовершенствования фабрик, заводов и сельского домоводства.

6. По временам помещаться будут статьи собственно к словесности относящиеся.

7. Известия о выходящих в свет замечательных книгах.

8. Наконец, объявления как со стороны казны, так и от частных лиц о продаже, подрядах, отдаче в наймы, пропаяжах, желающих опередиться, также о публичных увеселениях и проч.

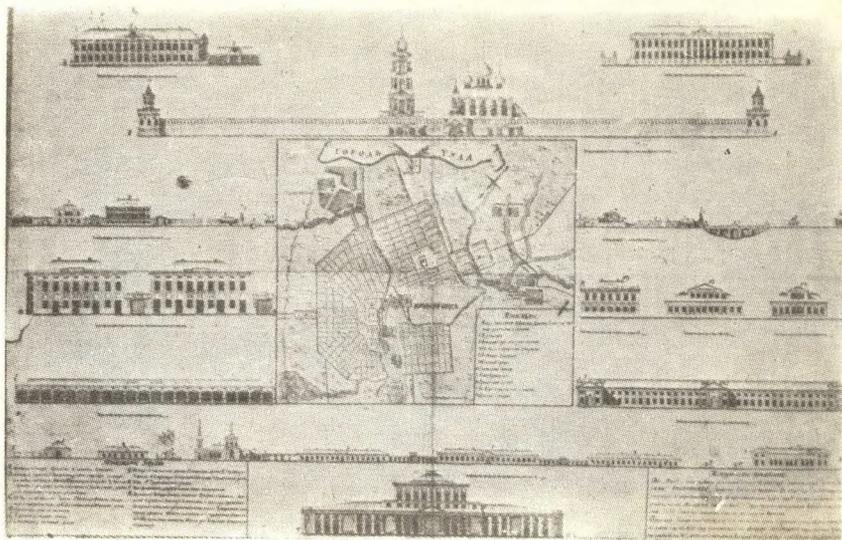
В субботу каждой недели выходить будет один лист Тульских Ведомостей, иногда и более, смотря по изобилию материала. Цена за годовое издание 20 рублей⁵³.

Как видно, Броневский имел весьма широкую программу издания. К сожалению, проект не был одобрен. Министр духовных дел и народного просвещения князь А. Голицын счел, что «издание в Туле ведомостей будет, с одной стороны, совершенно излишне по причине издаваемых в Петербурге Академиею Наук и в Москве тамошним Университетом и содержащих в себе все те известия, внутренние и иностранные, какие только могут быть в предполагаемых Тульских, с другой же стороны и затруднительно по неимению в Туле цензуры для предварительного рассмотрения и одобрения к напечатанию оных»⁵⁴.

Второе обстоятельство было, видимо, значительно важнее первого, и именно оно явилось настоящей причиной запрещения издания «Тульских Ведомостей». Тульская общественность еще почти на 20 лет была лишена местного органа печати, который в руках либерально настроенных участников кружка Нечаева мог бы стать средоточием лучших сил тульской интеллигенции, рупором прогрессивных идей.

* * *

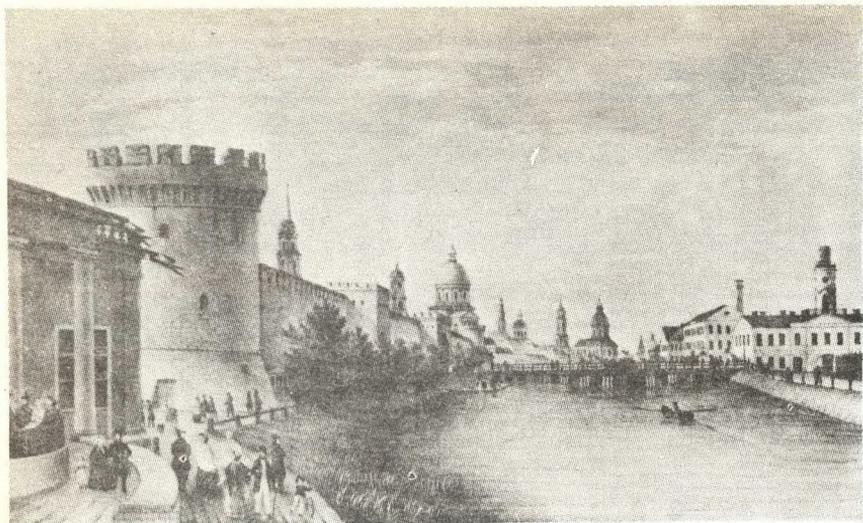
Начало изучению истории Тульского края было положено Иваном Петровичем Сахаровым (1807—1863). Воспитанник тульской духов-

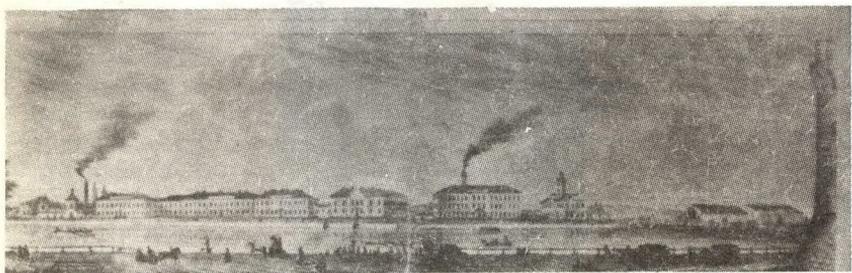
План г. Тулы с фасадами домов. Конец XVIII в.

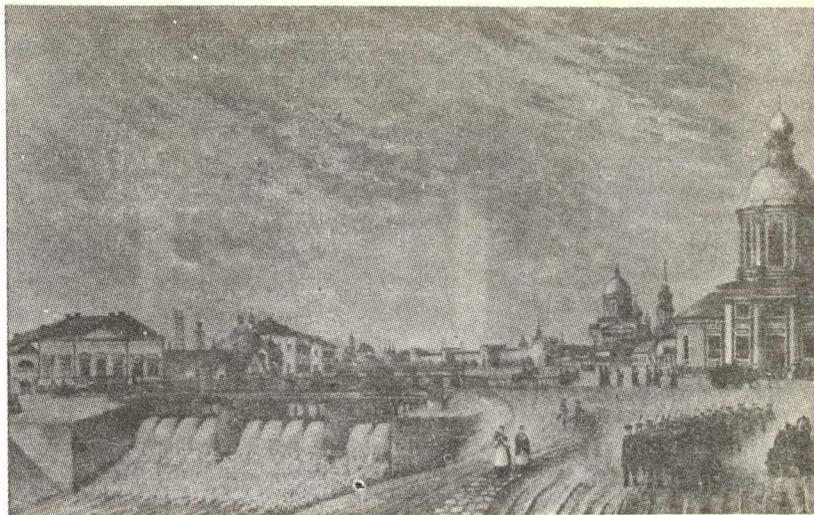
Тула. Успенский собор в кремле. 1762—1764 гг.
С открытки нач. XX в.

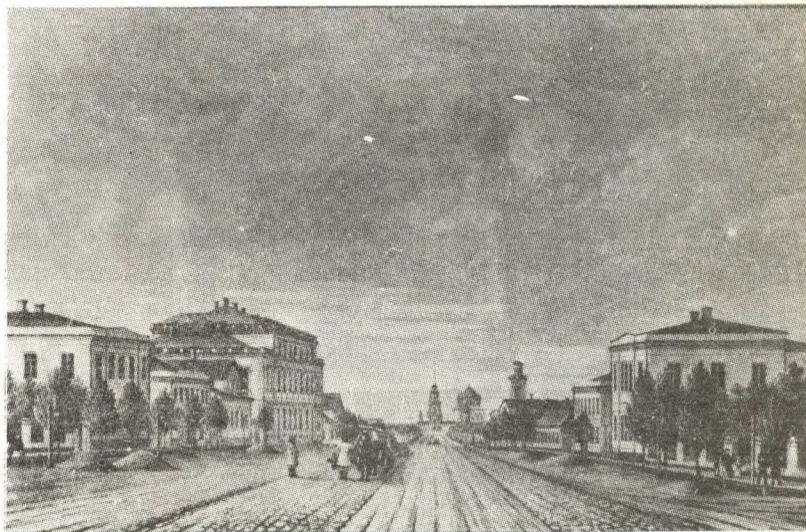
Вид Кремля с северной стороны и Кривого моста.

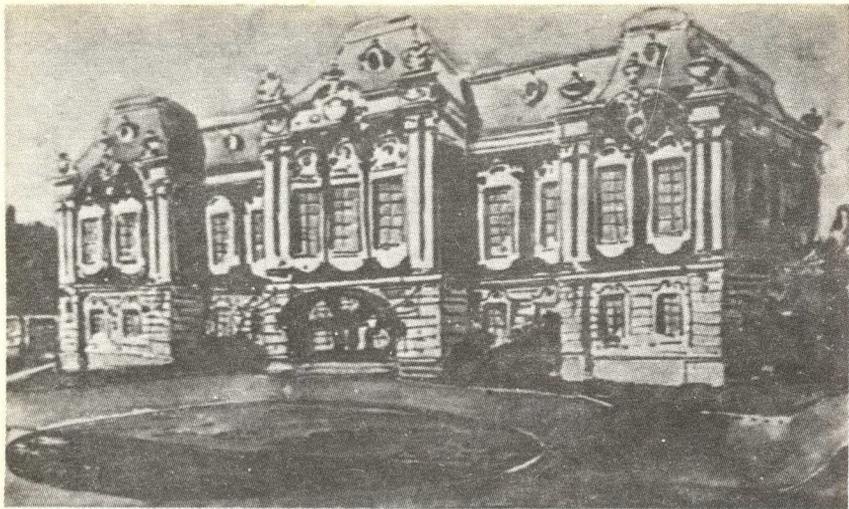
Вид оружейного завода.

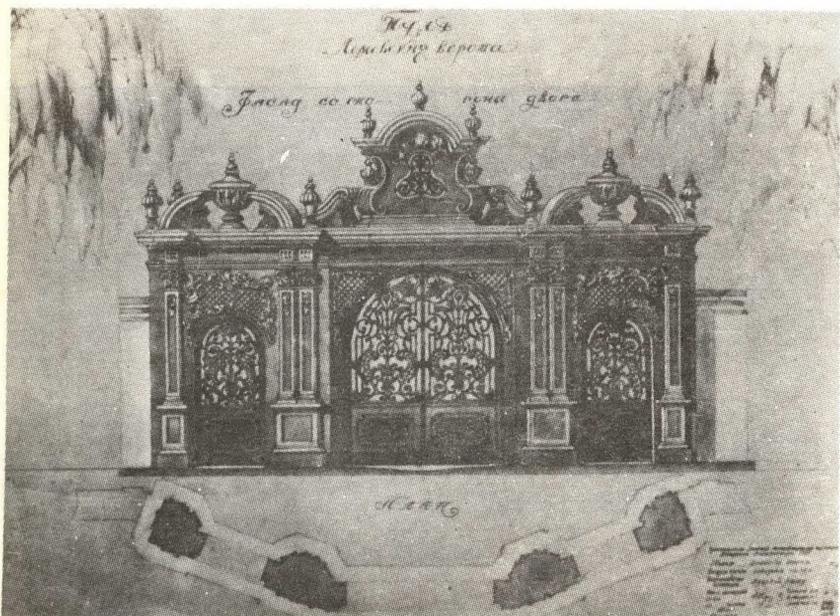
Вид Чугунного моста.

Вид Киевской улицы.

Тула. Дворец Ливенцевых. Сер. XVIII в. С открытия нач. XX в.

Ломовские ворота — въездные ворота усадьбы Ливенцевых. Сер. XVIII в. Реконструкция 1954 г.

Тула. Казанская церковь. С открытки нач. XX в.

Тула. Дом купцов Баташовых. Сер. XVIII в. С фотографии нач. XX в.

Тула. Мужская гимназия, бывший дворец Лугининых. 1760-е гг. С фотографии нач. XX в.

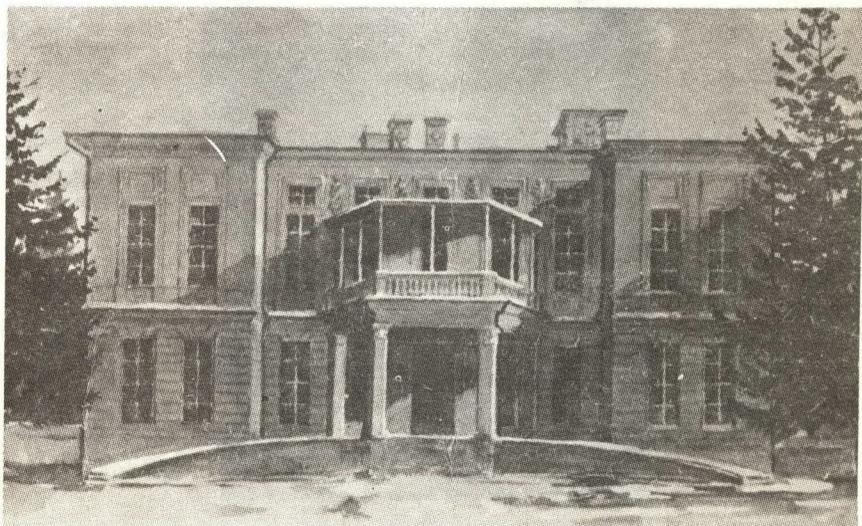

Тула. Первая женская гимназия на ул. Посольской, теперь Советской. С открытки нач. XX в.

Богородицк. — Bogoroditzk. № 13.
Собор и площадь.

Богородицк. Троицкий собор 1816—1821 гг. и площадь, теперь ул. Пролетарская. С открытки нач. XX в.

Богородицк. Дворец гр. Бобринских. Арх. И. Е. Старов. 1773—1785 гг. Восточный фасад.

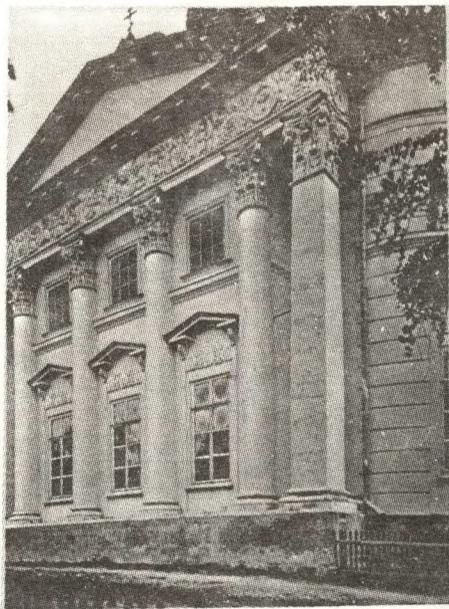
Богородицк. Вид дворцово-паркового ансамбля с северной стороны. С акварели нач. XIX в.

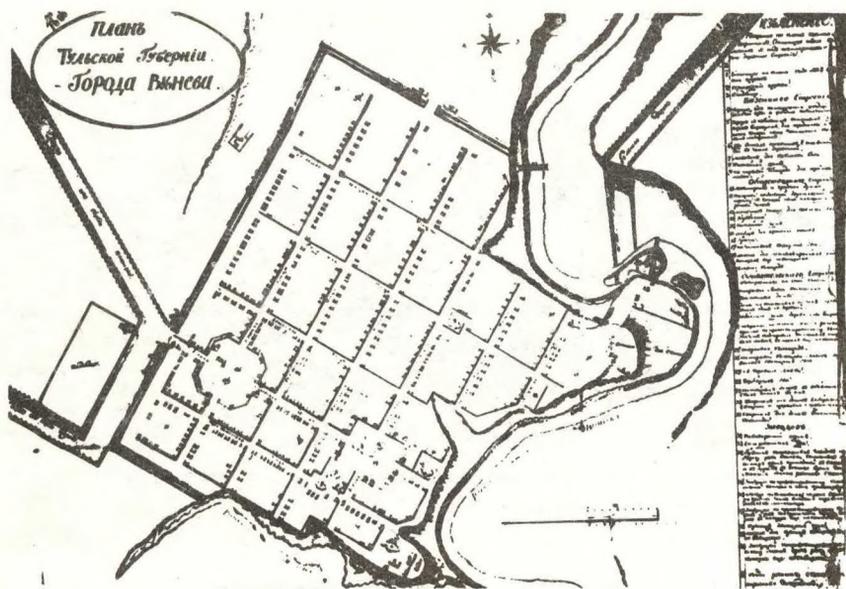
Елифань. Никольский собор 1810—1850 гг. Современное фото.

Богородицк. Вид дворцово-паркового ансамбля с юго-западной стороны. С рис. А. Т. Болотова кон. XVIII в.

Епифань. Никольский собор. Северный фасад.
С фотографии нач. XX в.

План г. Венева. 1824 г.

Венева. Общий вид. С фотографии нач. XX в.

Крапивна. Здание Никольской церкви 1759—1764 гг. и бывшей прогимназии. С рис. В. А. Успенского 1950 г.

Крапивна. Здание земского казначейства. Сер. XIX в. Современное фото.

Белев. Общий вид. С открытки нач. XX в.

Белев. Здание городского магистрата. 1787—1832 гг. С открытки нач. XX в.

Новосиль. С фотографии нач. XX в.

Белев. Вдовый дом. Кон. XVIII — нач. XIX вв. Бывший дом купца Дорофеева, где скончалась императрица Елизавета Алексеевна. С фотографии нач. XX в.

Кашира. Введенская церковь. 1802—1817 гг.

АЛЕКСИНЪ

Земская Управа.

Алексин. Дом купцов Масловых. Кон. XVIII в.

г. АЛЕКСИНЪ. Соборъ

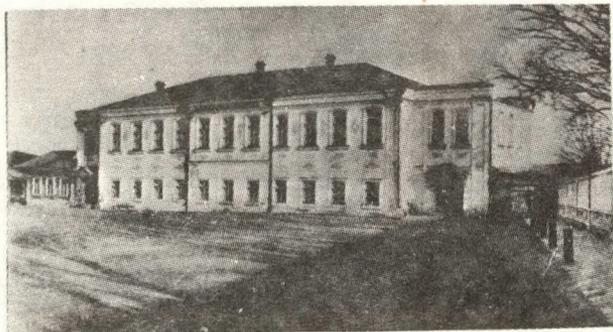
Алексин. «Старый» 1688 г. (справа) и «Новый» 1806—1813 гг. Успенские соборы. С открытки нач. XX в.

Одоев. Базарная площадь, здание городского управления и пожарная каланча. С картины В. Кутепова 1912 г.

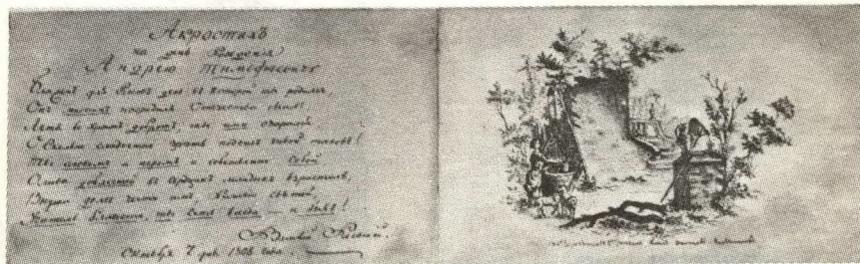
Ефремов. Общий вид. С открытки нач. XX в.

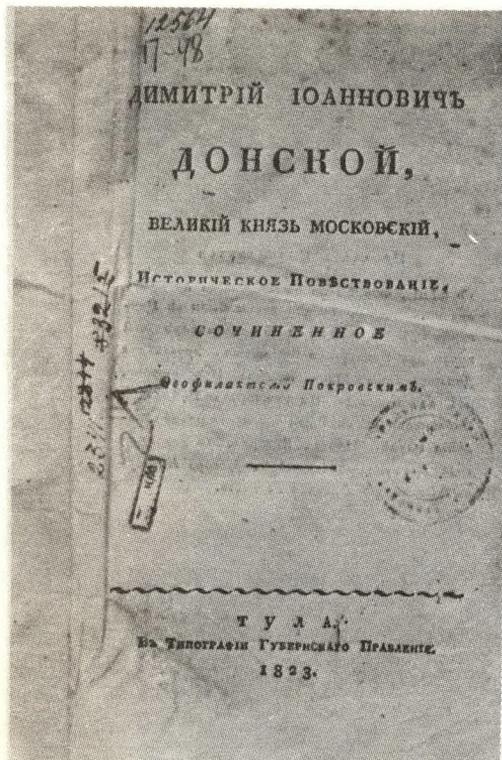
Ефремов. Здание женской прогимназии. С открытки нач. XX в.

Е. П. Кашкин, тульский наместник в 1793—1796 гг.

Альбом А. Т. Болотова с рисунками и автографами разных лиц. Рукопись 1781—1821 гг.

Титульный лист сочинения Ф. Г. Покровского «Дмитрий Иванович Донской...» (Тула, 1823)

А. В. Бобринская, помещица Тульской губернии. С портрета неизвестного художника нач. XIX в.

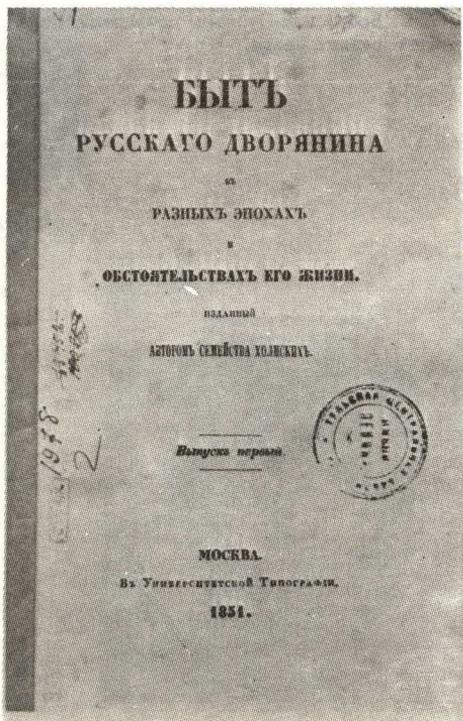
П. С. Бобрицев-Пушкин, декабрист, помещик
Алексинского уезда.

М. М. Нарышкин, декабрист, помещик Тульского
уезда.

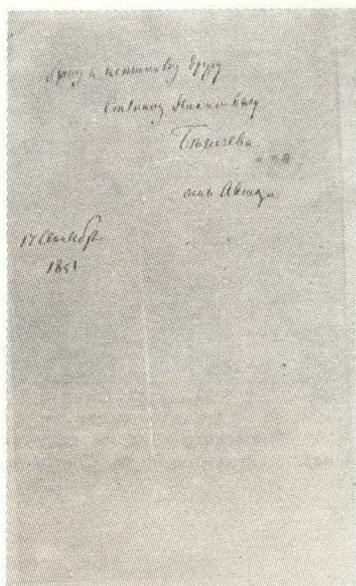
С. Н. Бегичев, помещик Тульской губернии. С портрета работы В. Тропинина 1846 г.

Оборот обложки и титульный лист книги Д. Н. Бегичева «Быт русского дворянина...» (М., 1851) с дарственной надписью от автора его брату С. Н. Бегичеву.

Д. Н. Бегичев, известный писатель XIX в.,
уроженец Тульской губернии.

**УНДИНА,
СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.**

*Его Императорскому Высочайшему
Милостию Милостивому
определению
гос. Автора.*

Шмуцтитул книги В. А. Жуковского «Ундина, старинная повесть» (Спб., 1837) с дарственной надписью автора М. М. Сперанскому.

А. П. Зонтаг, детская писательница, помещица Белевского уезда.

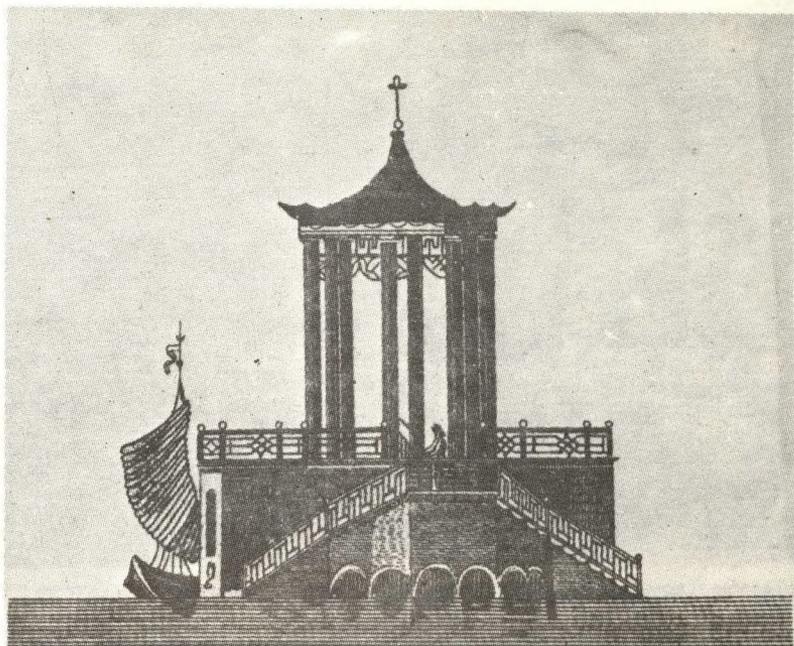
Село Мишенское Белевского уезда, родина В. А. Жуковского, впоследствии имение А. П. Зонтаг.

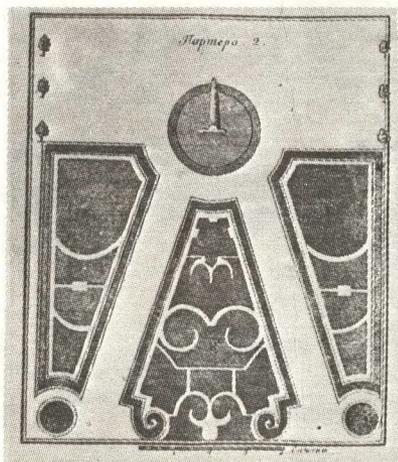
Вид из парка на усадьбу. С картины неизвестного художника XVIII в.

Ковер из усадьбы Хомяковых в с. Богучарово Тульского уезда. Работа крепостных мастеров кон. XVIII в. Изображен обобщенный вид дворянской усадьбы.

Образец парковой беседки из книги В. А. Левшина «Садоводство полное» (М., 1805—1808)

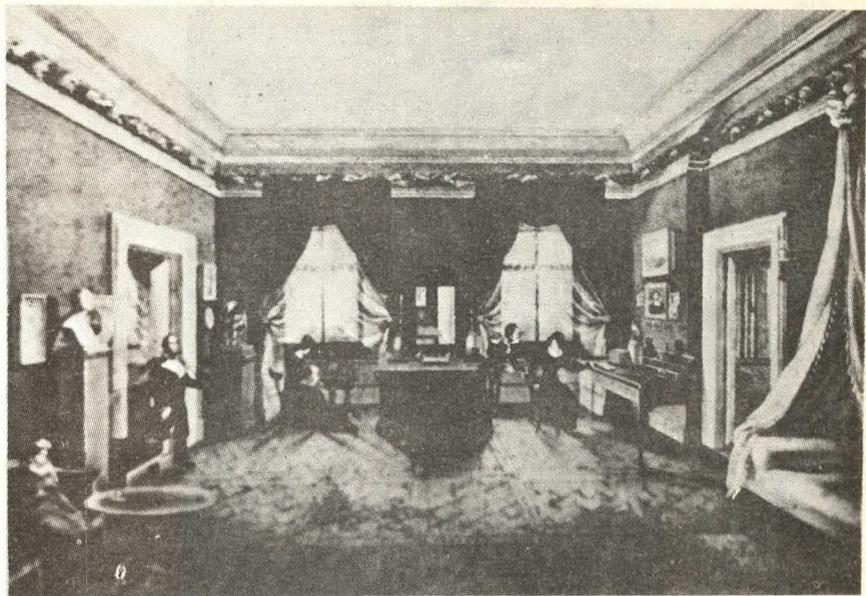
Образец устройства партеров в усадебных парках из книги В. А. Левшина «Всеобщее и полное домоводство» (М., 1795).

Усадебный дом Языковых в с. Сергиевском Тульского уезда. С рис. А. Попова 1856 г.

В усадьбе. С картины неизвестного художника нач. XIX в.

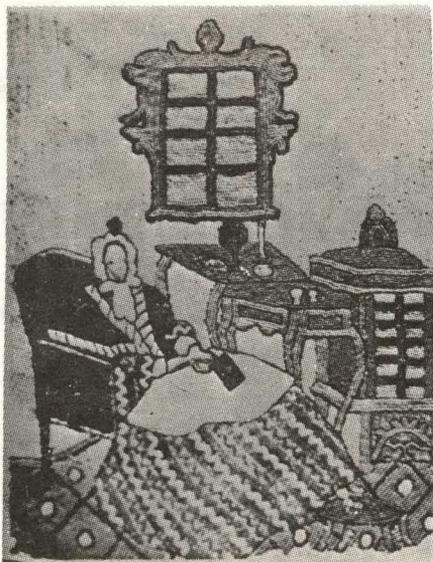
В гостиной усадебного дома. С картины неизвестного художника нач. XIX в.

Усадебный дом князей Голицыных в с. Бучалки Епифанского уезда
1840-е гг.

Модный дворянский костюм нач. XIX в. С гравюры Б. Патерсена.

Помещица в кресле. Шитье бисером и стекляньюсом. Сер. XVIII в.

Портрет купчихи в кокошнике. С картины
П. С. Дрождина 1796 г.

Крестьянка Тульской губернии.
С открытки нач. XX в.

Тула. Торговец с папями. С открытки нач. XX в.

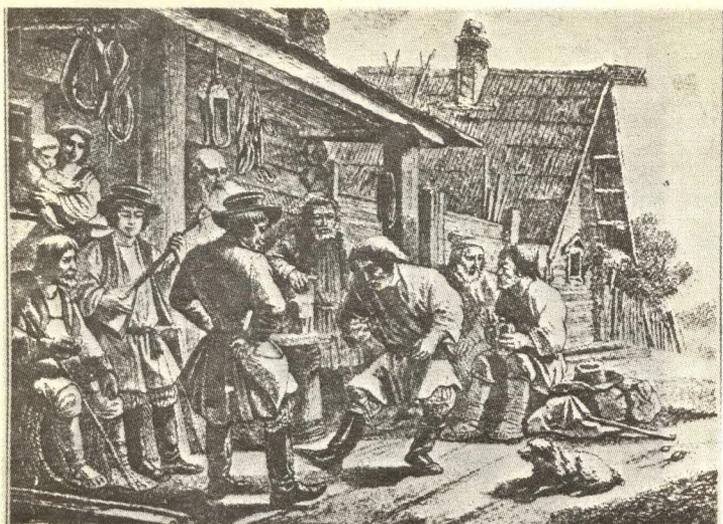
Крестьянская свадьба. Лубок нач. XIX в.

Тула. С покупками на рынке. С открытки нач. XX в.

Деревенские сцены. С рис. Мартынова 1820 гг.

Русская пляска. С рис. А. О. Орловского нач. XIX в.

Битье батогами. С рис. нач. XIX в.

ной семинарии, представитель тульской разночинной интеллигенции, И. П. Сахаров стал впоследствии известным археологом, этнографом, палеографом и исследователем фольклора. К тульскому периоду деятельности Сахарова (1820-е гг.) относится появление его первых работ по истории края. В своих воспоминаниях он изобразил обстановку вокруг его сочинений, трудности вступления в науку человека недворянского происхождения. «В целой губернии, — писал он, — было много людей истинно образованных, полезных родине и семейству, получивших образование не из рук жалких и презренных бродяг, но в казенных учебных заведениях... Бедному человеку, без связей и средств, трудно было пробиться в круг этих людей. Это я испытал сам. Года два жизни стоило мне, чтобы обратить только внимание их на себя»⁵⁵.

Сахаров охарактеризовал тот круг местной интеллигенции, которой поддержал начинание молодого историка. Это были преподаватель математики и французского священник Н. И. Иванов, «любивший горячо родину и просвещение»; штаб-лекарь Ф. Э. Громницкий, известный как переводчик и издатель разных книг; землемер Д. Т. Комаров, «мечтавший написать историю народов средней Азии»; инспектор Александровского училища И. Ф. Афремов; директор гимназии Е. Н. Воронцов-Вельяминов; губернаторы А. П. Гевлич, Е. Е. Штаден и И. Х. фон Трейблуд.; советник казенной палаты Цветков; мещанин-книготорговец С. И. Титов; продавец овощей Назаров; учитель гимназии А. И. Сытин; директор тульского оружейного завода И. Т. Радожицкий; алексинский помещик, «метафизик» А. М. Тихмев; А. А. Левшин; тульские мasons А. Д. Тейльс, П. И. Шварц, А. Л. Сафонов, П. А. Новокшенов⁵⁶. Примечательно здесь наличие большого числа лиц из разночинской среды. Необходимо отметить и различную направленность идейных позиций перечисленных в воспоминаниях лиц, которых объединяло единое стремление к просвещению.

Покровительству губернатора И. Х. фон Трейблуда Сахаров был обязан разрешением работать в архиве губернского правления. «...вся тогдашняя наша знать, — писал он, — воображала, что из тульской истории выйдет история лучше Карамзина. Жалкая ошибка! Покровители мои были слишком усердны, чересчур ретивы и не в меру учены»⁵⁷. Появление первой статьи Сахарова под названием «Отрывки из истории г. Тулы» в 1830 г. в московском журнале «Галатее» (1830. № 12) было встречено в Туле с восторгом. Сахаров вспоминал позже: «Д. Т. Комаров отнял от Назарова «Галатею» и повез развозить ее по всему городу на показ, как диво дивное... Добродушный Е. Н. Воронцов пригласил к себе на вечер доказать всем свое участие в родном деле... Е. Н. Воронцов открыл заседание речью и после рекомендовал меня своим знакомым. Помню Андрея Алекс. Левшина, старика тихого, кроткого и плакавшего от радости. Одни только мистики смотрели на меня сомнительно и недоверчиво. Д. Т. Комаров едва от

радости не плясал. Заседание это после было названо литературным вечером в записке Комарова, сочиненной на другой день и развозимой им по городу... Признаюсь откровенно, что это движение людей к обобщению мыслей радовало меня, как первое явление в моей жизни»⁵⁸. Как видим, в тульском обществе к 1830-м гг. налицо был живой интерес к истории своего края.

В 1830 г. Сахаров окончил тульскую семинарию и, покинув Тулу, поступил в Московский университет на медицинское отделение. Однако он сохранил интерес к тульской истории, и его связь с Тульской губернией не прервалась. В 1832 г. вышла в свет его книга «История общественного образования Тульской губернии» (М., 1832), которая была сборником документов по истории края и сразу же вошла в научный оборот, была использована другими тульскими историками в их исследованиях. Главной задачей исторических работ Сахаров считал публикацию и исследование архивных документов, древних актов, народных преданий. Он призывал собрать все древние акты Тульской губернии, создав тем самым местный исторический архив для облегчения работы историков и спасения документов от гибели⁵⁹. В ряде столичных журналов и изданиях Н. А. Полевого «Русская Вивлиофика» увидело свет большое количество документов по истории Тульской губернии, выявленных и подготовленных к печати Сахаровым.

Чрезвычайно интересна для нас работа Сахарова «Писатели Тульской губернии» (Спб., 1838), где историк не только опубликовал и сохранил для потомков имена многих забытых тульских писателей, но и впервые обрисовал тот круг местной интеллигенции, деятельность которого составляла культурную жизнь губернии.

Первой обобщающей работой по истории Тульской губернии явилось его сочинение «Достопамятности города Тулы и его губернии», оставшееся в рукописи при жизни автора⁶⁰. Богатством фактического материала отличаются и другие неопубликованные работы Сахарова по истории края⁶¹. Его творчество пробудило местные силы исследователей, способствовало появлению других историко-краеведческих работ.

* * *

Последователем И. П. Сахарова был Иван Федорович Афремов (1794—1866), бывший одно время инспектором Тульского Александровского военного училища. Им было составлено первое в тульской историографии последовательное изложение местной истории от древнейших времен до 40-х гг. XIX в. Впервые оно было опубликовано на страницах «Тульских губернских ведомостей» в 1843 г. под названием «Краткое историческое описание Тульской губернии». Выход работы Афремова отдельным изданием был сопряжен с рядом трудностей. Эпиграфом к своему сочинению, названному «Историческое обозрение Тульской губернии», автор выбрал слова В. Г. Белинского о важности изучения провинциальной истории. Отпечатанное в

1850 г. тиражом в 500 экземпляров издание было задержано цензором А. Л. Крыловым, потребовавшим уничтожения листа с эпиграфом. Перепечатывать листы книги, вышедшей за собственный счет Афремова, было бы «крайне обременительно для автора при ограниченных средствах»⁶². Книга в первоначальном виде поступила в продажу только в 1857 г., причем лишь после ходатайства тульского губернатора. Обстоятельства, благоприятствовавшие этому, были связи с открытием в Туле губернской публичной библиотеки, не имевшей достаточных капиталов для нормального функционирования.

Губернатор П. М. Дараган считал возможным просить Министерство народного просвещения дозволить выпуск в продажу книги Афремова, так как автор обещал пожертвовать 300 экземпляров сочинения в пользу библиотеки. Губернатор не указал причин запрещения издания и просил дозволения «оговорить вкравшиеся погрешности» в конце книги. По мнению губернатора, продажей пожертвованных Афремовым книг библиотека могла выручить до 1000 рублей серебром и «капитал этот мог бы служить к совершенному обогащению библиотеки и поставить ее в число значительнейших в своем роде».

Просьба губернатора была удовлетворена, и 2 мая 1857 г. было разрешено выдать билет на выпуск в продажу 1-й части «Исторического обозрения Тульской губернии» И. Ф. Афремова. Афремов действительно пожертвовал обещанную часть тиража в пользу публичной библиотеки, которая, распространив издание по губернии, получила достаточные средства для своего фактического открытия⁶³. К сожалению, трудности издания первой части «Исторического обозрения Тульской губернии» охладил пыл историка, и продолжение не увидело свет.

Афремов был автором описаний уездных городов губернии, в «Тульских губернских ведомостях» им были напечатаны «Краткое историческое описание г. Алексина с уездом его» и «Краткое историческое описание г. Белева с уездом его»⁶⁴. Две его работы были посвящены событиям Куликовской битвы: — книга «Куликово поле» (М., 1849) и статья «Куликовская битва» в «Тульских губернских ведомостях»⁶⁵. Тульский историк не только стремился сделать историю своего края доступной землякам, но и знакомил с ней более широкий круг русских читателей. Им были опубликованы статьи по тульской истории в ряде центральных журналов.

Интерес Афремова к астрономии и естествознанию воплотился в двух его работах, оставшихся в рукописях: «Геос с примечаниями» и «Краткая уранография»⁶⁶. Последние 32 года жизни Афремов провел в своем имени в с. Сальница Белевского уезда. Сочувственное отношение к крестьянам, стремление улучшить их жизнь, медицинская помощь больным вызвали уважение и любовь к нему со стороны местного населения. Он с радостью принял освобождение крестьян в 1861 г.

Почти одновременно с Сахаровым и Афремовым надписанием истории Тульской губернии работали священник Т. Т. Хитров, купец Грязев и отставной артиллерийский офицер, помещик Тульского уезда Н. Ф. Андреев⁶⁷.

Николай Федорович Андреев (1797 — ок. 1866) в своих исторических работах вслед за Сахаровым уделял пристальное внимание изучению и критическому использованию документальных источников, призывал к сохранению древних актов. Краеведческие исследования Андреева, опираясь на накопленный фактический материал Сахарова и Афремова, стояли на качественно новой ступени, в них уже присутствовал научный подход к истории края⁶⁸. На страницах «Тульских губернских ведомостей» Андреевым был опубликован целый ряд статей об исторических памятниках, документах Тульской губернии, критические статьи о работах других историков и писателей. Мы уже обращались к книге «Описание видов г. Тулы» (Тула, 1856) с гравюрами К. фон Шеле, где Андреев дал картину современного ему состояния города, обрисовал лучшие здания главных улиц, высказал свое мнение о культурном развитии Тулы. Этим он не только сохранил облик города середины XIX в. для потомков, но и воздействовал на воспитание эстетических вкусов современников.

Еще большую роль в этом отношении сыграли публикации Андреева в журнале «Москвитянин» под названием «Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям» и «Дополнения...», которые мы тоже уже многократно цитировали. В них историк не только описал многие тульские древности, но и дал характеристику тульским писателям и ученым XVIII — первой половины XIX вв. Биографические данные он снабдил критическим разбором произведений местных авторов. Выбрав формой повествования беседу трех жителей Тулы — самого автора, одного молодого человека, получившего французское воспитание, и тульского старожила, горячего патриота, приверженца классической литературы, — Андреев показал отношение представителей различных поколений, различных идейных убеждений к творчеству современных писателей, к культурным событиям. Привлекая к повествованию истории, рассказанные солдатами и мелкими чиновниками, он изобразил широкий спектр восприятия культуры различными социальными слоями. Вместе с критическим разбором произведений Андреев дал тульским писателям практические советы, высказал пожелания относительно тематики новых произведений. Это несомненно способствовало развитию местного литературного и исторического творчества, формировало читательские вкусы. Печатаемая свою работу в столичном журнале, Андреев знакомил с историей и культурой Тульской губернии самые широкие читательские слои России, пропагандировал культурные достижения своего края.

Чрезвычайно важным в условиях феодально-крепостнической действительности было обращение писателей к народному творчеству. За счет привлечения в круг источников и объектов изучения художественной культуры крепостного крестьянства шло обогащение русской литературы, развитие ее жанров, применение новых художественных образов и средств, формирование нового литературного языка.

Изучению русского народного творчества посвятил себя Петр Васильевич Киреевский (1808—1856), уроженец с. Долбино Белевского уезда Тульской губернии, сын А. П. Елагиной, о которой мы уже упоминали. В отличие от своих предшественников, обращавшихся к теме народного творчества с позиций романтизма, Киреевский считал главной задачей дать реальное, правдивое изображение жизни крепостного крестьянства через народную песню, которая, по его мнению, в условиях крепостного гнета была «единственным достоянием крестьянина, куда спрятались все его нравственно-человеческие думы и стремления, и памятью о другой, более счастливой поре»⁶⁹. В 1831 г. П. В. Киреевский, следуя советам А. С. Пушкина, начал собирать народные песни, систематизируя их с научных позиций. Для составления «Собрания народных песен» (т. 1—10. 1860—1874) он привлек широкий круг корреспондентов, в том числе из числа своих родных и друзей, проживавших в Тульской губернии: сбором фольклора занимались его мать Авдотья Петровна, ее сестра, декабрист А. И. Черкасов и др.⁷⁰ В «Собрание» П. В. Киреевского наряду с другими вошли и народные песни Тульской губернии. При жизни автора публикация «Собрания народных песен» была невозможна по цензурным соображениям, она осуществилась только после его смерти, в период либеральных реформ Александра II. Изучение художественной культуры народа явилось величайшим вкладом П. В. Киреевского в русскую культуру.

Брат П. В. Киреевского Иван Васильевич (1806—1856) был известен как литературный критик и публицист, религиозный философ, основатель славянофильства. Как уроженец Белевского уезда он был назначен почетным смотрителем белевских училищ. Как и его брат, И. В. Киреевский был прекрасно образован, знал в совершенстве французский и немецкий языки, был очень начитан.

Единомышленником и другом братьев Киреевских был Алексей Степанович Хомяков (1804—1860), известный поэт, писатель, публицист и религиозный философ, также стоявший у истоков славянофильства. Он был потомственным дворянином Тульской губернии, его прадед был избран крестьянами себе в помещики (этот уникальный случай мы описали в предисловии). Мать А. С. Хомякова, Марья Алексеевна, урожденная Киреевская, была женщиной прекрасно образованной, а отец, Степан Александрович, даже принимал «живое

участие в литературном движении» своего времени⁷¹. Семья большую часть времени проводила в своем тульском имении с. Богучарово, хотя много жила и в Москве. Богучарово было любимым местом жительства А. С. Хомякова, особенно в период с ранней весны до поздней осени. Сюда приезжали друзья, родственники. В имении была превосходная библиотека, богатый семейный архив, включавший документы за три столетия⁷². А. С. Хомяков был замечательным человеком своего времени: современники отмечали его феноменальную память, красноречие и умение становиться центром любого общества. В Москве он был постоянным гостем салона А. П. Елагиной⁷³. В своем литературном творчестве и мировоззрении Хомяков был выразителем либерально-дворянского направления в развитии русской общественной мысли 1840—50-х гг. Поднимая вопросы крепостного права, тирании (особенно, в стихотворении «России» 1854 г., ходившем по стране в списках и напечатанном в отрывках Герценом в «Колоколе»), Хомяков видел выход не в революции, а в самобытном пути России к патриархальной общине⁷⁴.

Современником Киреевских и Хомякова был писатель, ученый-географ и государственный деятель Алексей Ираклиевич Левшин (1799—1879). Сослуживец А. С. Пушкина по Одессе, Левшин был автором книги «Письмо из Малороссии» (Харьков, 1816), а также принесшего ему широкую известность трехтомного труда «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» (Спб., 1832) — первого обобщающего научного труда о жизни Казахстана и Средней Азии. Работа Левшина получила восторженный отзыв Пушкина, использовавшего ее при написании «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева»⁷⁵. А. И. Левшин, выходец из старинного дворянского рода Тульской губернии, в 1844—1846 гг. был губернским предводителем дворянства, всемерно содействовал изучению истории тульского края.

* * *

Уроженцем тульского края был Дмитрий Никитич Бегичев (1786—1855), популярный в свое время писатель XIX в. Он родился в с. Никитинское Ефремовского уезда Тульской губернии, родовом имении своего отца. Об этом писателе в наши дни вспоминают чрезвычайно редко, поэтому немного подробнее осветим его биографию, тем более, что нам удалось уточнить некоторые детали его творчества. Детские годы будущего писателя прошли в деревне. Он получил неплохое домашнее воспитание. Большое влияние на него имел старший брат Степан, будущий участник декабристского движения на раннем этапе⁷⁶. Как и старший брат, Дмитрий рано приобщился к чтению, благо в имении была хорошая библиотека, знал французский, немецкий, английский и итальянский языки. В 1802 г. он поступил на военную службу. Вместе с русскими войсками он участвовал в европейских походах против наполеоновской армии, сражался под Аус-

терлицем, Фридландом, Гутштадтом, где проявил чудеса мужества и отваги, за что был награжден орденом св. Владимира IV степени и прусским орденом «За заслуги». В 1819 г. он вышел в отставку в чине полковника. Продолжая карьеру уже по гражданской части, он служил в Коллегии иностранных дел, затем в 1830—1836 гг. был губернатором в Воронеже. В 1818 г. Д. Н. Бегичев женился на Александре Васильевне Давыдовой, родной сестре легендарного партизана войны 1812 г. и поэта Дениса Давыдова. Он общался со многими будущими декабристами, близко сошелся с А. С. Грибоедовым.

В 1830 г. журнал «Московский телеграф» начал печатать отрывки из нового романа «Семейство Холмских», автор которого пожелал остаться неизвестным. Роман имел значительный успех и спустя два года вышел отдельным изданием, но и на сей раз имя автора не было указано. В предисловии к роману анонимный сочинитель писал: «Представление современникам картины образа их жизни, изображение нравов, пороков, заблуждений, предрассудков, разврата, притеснения подвластных, ябедничества, несправедливости судей и прочих злоупотреблений — все сие, как мне казалось, может хотя некоторым образом споспешествовать благотворным видам правительства: то есть способствовать к улучшению общей нравственности, и тем более, если вместе с приближением и преследованием пороков, поставлена в противоположность добродетель и открыты средства к достижению возможного счастья и спокойствия в здешней жизни. Вот основная мысль, подвигнувшая меня к изданию в свет опыта наблюдений над современными нравами того сословия, к которому я сам принадлежу».

Некоторые события романа происходили в Воронежской губернии, и вскоре воронежцы стали узнавать себя и своих соседей в героях романа. Но кому было приятно стать объектом изображения «пороков, предрассудков и разврата»? Стали искать сочинителя обидчика, и вдруг разнесся слух, что этот сочинитель не кто иной, как сам воронежский губернатор. Целый ряд доказательств подтверждал столь невероятную догадку, но достоверно ничего известно не было.

Спустя несколько лет появилось еще несколько анонимных сочинений, подписанных уже псевдонимом «Автор «Семейства Холмских»». Это вновь были романы, нелюбезно изображавшие жизнь дворянства в провинции: «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия» (1840), «Провинциальные сцены» (1840), «Последствие услуги, оказанной кстади и вовемя» (1842), «Быт русского дворянства в разных эпохах и обстоятельствах его жизни» (1851). Многие читатели и исследователи считали, что автором этих сочинений был Д. Н. Бегичев. Его перу принадлежали «Записки губернского чиновника», вышедшие в 1845 г. и подписанные автором. В дореволюционных справочниках роман «Семейство Холмских», как прави-

ло, приписывали Д. Н. Бегичеву, однако указывалось и имя другого писателя, П. Д. Голембовского, и даже имя С. Н. Бегичева.

В советском литературоведении автором романа «Семейство Холмских» традиционно считается Д. Н. Бегичев, однако прямых доказательств этого не приводится. В статье о Д. Н. Бегичеве, помещенной в «Альманахе библиофила», исследователь Ю. Акутин пишет, «...что автором романа «Семейство Холмских» был Д. Н. Бегичев, но он никогда не признавал этого в печати»⁷⁷. Все это действительно так, однако мы располагаем подлинным свидетельством Д. Н. Бегичева об его авторстве этого романа. Где же оно и почему до сих пор не известно исследователям?

Несколько лет назад автору этих строк посчастливилось попасть в отдел уников Тульской областной библиотеки им. В. И. Ленина с целью розыска книг из личной библиотеки Степана Никитича Бегичева. Поиск увенчался успехом: были обнаружены несколько томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и «Истории русского народа» Н. А. Полевого, буквально испещренные пометами хозяина. Кроме того, внимание автора привлекли еще две книги — два одинаковых экземпляра сочинения, на титульном листе которого значилось: «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни. Изданный автором „Семейства Холмских“». (М., 1851). На книгах были дарственные надписи: на одной — «Никите Степановичу Бегичеву от автора 12 сентября 1851», а на второй — «Брату и истинному другу Степану Никитовичу Бегичеву от автора 17 сентября 1851». Вот оно, признание автора! Им действительно был родной брат С. Н. Бегичева — Дмитрий Никитич Бегичев. Первую книгу он подарил своему племяннику, сыну С. Н. Бегичева Никите, которому было в ту пору 23 года. Аноним теперь окончательно раскрыт.

В годы пребывания на губернаторском посту Д. Н. Бегичев всемерно поддерживал развитие просвещения. Он дружески относился к поэту А. В. Кольцову, помогал ему. Во время эпидемии холеры устроил больницу для больных на 200 мест, дом призрения вдов и сирот, оставшихся без средств к существованию, распространял сведения о противохолерном эликсире, повелел готовить из него лекарства и даже подготовил и издал книгу о нем под названием «Воронежский эликсир» (Воронеж, 1830). Во время голода Д. Н. Бегичев выхлопотал дополнительные субсидии у правительства, организовал покупку зерна и справедливо распределял его среди населения. Покинув Воронеж, он служил в различных департаментах Сената, выполнял дела по ревизиям и управлению государственным имуществом, содействовал организации образования для женщин. Став тайным советником и сенатором, он не прекращал и литературных трудов. Его творчество сыграло свою роль в накоплении духовной культуры общества, в формировании этических идеалов.

Большое просветительское значение имело творчество литераторов-декабристов. К их числу принадлежали декабристы-туляки Николай Сергеевич (1800—1871) и Павел Сергеевич (1802—1865) Бобрищевы-Пушкины и Николай Алексеевич Чижов (1799—1848).

Братья Бобрищевы-Пушкины происходили из дворянского рода Тульской губернии. Детские годы их прошли в д. Егнышевка Алексинского уезда. Образование они получили в лучших учебных заведениях того времени — Московском университетском пансионе и школе колонновожатых в Москве. Затем братья, находясь на службе в штабе Южной армии, вступили в Южное общество декабристов. После восстания на Сенатской площади они были отправлены в ссылку в Сибирь, откуда вернулись только через тридцать лет в результате амнистии 1856 г. По возвращении они поселились в своем родовом имении Егнышевке, а затем в имении сестры д. Коростино Алексинского уезда.

Еще до восстания декабристов братья Бобрищевы-Пушкины были известны как поэты. Стихотворения Н. С. Бобрищева-Пушкина печатались в журналах «Вестник Европы», «Сын Отечества». Темы, звучавшие в его стихах, были близки духовным исканиям его поколения: предназначение человека, радости уединенной жизни, воспевание природы. П. С. Бобрищев-Пушкин был автором ряда басен, в которых звучали гражданские темы: необходимость предоставления народу свободы, неизбежность революционных потрясений⁷⁸.

Обращение в недавнее время исследователей к жизни и творчеству Н. А. Чижова позволило М. В. Нечкиной написать о нем: «Извлечен из забвения прекрасный поэт той же плеяды — декабрист Н. Чижов, активный участник восстания 14 декабря 1825 г...»⁷⁹. Н. А. Чижов, помещик Чернского уезда Тульской губернии, был членом Северного общества декабристов. Офицер военно-морского флота, он в 1821 г. принял участие в экспедиции на Новую Землю, опубликовал статью о Новой Земле в журнале «Сын Отечества» (1823. № 4). Во время ссылки в Сибирь написал ряд стихотворений, где звучали вольнолюбивые мотивы («Журавли», 1828), а также произведения на темы якутского фольклора. Среди последних особую известность приобрела баллада «Нуча», опубликованная в «Московском телеграфе» в 1832 г. и вызвавшая политический скандал.

Из сочинений других тульских писателей, сыгравших определенную просветительскую роль, необходимо назвать объемистый труд ефремовского помещика Андрея Васильевича Рознотовского (ок. 1739 — после 1811) «Новое земледелие, основанное на правилах... Иоанна Христиана Шубарта фон Клеефельда...» (ч. 1—7. М., 1794—1800). Во вступлении А. Рознотовский писал: «Я почел за луч-

шее выбрать изo всего этого одно токмо нужное и, пополнив недостающее почерпнутым мною из разных авторов, расположить оное таким образом, как обыкновенно производим мы работы наши сельские...».

Распространению передового опыта ведения сельского хозяйства содействовали сочинения белевского помещика Павла Ивановича Шварца (до 1785—1852), издавшего большое число трудов по садоводству и домоводству. Он явился популяризатором сочинений К. Линнея, создателя первой научной классификации животного и растительного мира, издав «Описание Линнеевой системы...» (М., 1827).

Директор Тульского оружейного завода Илья Тимофеевич Раджицкий (1788—1861), кроме «Походных записок артиллериста с 1813 по 1816 гг.» (ч. 1—4. М., 1836), которые, по словам Андреева, «редкий из нас не читал»⁸⁰, и статей в «Отечественных записках» о военных походах в Азию в 1829—1831 гг., написал исследование «Всемирная флора», в 15 томах с рисунками⁹¹, куда входили и его наблюдения о флоре Тульской губернии — первая попытка систематизации растений Тульского края.

Для распространения медицинских знаний среди населения много сделали тульские врачи, в большинстве своем выходцы из разночинских кругов. Иван Алексеевич Костомаров (1791—1837) перевел с английского «Начертание практической хирургии» С. Купера (ч. 1—5. М., 1824); «медико-хирург» Петр Петрович Успенский перевел с немецкого изданные Коннебрухом «Начальные основания Патологии» (М., 1817; второе изд.: Спб., 1821) и «Начальное основание терапии, в пользу практических врачей» (ч. 1—3. Спб., 1819—1822); штаб-лекарь Федор Емануилович Громницкий написал сочинение «О употреблении в сухом виде камфоры...» (М., 1821); неизданные труды по медицине были у тульских врачей Балка и Ньюбека⁹². Но наибольшую ценность, на наш взгляд, представляло сочинение врача тульской городской больницы К. Бирфрейнда, составленное при содействии аптекаря Р. Р. Бейера, «Тульский домашний лечебник, преимущественно для крестьян и дворовых людей» (М., 1852).

Описание тяжелого положения крепостного крестьянства стало причиной цензурного запрета «Статистического обозрения Тульской губернии» К. В. Залесского (в 1850 г.). Автору было предложено исключить из текста места, относившиеся к повинностям и недоимкам крестьян⁹³.

В 1792 г. журнал «Дело от безделья» сообщал, что «ныне наступил у нас уж век иной, все пишут, лишь писать которые умеют: власочесатели, подьячие, дьячки... и типографщикам, что пишут, продают; а те по грошу им с листа за труд дают и бедненьким писцам тем доставляют пищу»⁹⁴.

Такие «бедненькие писцы» были и в Туле. В частности, к ним можно отнести мещанина Абрама Антоновича Булыгина (род. ок.

1739), автора «Истории города Тулы мещанина Абрама Булыгина о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах». Она была издана без указания места и года издания, на бумаге с филигранями 1797 г., возможно, в тульской типографии⁹⁵. «История города Тулы» Булыгина — устный рассказ неграмотного (т. е. отнесение его к писцам, строго говоря, условно) оружейника, дословно записанный неизвестным лицом. В своих мемуарах Булыгин живо изобразил быт, развлечения городских низов Тулы, избрав для своего повествования рифмованную форму народного сказа.

Веневский купец Дмитрий Егорович Бородин около 1804 г. написал и хотел издать «Веневскую историю». Болотов хорошо знал этого «писаку и чтеца превеликого», умного и интересного человека, неоднократно проводил с ним вечера с «особливым удовольствием... в благоразумных и прямо философических разговорах»⁹⁶.

* * *

Несколько слов необходимо сказать о людях технических профессий, своими изобретениями, открытиями способствовавших развитию материальной культуры, которая в свою очередь способствовала развитию культуры духовной.

Высот мастерства достигли в это время тульские оружейники. Оружие, производимое ими, отличалось не только прекрасными техническими качествами, но и высокохудожественным исполнением. Знаменитая легенда о тульском Левше имела под собой реальную основу. Она передавала историю поездки для обучения мастерству в Англию тульских оружейников Алексея Сурнина и Андрея Леонтьева. Вернувшийся в Россию Алексей Сурнин (ум. 1811) привез из Англии множество чертежей и станков. Овладев в совершенстве искусством оружейного дела, он обучил ему в Туле большое количество учеников. Один из них, оружейник Латов, под руководством Сурнина и инструментального мастера англичанина Довиха создал новую машину, не только не уступавшую по техническим данным машинам, привезенным из Англии, но и по некоторым параметрам их превосходившую. Оружейники Салищев, Иван Лялин, Иван Пушкин славились мастерством художественной отделки оружия насечкой, воронением, «бриллиантовой» огранкой стали. Оружейник Иван Фолин в 1782 г. сделал первые русские магазинные пистолеты, показав себя выдающимся конструктором. Иван Лялин дал свой образец кремневого казнозарядного ружья. Оружейник Бобрин изобрел жатвенную машину, «которою один человек, действуя, может одним приемом много жать хлеба». Оружейник Кривоносов проявил незаурядные способности в минералогии. В начале XIX в. им были открыты залежи каменного угля и торфа, и он один из первых применил торф для отопления жилья. В 1778 г. Вольное экономическое общество наградило большими серебряными медалями двух «тульских жителей» Ти-

мофея Бровина и Федора Баташова за модель изобретенной ими «вододействующей махины»⁹⁷.

Как уже говорилось, по Положению 1782 г. об оружейном заводе оружейники имели право широко развивать побочные промыслы. Из оружейного дела прежде всего развились замочное и скобяное производства, достигшие в Тульской губернии высокого уровня. Всемирную известность приобрело производство самоваров. Первая самоварная фабрика была открыта оружейником Назаром Лисициным в 70-х гг. XVIII в. Вслед за ней появились фабрики оружейников братьев Лялиных, Н. и Г. Черниковых, купца Василия Ломова и др. Из числа потомственных оружейников происходил заводской механик и архитектор Козьма Семенович Сокольников. Он был автором проекта волостного училища в Богородицке, ряда церквей в Туле и двух проектов перестройки и реконструкции тульского оружейного завода; среди современников слыл человеком умным, был другом А. Т. Болотова. Членом Академии художеств стал бывший оружейник П. Е. Доброхотов⁹⁸.

* * *

В XVIII — первой половине XIX вв. на тульской земле проживало много талантливых людей, причем принадлежали они к разным условиям. Не только дворяне, хотя их было подавляющее большинство, отличались литературным даром, научными познаниями или практической сметливостью и изобретательностью. Среди тульских писателей и ученых были люди, придерживавшиеся разных, подчас противоположных взглядов, но все они в своих произведениях и в жизни пропагандировали идеи Просвещения, боролись с невежеством, пытались улучшить жизнь и сделать ее разумнее. В целом люди интеллектуального труда, писатели и ученые составляли не столь уж малую часть общества, могли влиять и влияли своим творчеством на культурное развитие провинции.

ГЛАВА 5

Театр и музыкальное искусство

...зрелище сие было по новости своей поразительное.

А. Т. Болотов

Народ, который поет и пляшет, зла не думает.

Екатерина II

Слово «театр» было почти неизвестно в русской провинции в XVIII столетии. Первый театр появился в России только в царствование Алексея Михайловича, в 1670-х гг., но был он придворный, к тому же иноземный и существовал совсем недолго. В России не было многовековой традиции театральных представлений, как в Европе, которая восприняла театр в наследство от Древней Греции. Была, правда, традиция скоморошества, народных игрищ во время ярмарок с медведями, балаганами и музыкантами. Но скоморошество было явлением стихийным, неуправляемым, подчас весьма фривольным, что вызывало резкое осуждение со стороны церкви; в 1649 г. на скоморошество был даже наложен запрет по указу царя Алексея Михайловича. Театр же воспринимался в России совсем по-другому. Петр I в 1702 г. распорядился организовать в Москве публичный театр, представления которого могли бы посещать все желающие. Для этого на Красной площади была выстроена «комедийная хоромина». С помощью театра Петр стремился объяснить смысл своих преобразований, театр должен был публично восхвалять великие деяния царя, знаменательные события в жизни России. Пышные театральные представления были частью официальных торжеств в 1710 г. в честь победы в Полтавской битве, в 1721 г. по поводу заключения Ништадского мира и др.¹

Возникновение театров в провинции относится к середине XVIII в. Первым провинциальным театром был театр в Ярославле, основанный в 1750 г. замечательным актером Федором Григорьевичем Волковым. Театр Волкова сначала был любительским, но в 1756 г. на

его основе был создан первый в России постоянный профессиональный государственный театр в Петербурге. Учреждение театров в других провинциальных городах произошло уже в последней четверти XVIII столетия.

В Туле первое театральное представление было дано на третий день торжеств по поводу открытия Тульского наместничества, 19 декабря 1777 г. Наместник М. Н. Кречетников приказал отпраздновать учреждение наместничества как можно более торжественно, «придать ему наиболее блеска и сияния», как выразился А. Т. Болотов. О том, как это происходило, подробнее будет рассказано в последней главе. Но об открытии театра поговорим сейчас.

Для увеселения публики наместник «велел построить деревянный и довольно просторный театральный дом, — писал Болотов, — и постарался снабдить оный труппою актеров и нужным для сего гардеробом и убранством. Итак, множество рабочих и мастеровых людей старались... отделывать и сие здание, бывшее по ту сторону Упы, на горе, на площади, где потом находились казенные конюшни, и успели и сие дело к назначенному времени кончить»².

Мы не можем точно указать место, где находился первый театр в Туле. Выстроен он был в Посадской части города, вероятнее всего, на Киевской улице. Но у Болотова сказано, что это было «на горе, на площади, где потом находились казенные конюшни». Как следует из воспоминаний современников, в конце XVIII в. на Киевской улице было две площади: одна у кремля, но конюшни были чуть в стороне, на месте современного Садового переулка, и это место было не на горе; и вторая — на выезде из города, у Киевской заставы. Там тоже были конюшни: застава открывала путь по Киевскому тракту на юг страны. В записках В. Измайлова 1799 г. говорилось, что здание театра было одним из лучших в городе, и упоминалось оно рядом со зданием Воспитательного дома, присутственных мест и другими, находившимися в то время в конце Киевской улицы, т. е. в кварталах между современными улицами Толстого и Пушкинской. По всей видимости, первое театральное здание в Туле было где-то в этом месте.

На первом спектакле играли комедию известного русского драматурга М. И. Веревкина «Так и должно», в которой главный персонаж молодой дворянин Доблестин, рискуя потерять горячо любимую невесту, отдавал половину своего состояния бедному родственнику, герою русско-турецкой войны. Добродетель торжествовала, но и любовь была спасена. Публика была в восторге, особенно небогатые тульские «обыватели»³.

Открытый в 1777 г. тульский театр стал центром культурной жизни города и губернии на долгие годы. Объединивший замечательных актеров, руководимый талантливыми организаторами, театр оказывал заметное влияние на формирование общественно-политических взглядов и эстетических вкусов зрителей. Управление театром было

поручено советнику казенной палаты С. Н. Веницееву, известному в Туле писателю, который сумел собрать вокруг себя общество просвещенного дворянства и с его помощью направлял деятельность театра.

Особого расцвета театр достиг в годы правления (1793—1796) наместника Евгения Петровича Кашкина (1733—1796), прекрасно образованного человека, любителя литературы и искусств. Е. П. Кашкин привез с собой в Тулу книжное собрание, составленное им во время пребывания на постах пермского и тобольского генерал-губернатора и включавшее, в основном, иностранные книги⁴. Он хорошо был знаком с А. Т. Болотовым, считавшим Кашкина близким себе по «склонностям, привычкам, мнениям». Между ними часто велись «любопытные разговоры», обсуждение прочитанных книг. Кашкин снабжал Болотова немецкими книгами из своей библиотеки⁵.

Возможно, в руководстве театром принимал участие сын наместника, Дмитрий Евгеньевич Кашкин, отличный музыкант, театрал, который подолгу жил вместе с отцом. У себя в имении Д. Е. Кашкин имел хорошую библиотеку и содержал театр, где он сам играл (в скобках заметим — роли олимпийских героев). Д. Е. Кашкин прекрасно знал иностранную литературу, читал наизусть отрывки из трагедий Вольтера, Корнеля, Расина⁶. В 1794 г. на тульской сцене был поставлен «Севильский цирюльник» П. Бомарше в его переводе⁷.

Репертуар тульского театра в конце XVIII в. был интересен и обширен. В театральной библиотеке насчитывалось до 120 различных печатных и рукописных трагедий, комедий, опер. Среди них были многие пьесы А. П. Сумарокова и Я. Б. Княжнина, антикрепостническая опера Н. П. Николаева «Розан и Любима» и его же тираноборческая, в духе Вольтера, трагедия «Сорена и Замир», комическая опера из народной жизни А. О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», пьесы Ж.-Б. Мольера, В. А. Левшина.

Театральные представления вошли в жизнь провинциального общества. Вспомним сына А. Т. Болотова Павла, находившегося в 1796 г. на службе в Туле и писавшего об «обыкновенном театральном времени» по вечерам. Большинство его знакомых тоже постоянно посещало театр, родственники специально приезжали из своих имений в Тулу на театральные представления⁸.

Основу труппы театра составили актеры Калужского театра, основанного в 1776 г. Позже труппа пополнилась местными талантливыми актерами. А. Т. Болотов, посетив в 1784 г. театр в Калуге и посмотрев пьесу Бомарше «Евгения» и французскую оперу «Бочар», шедшие также и на тульской сцене, отметил, что калужский театр «был ничем не лучше, а еще и похуже нашего тульского!»⁹. Свидетельство это тем ценнее, что известен высокий уровень художественного мастерства в калужском театре, которым в этот период руководил писатель и прожекторщик П. С. Батурин, полностью реорганизовавший постановку театрального дела в Калуге.

Кроме постановок пьес, опер, балетов, в тульском театре устраивали представления и другого рода. Об одном из них мы узнаем из письма П. Болотова отцу от 21 октября 1796 г.: «Касательно еще до вчерашнего дня, то удалось мне еще вместе с прочими быть в театре, где один проезжий чужестранец показывал особенного рода штуки и фигурные картины *transparentes* — освещенные огнем некоторым новым образом... он навлек на себя всеобщее негодование — за зрелище, не соответствовавшее ожиданию всех...» В театре, видимо, происходила и демонстрация картин, о которых П. Болотов писал отцу в другом письме: «Ах! Батюшка, какие здесь итальянцы с славными картинами, ну, уже досыта насмотрелся я новейших эстампов, жаль, что вы не видите их»¹⁰.

Наряду с театром развивалась и музыкальная культура. В Туле устраивались общественные концерты, в 1790-х гг., по свидетельству А. Т. Болотова, существовала даже музыкальная школа. Многие обучали музыке своих детей дома. Концерты устраивались в частных домах и дворянских усадьбах, где имелись собственные оркестры, — например, у Юшковых, у Болотова, у зятя Болотова П. Г. Шишкова, у Ф. А. Левшина, у ефремовского предводителя дворянства Н. П. Воейкова, у губернаторов Н. Д. Граве и В. А. Борисова¹¹. П. Болотов в письме к отцу из Тулы в 1797 г. писал, что побывал в гостях у вновь назначенного тульского гражданского губернатора Николая Даниловича Граве, который расположился в доме Лугининых и собирался устроить для «всего города» большой прием — «трактамент и угощение», в доме его звучала «огромная музыка»¹².

По воспоминаниям современников, в России в этот период у каждого помещика были свои музыканты и песенники, «хоть по-немногу, а все-таки человек по десяти»¹³. Многие дворяне любили народные песни, были близки к народному искусству. А. Т. Болотов вспоминал, что в 1772 г. он слышал «превеликий хор крестьянок», которые шли «предводимые дочерью одного тутюшного владельца и при громе воспевающих веселых песней. Вскоре за ними вышел и отец ее, и вокальная музыка сия... продолжалась до самой глубокой ночи»¹⁴. Дворяне нередко не только слушали крестьянское пение, но и принимали в нем участие. Крестьянские песни органично входили в быт дворянских семей, например, Болотовых, Киреевских.

Городские «обыватели» также любили музыку и пение. В Туле в 1770—1790-х гг. существовала музыкальная артель, о которой сохранился чрезвычайно колоритный рассказ в жизнеописании тульского мещанина-оружейника А. А. Булыгина «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах». Мы уже упоминали это необыкновенное сочинение, здесь же вкратце перескажем некоторые его страницы, которые касаются музыкального искусства.

Кроме работы по оружейной части, а затем торговли, главными за-

нятиями в жизни Булыгина были музыка, пение, пляски и сказки. Он хорошо владел искусством игры на скрипке. Вероятно, в качестве музыканта он участвовал в театральных представлениях: операх, комедиях, маскарадах, «редутах», концертах и «балансертах». Интерес к театру побудил его во время пребывания в Петербурге побывать на четырех театральных представлениях, где он «актерам удивился и на балетчиков увеселился». Вообще, тульский мещанин проявил себя человеком разносторонних духовных интересов. Кроме театров, он посетил в Петербурге биржу, Академию наук, кунсткамеру, слушал орган в лютеранской кирхе, осмотрел окрестности города — Царское село, Кронштадт, Петергоф, Крестовский и Каменный острова.

Из рассказа Булыгина ясно, что он был не одинок среди оружейников в своей приверженности к музыке и театру. Он сумел организовать любителей искусства, создав самостоятельную артистическую артель, участниками которой были молодые оружейники. В артель входили оркестр «Азиатской музыки» в составе 20 человек, хор песенников из десяти человек и группа плясунов из трех пар. Чрезвычайно любопытен тот факт, что артель была совершенно независима, над ней не стояло никакого начальство, не было даже художественного руководителя. Артель носила название «гражданство». Тем не менее, порядки в ней были строго регламентированы самими же участниками: во главе отдельных групп членов «гражданства», называвшихся «артельщиками», стояли назначаемые Булыгиным «предводители» и «старосты». Булыгин, возглавлявший артель, именовался «настоятелем». Деятельность артели была организована так, чтобы не мешать основной работе оружейников на казенном заводе. Это облегчалось тем обстоятельством, что в основе производства на Тульском оружейном заводе во второй половине XVIII в. был домашний труд.

Члены артели были музыкантами-самоучками. Булыгин говорил по этому поводу: «Ничему мы так не удивлялись, что нигде и ни у кого не учились, а со Азиатскою музыкою не разлучались и сами собой играть в нее научились». Под «Азиатскою музыкою» Булыгин, на наш взгляд, подразумевал народную музыку, в противопоставление музыка светской, «европейской». Подтверждением этому служит и набор инструментов, вполне соответствовавший традициям русского народного музыкального искусства: балалайка, дудочки, литавры, тарелки, ложки и трещетки. Исключение могут составлять лишь скрипки, имевшиеся в оркестре, но и они не вносили диссонанс в народную музыку. Кроме того, наличие скрипок могло объясняться стремлением удовлетворить вкусам различных категорий слушателей.

Замечательно, что обогащение музыкального репертуара артели шло за счет использования подлинно народного творчества. Булыгин в своем жизнеописании говорил, что «знался с людьми чудными и опытными: с сапожниками, с вершечниками, с ямщиками и со старинными денщиками. С оружейниками с Русскими, с Прусскими, с

Шведскими и Немецкими, со Азиатскими и со многими людьми. И со всех сторон везли и несли мне новые песни, и я принимал за новые вести». Это свидетельство ценно еще и тем, что показывает широкое распространение музыкальной культуры среди людей низших социальных слоев, говорит об их стремлении сохранить традиции народной культуры, обогатить ее за счет использования элементов других национальных культур.

«Услугами» музыкальной артели Булыгина пользовались не только оружейники и мещане. Тульские дворяне дали Булыгину «отличность против всех тульских граждан», снабдив его «вольным билетом, чтоб входить в дворянские веселости без всякого задержания и безденежно». Артель неоднократно давала концерты для дворян. Булыгин упоминал среди своих друзей «приятеля-дворянина», который обратился к нему с просьбой продать ему скрипку, — факт сам по себе очень примечательный.

Артель Булыгина просуществовала около сорока лет и, по словам сочинителя, была распущена по просьбе самих артельщиков. Прекращение ее деятельности было обставлено торжественным образом. Прощание длилось несколько ночей: в первую ночь артель выступала перед оружейниками, во вторую — перед купечеством, в третью — перед дворянством. Последнее прощание происходило дома у Булыгина «в субботу под прощенный день и с великими чудесами и отличиями»: сначала выслушано было устрашающее чтение «страстей господних», а затем были торжественно уничтожены все гаерские наряды и музыкальные инструменты. Булыгин публично разбил свою скрипку и бросил ее в печь. Завершала «обряд» сцена взаимного прощения обид, прегрешений и долгов, с объятиями и поцелуями. На следующий день был устроен пир. Весь сочиненный Булыгиным «обряд празднования» роспуска артели преследовал своей целью навсегда отвлечь членов «гражданства» от «веселостей».

О. Э. Вольценбург, обнаруживший единственный сохранившийся экземпляр книги Булыгина, связывал роспуск артели с реформами, введенными Павлом I в 1797 г. и ограничившими некоторые сословные привилегии тульских оружейников. В частности, мастерам было предписано работать в казенных цеховых казармах. Вольценбург считал, что в новых суровых условиях существование артели стало невозможно¹⁵. Вероятно, он прав, однако закрытию артели сопутствовал еще ряд обстоятельств.

Разнообразная театральная и музыкальная деятельность в Туле была прекращена в связи со всеобщим трауром по случаю смерти Екатерины II. Все зрелищные мероприятия по указу Павла I было велено закрыть на десять месяцев. Однако тульский театр оказался закрытым более чем на двадцать лет. Невозобновление театральных представлений по окончании траура было связано с долгом театра городской казне в 1400 руб., возникшим во время торжественной встречи

в Туле Екатерины II в 1787 г. Но не только это было причиной. Театры, публичные концерты были источником распространения свободомыслия, а этого новый император допускать не хотел. Указы Павла I, сыпавшиеся на головы жителей Российской империи как из рога изобилия, касались всех сторон жизни: ужесточился цензурный контроль за литературой, печатью; запрещен был ввоз в страну книг, «так как чрез вывезенные из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданских законов и благонравия»; заодно была запрещена к ввозу «музыка», цензоры просматривали сочинения Моцарта, Гайдна; запрещено было танцевать вальс, дамам носить на платье разноцветные ленты через плечо, одеваться в синие блузы и белые юбки; предписывалась определенная форма прически гражданским лицам, военные должны были носить парики с косичкой, направленной в определенную сторону; указания касались даже часа, в котором полагалось садиться за обед! А на спектаклях в домашних театрах должен был присутствовать частный пристав¹⁶. Естественно, что и деятельность музыкального «гражданства» Булыгина, превыше всего ставившего «вольность» и не имевшего контроля сверху, не могла быть продолжена в этих условиях.

В начале XIX в. жителей Тульской губернии могли порадовать только редкие гастроли столичных и частных крепостных театров. Естественно, что они не удовлетворяли духовные потребности тульского общества, уже узнавшего вкус театральных вечеров. Возрождение театра произошло в 20-е гг. XIX в. и было связано с деятельностью кружка С. Д. Нечаева. Создание театров в провинции, как и организация школ для народа, были очень важны будущим декабристам как один из путей овладения общественным мнением. Это также соответствовало идеям самосовершенствования, распространенным среди масонов. Кстати, декабристские и масонские идеи не противоречили друг другу, многие декабристы, в том числе Нечаев и его единомышленники, были масонами¹⁷.

В 1818 г. Нечаев, губернский почтмейстер Бабаев и коллежский ассесор Виноградовым предложили губернатору проект учреждения театра в Туле, выразив желание принять на себя роль дирекции. По их проекту, дирекции театра предоставлялось право управлять театральным хозяйством, набирать актеров, составлять репертуар и издавать афиши и объявления. Для театра предполагалось использовать только что выстроенный и подходящий для этой цели дом купца Ливенцева, расположенный на площади в центре города близ гостиного двора. Губернское начальство, согласовав вопрос с министерством полиции, одобрило идею и предписало открыть театр¹⁸.

Неизвестно, состоялось ли открытие театра в 1818 г., но есть все основания предполагать, что кружок Нечаева был инициатором приглашения в Тулу в конце 1821 г. или в самом начале 1822 г. труппы одного из основоположников русского коммерческого театра И. Ф.

Штейна. Спектакли давались в доме Ливенцева и пользовались большим успехом у публики, особенно когда здесь в течение года, в 1822—1823 гг., выступал знаменитый актер М. С. Щепкин. Интерес местного общества к театральным представлениям был так велик, что тульское дворянство обязалось выплатить Щепкину часть жалования в размере 1000 руб.¹⁹ Для участия в концертах часто приглашались столичные музыканты. Так, 2 декабря 1826 г. в зале Дворянского собрания выступал известный в свое время скрипач Рачинский²⁰.

Поддерживать театр было непросто. Чаще всего роль содержателей театра принимали на себя люди не слишком знатные и обеспеченные — небогатые дворяне, чиновники, купцы, мещане. Так, в конце 1820-х гг. антрепренером театра был вольноотпущенный Федор Соколов, в 1830 г. его сменил отставной коллежский регистратор И. А. Турчанинов, в 1840-х гг. — отставной чиновник Азбукин, а после него — актер Смирнов. В 1851 г. антрепренером театра стал талантливый актер и руководитель калужского театра Н. И. Милославский, сумевший привлечь в качестве директоров состоятельного помещика Волховского, губернатора М. П. Дарагана, купцов Завальского и Федуркина. Однако разлад между директорами привел к их отказу от материальной помощи театру. Не смог спасти положение и театрал-любитель кн. П. А. Щербатов, которому губернатор Дараган, желая сохранить в городе театр, поручил управление им. Позже антрепренерами театра были актеры — в 1853—1854 гг. И. М. Никулин и в 1856—1859 гг. Александров²¹. Необычным событием было появление в 1859 г. театральной труппы антрепренера Чернышова, состоявшей исключительно из дворян, которые, вопреки сословным предрассудкам, посвятили себя развитию театральной культуры²².

Отсутствие материальной поддержки со стороны государства, недостаток собственных средств у большинства директоров тульского театра приводили к частой смене как театрального начальства, так и актерского состава, что не могло не отражаться на качестве постановок. Столичные театры переманивали лучших, талантливейших актеров тульской сцены, на которой начинали свою творческую деятельность известные актеры своего времени П. М. Садовский, И. М. Немчинов, К. Н. Полтавцев, П. Медведев и др. Выступления этих талантливых актеров положительно влияли на развитие местного театра, на формирование вкусов зрителей. Этому же способствовали гастроли известнейших столичных актеров П. С. Мочалова в 1842 г., Э. К. Шмитгоф в 1852 г., Л. П. Никулиной-Косицкой в 1853 г., И. И. Лаврова в 1849—1850, 1851 гг. и др.

По подбору репертуара тульский театр следовал лучшим традициям столичных театров. Здесь ставились пьесы А. А. Шаховского, В. А. Озерова, Я. Б. Княжнина, Д. И. Фонвизина, В. В. Капниста, Н. В. Гоголя, Н. А. Полевого, Д. Т. Ленского, А. В. Сухова-Кобылина, А. Ф. Писемского, Детуша, Коцебу, Шиллера, Скриба, Шекспира, Молье-

ра. Здесь в 1829—30-х гг. без разрешения властей шла обличительная пьеса Г. Ф. Квитка-Основьяненко «Дворянские выборы», запрещенная цензурой. В 1836 г. к представлению готовилась комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», но осуществить постановку из-за цензурного запрета удалось только в 1852 г. Редкостью для провинциальных театров была хорошего уровня балетная труппа, выступавшая в тульском театре в 1850 г.²³

Пожары 1834 г. не пощадили и театра — здание полностью сгорело. После этого старанием военного и гражданского губернатора Тулы Ельпидифора Антиоховича Зурова театр вновь был устроен на Киевской улице в доме князя Касаткина-Ростовского. Однако жителям было в те годы не до театра: они сильно пострадали от пожаров, в 1840—1841 гг. по всей стране был страшный неурожай и вследствие этого голод, поэтому «театр не мог быть занимателен». Как сообщалось в «Тульских губернских ведомостях», такое положение продолжалось несколько лет, но постепенно начало меняться. На бенефисе молодой актрисы театра девицы Малиновской 16 января 1842 г. были представлены две пьесы и дивертисмент, подобранные с большим вкусом. Однако «театр по обыкновению не был полон». Автор статьи в газете писал далее: «Удивительно, что здесь особенно купечество редко посещает театр, тогда как в Туле очень много таких купцов, для которых ничего не значило бы постоянно абонировать ложи и кресла, а между тем это составило бы значительную поддержку для театра, который чрез то мог бы улучшаться; ибо даже и теперь, при самых малых способах, он может доставлять удовольствие каждому, кто судит о нем беспристрастно, не сравнивая его с театрами столичными. В короткое время уже заметили мы большую перемену к лучшему с тех пор, как стал заведовать хозяйственной частью управляющий здешним откупом А. С. Протопопов; теперь уже в театре тепло, светло, неугарно; желательно, чтобы побольше собиралось зрителей». В тот же год в Туле был устроен благотворительный детский спектакль в пользу приюта для бедных²⁴.

Положение улучшилось в середине прошлого века. В 1853 г. в Туле было два театра: зимний на Киевской улице и летний в здании «вокзала» около кремля. Заезжий путешественник из Петербурга, Барбот де Марни, писал, что зимний театр «довольно обширен, имеет ложи и вообще все принадлежности, второй же слишком миниатюрен; оба они убраны очень порядочно, снабжены хорошенькими декорациями; оркестр при них не значительный, но, исполняя добросовестно пьески, может растревожить вашу душу и пробудить самые сладкие чувства. Труппа здесь постоянная, находится под покровительством любителей искусств и временами увеличивается вследствие приезда актеров из других провинциальных (например, одесского) и даже столичных театров». Далее Бармот де Марни описывал актеров театра, среди которых, по его мнению, было много талантливых. В эти го-

ды основу репертуара составляли легкие водевили — драмы и тем более трагедии давали редко. Зато каждое представление обязательно кончалось дивертисментом, «который состоит или из отдельных танцев, или же из целых пассажей, взятых из лучших балетов». Такое сочетание драматических пьес с балетными номерами было вполне традиционным для театральных вечеров прошлого столетия. Описание своих театральных впечатлений во время пребывания в Туле столичный гость заканчивал совсем приятным для чтения высказыванием: «Вообще должно сознаться, что я часто выходил из тульского театра, почти всегда наполненного битком, с чувством истинного удовольствия, что между провинциалами так быстро и сильно развивается вкус к изящному и что здешние актеры выбиваются из всех сил, чтобы только вознаградить лестное внимание публики; спасибо им...»²⁵.

Правда, не все современники разделяли такое лестное для театра мнение. Приехавший в Тулу в те годы молодой актер П. Медведев нашел театр совсем запущенным, грязным, с разбитыми стеклами²⁶. Видимо, моменты успеха перемежались в жизни театра с периодами неудач.

В отличие от театрального искусства музыкальное творчество туляков сохраняло свои традиции. Автор «Записок русского путешественника» А. Г. Глаголев на страницах, посвященных Туле в 1823 г., писал, что «достойны замечания здешние серенады, даваемые летом оружейными мастерами. Они собираются обыкновенно вечером на берегу Упы или на улице и поют хором духовные оды Ломоносова, старинные псалмы, кантаты и заключают свои собрания известным польским: «Александр и Елисавета»... Вообще, оружейные мастера имеют особенную склонность к пению и к поэзии, так что некоторые из них, не зная даже и грамоты, очень правильно рифмуют песни и кладут их на голоса. Любимый род песен сатирический...»²⁷. Этот отрывок явно перекликается с рассказами Абрама Булыгина и, в частности, с тем, что для своего жизнеописания он решил применить рифмованную прозу.

* * *

Существование театра в губернском городе подготавливало почву для создания театров в уездных городах.

К 1822 г. относится первая попытка организовать театр в уездном городе. Чернский помещик майор Сергей Афанасьевич Лаговчин, имея домашний театр в своем имении с. Маховое Чернской уезда, «во уважение желанию любителей благородных и прочих особ» решил открыть на собственные средства театр в Черни. Лаговчиным был представлен на рассмотрение властей предполагаемый репертуар из 16 опер, 9 драм и 45 комедий, поставленных, вероятно, в его домашнем театре. В репертуаре были популярнейшие пьесы того времени: сочинения Я. Б. Княжнина, А. О. Аблесимова, М. И. Веревкина, Н. П. Николаева, П. А. Плавильщикова, А. И. Клушина, А. Коцебу,

П. Бомарше, К. Гольдони, Кампистрона, Данкура и др. Однако подходящего помещения в Черни для театра не нашлось, и помещик просил разрешения построить новое театральное здание на свои средства. Последовала длительная переписка по инстанциям о дозволении строительства, о плане, месте постройки и т. п. С течением времени Лаговчин, видимо, потерял интерес к делу, и театр в Черни так и не был открыт²⁸. Прекрасная инициатива не была реализована, не встретив должной поддержки у властей.

В 1834 г. труппа тульского театра под руководством И. А. Турчанинова, лишившись в результате пожара театрального здания в Туле, начала давать представления в Белеве. В 1836 г. она пополнилась актерами из калужского театра, также пострадавшего от пожара. Тогда же Турчанинов заключил договор с местными властями о работе в Белеве театра еще на 5 лет. В 1840 г. представления в Белеве были продолжены под руководством директора театра Н. Ф. Соколова. В репертуаре театра были захватившие русскую сцену 1830—1840 гг. французские водевили в русской обработке П. Григорьева, Р. М. Зотова, Д. Т. Ленского, Ф. А. Кони, П. А. Каратыгина. Перенесенный на русскую почву французский водевиль подчас был лишен высокой художественности и социальной заостренности, однако, оставаясь развлекательным жанром, был близок и понятен разночинному зрителю и играл свою роль в удовлетворении его духовных потребностей. Наряду с водевилями на белевской сцене ставились пьесы ярко выраженной демократической направленности, такие как драма Ф. Ф. Иванова «Семейство Старичковых»²⁹.

В 1842 г. по инициативе дворян был открыт театр в Одоеве. Создателем театра провозглашалось его открытие «в пользу бедных города Одоева и его уезда». К представлению назначались водевиль Ф. А. Кони «Отец, каких мало», комедия П. Григорьева «Горе от тещи, или женись да оглядывайся» и пьеса Г. Ф. Квитка-Основьяненко «Приезжие из столицы, или Суматоха в уездном городе». Последняя пьеса по своему содержанию напоминала гоголевского «Ревизора», хотя и была написана раньше. Данных о деятельности театра не сохранилось³⁰.

Кроме театров публичных существовали и частные театры.

24 ноября 1779 г. в Богородицке дал первое представление первый в России детский театр, созданный А. Т. Болотовым. Будучи страстным театралом, Болотов возил на спектакли в Тулу и своих детей. Вскоре он заметил, что театральные представления оказывали огромное воспитательное, эмоциональное воздействие на детей, которые «при частых между собой свиданиях декламировали нередко друг перед другом кое-какие затверженные ими из трагедий и других театральных сочинений монологи и речи и друг друга тем утешали»³¹. Это подало Болотову повод к созданию театра. Для представления была выбрана пьеса М. М. Хераскова «Безбожник», премьера которой состоялась в большой комнате болотовского дома. На представлении,

прошедшее с большим успехом, были приглашены соседи-помещики с детьми.

Театр существовал два года и насчитывал в своем репертуаре около 20 пьес, причем некоторые из них были написаны Болотовым специально как пьесы для детей. Он вместе с детьми принимал активное участие в изготовлении костюмов и декораций. Интересно, что театр Болотова, в отличие от большинства помещичьих театров, не был крепостным. Роли в пьесах исполняли дети Болотова и его родственников, роли взрослых исполнял часто он сам. Представления давались в специально оборудованном для этих целей сарае, вмещавшем до 200 зрителей. На спектакли театра допускались не только дворяне, но и мещане и, видимо, даже крестьяне. Об одном из таких представлений Болотов писал в мемуарах: «...и собралось в театр наш одних благородных около пятидесяти особ, а с прочими зрителями всего человек более двухсот, и весь амфитеатр наш сделался наполненным зрителями, для которых всех зрелище сие было необыкновенное»³².

В 1781 г. для работы с детьми Болотовым был приглашен способный театральный педагог Кошелев. Однако театр, достигший своего расцвета, был закрыт в конце 1781 г. по приказанию непосредственного начальника Болотова по богородицкому имению кн. И. С. Гагарина, который считал, что дворянину не пристало быть «комедиантом и фигляр»³³. Позже детский театр существовал в доме В. А. Юшковой.

Во второй половине XVIII в. широкое распространение получили крепостные театры³⁴. В Тульской губернии в 1790-х гг. широкой известностью пользовался крепостной театр белевского помещика кн. В. И. Щербатова. Театр Щербатова неоднократно давал представления в Туле. В его репертуаре были пьесы В. А. Левшина и его переводы из К. Гольдони, В. Э. Дальберга, М. Ж. Седена, Марсолье де Вевитьера и др. В своих имениях с. Утешенье и с. Литвиново Белевского уезда Щербатов имел также значительную библиотеку и картинную галерею³⁵.

Сестра декабриста С. Н. Бегичева Елизавета Никитична, в замужестве Яблочкова, также держала в начале XIX в. в своем имении с. Плоское Ефремовского уезда крепостной театр, в котором разыгрывались пьесы ее собственного сочинения. Ее муж, П. М. Яблочков, небогатый помещик, не позволявший себе особой роскоши, но в то же время устраивавший для нищих бесплатные обеды, не жалел на театр, который составлял «слабость» его жены, довольно крупных сумм³⁶.

Как видим, провинциальные театры, зародившись лишь в конце XVIII в., постепенно умножались и крепились. Не всегда поддерживаемые властями и публикой, они тем не менее не прекращали своей работы и существенным образом влияли на атмосферу духовной жизни. Среди городских низов и крепостного крестьянства складывался определенный и довольно многочисленный круг людей не просто грамотных, но занятых в различных областях творческой деятельности.

ГЛАВА 6

Дворянская усадьба как культурный центр

Со стороны... умственного и нравственного развития, нельзя указать сколько-нибудь значительного различия между средой провинциальной и столичной.

Н. Чечулин

Указ Петра III «О вольности дворянства» существенным образом изменил жизнь русской провинции. До 1762 г. дворянские дети должны были непременно отправляться на государственную службу и редко кто возвращался потом в родную деревню. В провинции жили старики, женщины и дети. Новый указ разрешал дворянину выбирать род деятельности по своему усмотрению и делал службу необязательной. Многие дворяне воспользовались указом и вернулись в родные гнезда.

Большинство из них проходило службу в столицах или в армии, которая только что вернулась из походов в Пруссию. Во время Семилетней войны (1756—1762) русские дворяне познакомились с европейским образом жизни, иной культурой, бытовой в том числе. Служба в столицах тоже приобщала провинциальных дворян к более цивилизованной жизни. Вместе с платьем нового покроя, модными журналами, столичными прическами и манерами они везли в провинцию книги и знания. Жизнь в провинции оживилась. Привыкнув на службе к обществу себе подобных, дворяне стремились к общению. Одни выбирали общение за обильным столом или на охоте, другие — в тиши кабинета или во время музыкального вечера. Мы еще поговорим о разных способах проведения досуга, о бытовых подробностях жизни, здесь же речь идет лишь об одной из сторон усадебной культуры — о дворянских гнездах, которые становились настоящими культурными центрами русской провинции.

Складывание своеобразных культурных очагов, особенно в провинции, было характерной чертой конца XVIII — первой половины XIX вв. и являлось результатом оживления культурной жизни в стране в

целом¹. Такими культурными центрами в провинции становились дома и усадьбы, где хозяева были людьми образованными, собирали библиотеки, картинные галереи, устраивали литературные и музыкальные вечера, театральные представления, организовывали школы. Тульская губерния была местом расположения многих родовых усадеб, в которых выросли прославленные деятели культуры. Широко известны Ясная Поляна и Никольско-Вяземское Толстых, Богучарово и Слободка Хомякова, Долбино Киреевских-Елагиных, Богородицк и Бобрики Бобринских, родина Жуковского Мишенское, Даргомыжка Даргомыжского, Егнышевка Бобрищевых-Пушкиных, Высокое Нарышкиных и т. д.

* * *

Одним из ярких примеров процесса возникновения такого культурного центра связан с именем А. Т. Болотова. Вот первое впечатление Болотова от родительского дома в д. Дворяниново после его возвращения из Петербурга в 1762 г.: «Каково ни мило и ни любезно мне сие обиталище предков моих и мое собственное в малолетстве, но, возвратясь тогда в оное не только уже в совершенном разуме, но, так сказать, из большого света и насмотревшись многому большому, смотрел я на все иными уже глазами; и как сделал я уже привычку жить в домах светлых и хороших, то показался мне тогда дом мой и малым-то, и дурным, и тюрьма тюрьмою, как и в самом деле был он. А особливо тогда при вечере, с маленькими своими потускневшими окошками и от древности почти почерневшим потолком и стенами, — весьма, весьма не светел... Осматривался я в своих пустыню и гнилю пахнувших хоромов...» А вот как выглядела усадьба: «На другой день... я... пошел осматривать всю свою усадьбу и все знакомые себе места... Тут опять... не мог я надивиться тому, что все казалось мне сначала как-то слишком мало, бедно, мизерно и далеко не таково, каковым привык я воображать себе все с малолетства... Прежние мои пруды показались мне сущими лужицами, сады ничего не значащими и зарослыми всякою дичью, строение все обветшалым, слишком бедным, малым и похожим более на крестьянское, нежели на господское, и расположение всему самым глупым и безрассудным»².

В первую же весну Болотов принялся за переделку сада и дома. Первоначально он разбил сад в регулярном стиле, что соответствовало моде середины XVIII столетия, несколько лет спустя сад и парк вокруг дома были перепланированы в пейзажном стиле. Он также заново перестроил дом, поставив его на высоком склоне р. Скниги, делающей в этом месте крутой изгиб и создающей как бы полуостров, на котором и расположилась усадьба. Из окон дома открывался прекрасный вид на поля, луга и леса, расстилавшиеся до горизонта. По склону холма террасами спускался парк с дорожками, цветниками. В усадьбе был создан целый комплекс прудов, которые не только имели практическое назначение, но и служили ее украшению. Это была

усадебного нового типа, не только представлявшая собой хозяйственную единицу, но и превращенная в эстетически организованное пространство, не виданное до тех пор в провинции. В обыденную жизнь сознательно вносился элемент красоты!

В дом Болотова постоянно съезжались родственники, знакомые. Он развлекал их музыкой, разговорами о литературных новинках, прогулками по парку и саду, давал рекомендации по устройству усадебного хозяйства. В Дворянинове Болотов начал производить свои первые опыты по новому, научному способу ведения сельского хозяйства³. Позже свои теоретические размышления и практические успехи он изложил в журналах «Сельский житель» и «Экономический магазин», в которых много статей было посвящено вопросам обустройства усадеб различного типа, в зависимости от вкуса хозяина или его достатка. Практические советы Болотова оказали огромное влияние на формирование усадебной эстетики, новой усадебной культуры.

Переехав в 1776 г. в Богородицк Болотов продолжил свои сельскохозяйственные опыты, создал удивительный по красоте и необычности парк, много работал над научными и литературными произведениями. И всегда перед ним стояла одна задача — «быть полезным своему отечеству»⁴, улучшить жизнь своих соотечественников, распространить культуру на сферу обыденной жизни. Для этого он не жалел сил. Почти ежедневно к нему съезжались местные дворяне и чиновники, слушали музыку, устраивали чтение вслух, танцевали, гуляли по садам, любовались фонтанами, лабиринтами и другими парковыми сооружениями, построенными им⁵. В мемуарах он писал, что жизнь их сделалась «и в самой Туле славна и известна и приобрела нам всеобщую похвалу и одобрение»⁶. Частыми гостями «богородицкого управителя» были директор тульского народного училища М. В. Хомяков; его брат, помещик-библиофил И. В. Хомяков; губернатор М. В. Муромцев, обладатель библиотеки, собрания редких картин, прекрасного парка с прудами и строениями, зверинца; алексинский дворянин, «умнейший, любопытнейший и учнейший человек» А. А. Змеев; одоевский помещик, «человек молодой, умный, отчасти ученый», А. С. Жданов; близкий друг Болотова И. Г. Полонский, известный своим книжным собранием, образованностью; родственники Болотова, соседи-помещики, не выделявшиеся особым умом и начитанностью, но тянувшиеся к нему, принимавшие «соучастие в... литературных и ученых упражнениях»⁷.

Значительную роль в жизни Болотова и его окружения играла музыка. Об одном из вечеров он вспоминал: «Г[осподин] Левшин [Федор Алексеевич, брат В. А. Левшина] был превеликий мастер играть на бандуре и на балалайке, а Батищев затем и взят [в компанию], что очень хорошо играл на скрипиче, а Шахматов для пляски и подпевания. Они тотчас и составили свой концерт, который, в самом деле, был приятен для слуха и, можно сказать, что день сей был у нас прямо

весь музыкальный, ибо тотчас потом загремела наша духовая музыка во время обеденного стола, а после обеда оркестренная и вокальная, вместе и попеременно»⁸.

В 1787 г. по приглашению Болотова в волостное училище прибыл поляк-капельмейстер для обучения мальчиков духовой и смычковой музыки. Дело свое он «разумел довольно» и, накупив нужных инструментов, вскоре организовал из учеников училища и крепостных Болотова оркестр, который «увеселял» игрою всякий сбор гостей у богородицкого управителя. Приезд городничего князя Назарова в 1789 г. Болотов отметил «маленьким концертком»: «начало сделали мои валторнисты... потом играли мои флейтраверсисты дуэты и пленили тем князя, да и меня увеселили. После того играли на трех инструментах арии из опер, трио и дуэты, а наконец Роман [капельмейстер] с сыном моим на фортепианах»⁹.

Сохранился дневник сына Болотова Павла «Журнал, или Ежедневные записки препровожденного времени и всем приключениям, случившимся со мною в 1789 году»¹⁰, который дополняет мемуары Болотова интересными подробностями. Так, из дневника видно, что музыка звучала в богородицком доме ежедневно, играли «симфонии и концерты», но также любили исполнение и русских песен. Об одном из таких концертов Павел писал: «...составили мы маленький наипростейший концерт из русских песен. Я играл на скрипке, Роман мне вторил, сестры аккомпанировали пению, а батюшка в первый раз от роду одною [рукой] по наставлению Романа подыгрывал с нами на басу — пошла хоть простейшая и неискусная, однако приятная деревенская музыка...»¹¹. Среди гостей Болотова бывали не только дворяне, но и купцы, и их он также «увеселял музыкой»: «из вечерних хоров музыки с певчими лучше всего была вновь привезенная владычица души моей песня...», — записывал Павел в дневнике¹².

Дом Болотова был настоящим центром культуры. Умный, образованный хозяин, «охотник до книг» и ученых разговоров, огромная библиотека, учебный пансион, домашний оркестр, детский театр — все это делало дом Болотова средоточием духовной жизни местного дворянского общества.

* * *

Другим культурным центром был тульский дом родственников Жуковского Юшковых. Про Варвару Афанасьевну Юшкову (1768—1797) Жуковский, живший в этом доме в детстве, вспоминал впоследствии: «В ней было много поэтического... В ней таилось много неразвитых талантов. Это меня поражало тогда при всей моей необразованности. И теперь еще помню, как она умела рассказывать»¹³. В. А. Юшкова много читала, знала иностранные языки, любила музыку и хорошо играла на фортепиано. Ее муж Петр Николаевич (ум. 1805) служил сначала судьей Белевского уездного суда (в 1777 г.), а затем состоял на службе в Тульской казенной палате. Болотов писал о нем,

что «г[осподин] Юшков случился человек со сведениями и охотник до экономии и до всего любопытного и хорошего: почему и свели мы тотчас с ним знакомство»¹⁴. Юшков считался человеком образованным, состоял в переписке с Иоанном Каспаром Лафатером¹⁵, швейцарским писателем и философом, близким к немецкому антифеодальному литературному движению «Буря и натиск».

Дом Юшковых, по словам Болотова, был в 1790-е гг. «лучшим и наиприятнейшим во всей Туле»¹⁶. Здесь собиралось образованное общество, частыми и желанными гостями были Ф. Г. Покровский, обучавший дочерей Юшковых, и директор тульских училищ Ф. А. Левшин. Вероятно, бывал, вместе с братом и В. А. Левшин. Постоянно приходили родственники Юшковых Бунины, Вельяминовы, во время приездов в Тулу обязательно заходил А. Т. Болотов, часто вместе с сыном Павлом. В доме устраивались музыкальные вечера, литературные чтения, которыми руководил Ф. Г. Покровский. Особенно здесь любили сочинения Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. Об одном из вечеров 1794 г. Болотов вспоминал: «поехал я к г[осподину] Юшкову и застал у него концерт, какого никогда еще не случилось мне слышать. Тут провел я весь вечер и ужинал, и могу сказать, что весь сей день был один из приятнейших в моей жизни»¹⁷.

Два раза в месяц в доме Юшковых устраивались детские праздники, куда приглашались дети тульских дворян. При участии детей, занимавшихся в домашнем пансионе Юшковых, был устроен детский театр, где ставились первые сочинения В. А. Жуковского — драмы «Камилл, или Освобожденный Рим» и «Госпожа де ла Тур», тексты которых до нас не дошли. В. А. Юшкова не только занималась своим домашним театром, но и участвовала в управлении тульским театром, основанным в 1777 г.¹⁸

Смерть В. А. Юшковой в возрасте 28 лет от чахотки прервала существование этого тульского культурного центра. П. Н. Юшков после смерти жены переехал с 4 дочерьми к теще, М. Г. Буниной. «Марья Петровна, — писала в воспоминаниях А. П. Зонтаг, ее внучка, — была для своего времени женщина редкой образованности, потому что читала все, что было напечатано на русском языке, но другого языка никакого она не знала. Она была необыкновенна умна, а подобной доброты, кротости, терпения мне не удалось встречать ни в ком другом»¹⁹. Большую часть года семья жила в Мишенском. По соседству, вокруг старинного русского города Белева располагались имения родных и друзей.

* * *

Белев и его окрестности были в начале XIX в. важным культурным очагом Тульской губернии, куда съезжались образованные люди со всей губернии, приезжали гости и из Москвы. Здесь находились имения писателя В. А. Левшина — Темрянь, Буниных — Мишенское, Юшковых — Игнатьево, Киреевских — Долбино, сводной сест-

ры В. А. Жуковского Е. А. Протасовой — Муратово (Орловской губ.), декабриста А. И. Черкасова — Володьково, историка К. Д. Кавелина — Иваново, писателя и композитора А. А. Плещеева — Чернь (Орловской губ.). Центром притяжения было Долбино.

Владельцы имения в с. Долбино были замечательными людьми своего времени. Потомок старинного дворянского рода Василий Иванович Киреевский (ум. 1812) был прекрасно образованным человеком, знал пять языков, много читал, издал несколько своих переводов, пытался писать сам. Интересы его были разносторонни, он с увлечением занимался медициной и химией, которую называл «божественной наукой». Будучи поклонником английских свободных гражданских порядков, в то же время ненавидел французских просветителей, скупал в московских лавках сочинения Вольтера, чтобы сжечь их. Человек религиозный, строгих правил, Киреевский и порядок в имении поддерживал на патриархальный лад. Уклад жизни его семьи был очень близок к жизни народной, элементы народного быта, творчества глубоко вплетались в повседневную жизнь дворянской семьи. В имении постоянно звучали народные песни, которые распевали многочисленные дворовые девушки-кружевницы, швеи, вышивальщицы. В праздники дворовые водили хороводы, собирались на лугу или в роще завивать венки, «крестить кукушек». Можно предположить, что все это оказало немалое влияние на сыновей хозяина, один из которых сделал впоследствии сбор русского фольклора главным делом своей жизни. Отношение к крепостным в имении было значительно гуманнее, нежели в других дворянских вотчинах. Здесь крестьяне никогда не подвергались телесным наказаниям. В записной книжке В. И. Киреевского были обнаружены две интересные записи, в которых он упрекал себя за несправедливое отношение к крестьянам: в первом случае к дворовому, которого «разбил», во втором — к крестьянину, которому запретил ехать лугом²⁰. Среди домашней прислуги было много грамотных.

Во время Отечественной войны 1812 г. В. И. Киреевский переехал в Орел, где взялся за наведение порядка в госпитале, находившемся в крайне тяжелом положении. Не хватало средств, оборудования, инфекционные больные не были изолированы. Киреевский взял на себя заботы по материальному снабжению госпиталя, наладил лечение. В госпитале вместе с русскими солдатами находились и пленные французы, и он приложил много энергии к обращению «безбожных якобинцев на христианский путь». В результате деятельности по устройству госпиталя Киреевский заразился тифом и умер²¹.

Жена В. И. Киреевского, урожденная Авдотья Петровна Юшкова (1789—1877), дочь Варвары Афанасьевны и Петра Николаевича Юшковых, получила прекрасное образование, имела основательные познания как в русской, так и в западной литературе, владела иностранными языками, неплохо рисовала, очень любила музыку, народ-

ное пение. Живя с пятилетнего возраста у своей бабушки М. Г. Буниной в Мишенском, Авдотья Петровна близко сошлась с В. А. Жуковским, стала его другом на всю жизнь. Гостем Мишенского бывал в те годы М. Н. Карамзин, приходившийся родственником М. Г. Буниной. В зимнее время семья иногда жила в Москве и там находилась в постоянном дружеском общении с семьей будущих декабристов Тургеневых. Литературная и эстетическая направленность в воспитании, близкое общение с выдающимися людьми развили природные дарования А. П. Киреевской и сделали ее замечательной женщиной своего времени²².

Выйдя в 16-летнем возрасте замуж за В. И. Киреевского, Авдотья Петровна сумела привлечь к своему дому лучших представителей дворянской интеллигенции. Семья Киреевских поддерживала тесную связь с Мишенским, Белевом, где в 1805—1806 и 1810 гг. жил Жуковский. Поэт подолгу жил в Долбино. После смерти мужа в 1812 г. А. П. Киреевская с маленькими детьми возвратилась в Мишенское на несколько лет. С неустанным вниманием здесь всегда следили за творчеством Жуковского. О тесном общении с жившими по соседству дворянами говорят письма А. П. Киреевской к Жуковскому, относящиеся, по-видимому, к периоду 1813—1814 гг. Она писала: «...мы живем по-прежнему в четырех стенах: ездим из Мишенского в Долбино, из Долбина в Мишенское, из Мишенского в Игнатьево, из Игнатьева в Мишенское, из Долбина в Володьково, из Володькова в Долбино, из Долбина в Чернь, из Черни домой и прочие подобные неистовства, что мы точно так же носимся на тех же ногах, на которых и при вас носились...»²³. Общение с высокообразованными дворянскими семьями будущего декабриста А. И. Черкасова, писателя и композитора, отца декабристов Алексея и Александра Плещеевых А. А. Плещеева, а также с самим В. А. Жуковским поддерживали атмосферу напряженной умственной жизни.

Литературные и общественные связи семьи Киреевских значительно расширились с появлением в ней в 1817 г. Алексея Андреевича Елагина (ум. 1846), ставшего вторым мужем А. П. Киреевской. Участник войны 1812 г., А. А. Елагин был высокообразованным человеком, поклонником немецкой философии, в особенности Канта и Шеллинга. В семье Киреевских-Елагиных увлекались идеями немецкого романтизма, философией и политэкономией. Елагин был известен как переводчик «Писем о воспитании» Шеллинга. Близким другом семьи стал декабрист Г. С. Батеньков. Долбинская библиотека пополнилась сочинениями французских просветителей, запрещенными изданиями, которые Елагин получал тайными путями. Свободолюбивые идеи были предметом постоянных обсуждений. Частыми гостями были многочисленные родственники и знакомые Киреевских-Елагиных: тульские дворяне Протасовы, Воейковы, Вельяминовы и др.

В 1822 г. семья Киреевских-Елагиных переехала на постоянное жительство в Москву, возвращаясь в Долбино на летнее время. Незаурядная личность А. П. Елагиной, широкие общественные и литературные связи обусловили превращение дома этой семьи в культурный центр и в условиях богатой духовной жизни Москвы. В доме Елагиных у Красных ворот возник литературный салон²⁴. Декабризм оказал решающее воздействие на идейный климат этого салона, который называли «привольной республикой у Красных ворот». «Салон Авдотьи Петровны Елагиной, — вспоминал К. Д. Кавелин, сосед по белевскому имению, — был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно образованного»²⁵. В салоне Елагиной бывали Пушкин, Мицкевич, Чаадаев, Языков, Герцен, Огарев, Жуковский, Хомяков, Гоголь и многие другие общественные деятели, ученые, писатели. Здесь не только обсуждались литературные и театральные новинки, но и шли ожесточенные политические дискуссии.

Такая высокоинтеллектуальная, свободолобивая атмосфера благотворно действовала на развитие детей Киреевских-Елагиных: собирателя фольклора П. В. Киреевского; философа, публициста, одного из основателей славянофильства И. В. Киреевского; историка Василия Алексеевича Елагина (1818—1879); издателя древних документов Николая Алексеевича Елагина (1822—1876). В эту атмосферу вовлекались приезжавшие в Москву тульские родственники и знакомые. Передовые идеи приносились в тульскую дворянскую среду во время летних выездов Киреевских-Елагиных в родовые имения. В 1850-е гг. А. П. Елагина с сыном Николаем переселилась из Москвы в свое имение в с. Петрищево Белевского уезда, где в 1856—1857 гг. вместе с ней жил вернувшийся из ссылки Г. С. Батеньков. Отсюда Батеньков поддерживал связь с декабристами М. И. Муравьевым-Апостолом, В. И. Штейнгелем, Е. П. Оболенским, И. И. Пущиным, которые бывали в Петрищеве²⁶.

* * *

Имения тульских дворян, связанных с движением декабристов, часто становилось в губернии центрами распространения передовых идей. Такую роль играли имения С. Н. Бегичева в селах Екатерининское Епифанского уезда и Дмитровское Ефремовского уезда, М. М. Нарышкина в с. Высокое Тульского уезда, усадьба гр. В. А. Бобринского Бобрики и др. На территории Тульской губернии находились также имения декабристов Н. С. и П. С. Бобрищевых-Пушкиных, И. В. Киреева, Н. А. Чижова, Н. А. и А. А. Крюковых, В. Н. Соловьева, И. Б. Аврамова, Д. А. Арцыбашева, Б. А. и М. А. Бодиско, В. М. Голицына, В. Н. Лихарева, И. Н. Горстклина, А. И. Черкасова²⁷. Многие из них провели здесь детские и юношеские годы, вернулись сюда после ссылки.

Степан Никитич Бегичев (1785—1859), выходец из старинного тульского дворянского рода, был участником заграничных походов

1813—1814 гг, в годы военной службы (1813—1823) общался с будущими декабристами. В 1817 г. он вступил в одну из ранних декабристских организаций — Союз Спасения или Военное общество, а в 1818 г. — в Союз Благоденствия. Принимал его Н. Муравьев. С. Н. Бегичев не был активным членом общества, а в 1821 г. даже вышел из Союза Благоденствия. Однако известно, что он продолжал поддерживать тесную связь с декабристами, был хорошо осведомлен о делах декабристского общества. В восстании на Сенатской площади он не участвовал и из-за недостаточного числа улик к следствию по делу декабристов не привлекался²⁸.

Близкая дружба связывала Бегичева с А. С. Грибоедовым. В мае 1823 г. Бегичев оставил военную службу и поселился в своем имении в с. Екатерининское. Частым его гостем был Грибоедов, приезжавший также и в Дмитровское, где летом 1823 г. им были написаны III и IV действия комедии «Горе от ума». Е. И. Раевская, соседка Бегичева по епифанскому имению, писала в воспоминаниях, что Бегичев жил в деревне по-старинному, богатым помещиком-хлебосолом²⁹. В дом к нему съезжались многочисленные родственники и знакомые, особенно в летнее время. Здесь часто бывал его брат Д. Н. Бегичев, известный в свое время писатель. Родственниками Бегичева были декабристы А. А. Муханов, А. Л. Кологривов, И. Ю. Поливанов, участники Отечественной войны 1812 г. А. А. Челищев и Ф. Ф. Гагарин, первый из которых был также членом Союза Благоденствия, а второй — членом Военного общества с 1817 г. В домашнем театре, расположенном в садовой беседке в Екатерининском, ставили отрывки из пьес Грибоедова и пьесы Мольера на французском языке. В имении была хорошая библиотека.

В 1844 г., после ссылки и службы на Кавказе, в селе Высоком Тульского уезда поселился Михаил Михайлович Нарышкин (1789—1863) вместе со своей женой Елизаветой Петровной Нарышкиной (1801—1867). Участник Отечественной войны 1812 г., Нарышкин был одним из организаторов Северного общества, создателем Московской управы Северного общества. После амнистии 1856 г. в Высокое приезжали декабристы Пущин, Оболенский, Лорер, Розен, Якушкин, Свистунов, Сутгоф, Киреев, П. С. Бобрищев-Пушкин. В доме Нарышкиных продолжали, видимо, звучать свободололюбивые речи, ибо вряд ли могли сильно измениться убеждения декабриста и его жены, про которую полицейский агент в Чите доносил, что с княгиней Волконской она была самой «непримиримой и всегда готовой разрывать на части правительство... нет брани злее той, которую они извергают на правительство и его слуг»³⁰.

Тульское имение Нарышкиных, так же как и их дом в Москве до восстания 14 декабря и дом в Кургане во время ссылки, стало в 1850-х гг. местным культурным центром. Кроме декабристов здесь собирались представители тульской интеллигенции. Об одном из таких

сборов вспоминала дочь декабриста А. А. Тучкова: «Мы с сестрой в детстве и молодости встречались с уцелевшими и возвратившимися декабристами. Однажды, ехавши в Москву, мы всей семьей заехали к одному возвращенному из ссылки полковнику Нарышкину. Его имение Высокое находилось в шести верстах от Тулы, там собралось несколько возвращенных по случаю празднования дня рождения хозяина дома. Его добрая, милая жена радостно принимала друзей мужа... Много наехало гостей из города, много простого народа толпилось в парке, хозяин добродушно посылал всем угощение. Поздно вечером, когда все утихло, он сел к роялю и играл, а жена его пела, большею частью французские романсы, сочиненные в далеком изгнании. Мы прожили три чудные дня в Высоком. Эти дни навсегда остались в нашей памяти»³¹. В своем имении Нарышкины открыли и содержали на свои средства школу для крестьянских детей.

Василий Алексеевич Бобринский (1804—1874), член Южного общества декабристов, во время восстания находился за границей, где предполагал на свои средства организовать тайную типографию. После возвращения жил в Бобрниках Епифанского уезда под полицейским надзором. Был попечителем тульской гимназии, содействовал развитию народного образования в Тульской губернии. В его имении была значительная библиотека. О нем мы не раз говорили в главе об образовании.

С 1826 г. около 10 лет провел в ссылке в д. Локна (Михайловское) Крапивенского уезда член Союза Благоденствия, полковник Андрей Григорьевич Непенин (1787—1845). После заключения в Петропавловской крепости «за участие в обществах злоумышленников» он был сослан в имение брата жены В. Ф. Чаадаева. По доношению чернского земского суда «О состоящих под надзором» за 1829 г., занятия Непенина в д. Локня состояли в «чтении книг»³².

* * *

Не следует идеализировать усадебную культуру в целом. Нередко домашние театры и крепостные оркестры служили лишь развлечению помещика-самодура, никак не «облагораживая» его быт и не поднимая культуру окружавших его людей. Однако те усадьбы, где жили хорошо образованные люди передовых взглядов, несли провинциальному обществу идеи Просвещения, показывали образцы культурного быта и духовности.

К середине XIX в. усадебная культура как своеобразный феномен русской провинциальной жизни стала постепенно умирать. Уходили в прошлое литературные и музыкальные вечера в вишневых садах, и не за горами уже было время Лопахиных. К концу XIX в. этот процесс почти завершился, и аромат тенистых усадебных парков с беседками над прудами и мечтательными дамами с книгами в руках продолжал жить лишь в ностальгических полотнах В. Э. Борисова-Мусатова, К. А. Сомова и на страницах А. П. Чехова и И. А. Бунина.

ГЛАВА 7

Быт жителей Тульской губернии

...характер, нравы, религиозные и частные для жизни обычаи и самое наречие жителей носят отпечаток отсталости и сохраняют в себе ненарушимую патриархальность, много языческого, дикого, оставшегося в том неизменном порядке, как было все это усвоено в древности нашими предками.

И. Краснопевцев
«Очерки города Одоева»

...а перенимать у иностранцев и подражать им, в чем бы то ни было, не почитается ли у нас обязанностью каждого благовоспитанного человека?..

А. Г. Глаголев
«Записки русского путешественника»

...общество пляшет, дворянство играет в карты, чиновник крадет, поп меняет каноны на гривенники...

А. С. Хомяков. Письмо Ю. Ф. Самарину

Путешественники, побывавшие в Тульской губернии в конце XVIII или первой половине XIX вв., по-разному описывали внешность и нравы ее жителей, часто обобщая какие-то единичные факты, курьезные случаи, давая слишком общие характеристики всем представителям какого-нибудь класса, например, дворянам или крестьянам. Но их свидетельства для нас крайне любопытны и при известном к ним критическом отношении необыкновенно ценны. Этот взгляд на современников из той далекой и не очень уже понятной эпохи помогает нам, как из мозаики, сложить картину прошедшей жизни, что-то понять в нас сегодняшних.

Итак, какими же увидели странствующие бытописатели жителей Тульской губернии?

Писатель, археолог, член Общества истории и древностей российских и других ученых обществ, уроженец Ефремовского уезда Тульской губернии Андрей Гаврилович Глаголев, проезжая через тульские земли из Москвы в Европу в 1823 г., так писал о здешних красавицах: «Размалеванное белилами лицо и черные зубы почитаются здесь красотой нежного пола. В особенное уважение принимается тучность тела; и чтобы скрыть недостатки свои в этом отношении, Тульские женщины обыкновенно нанизывают на себя от полдюжины до дюжины исподних юбок. Бархатная или штофная малинового цве-

та коротенькая епанечка, вся в сборках и без рукавов, есть общее их верхнее одеяние: А наряды мужчин состоят в гродетуровом распашном халате, в ситцевой рубашке, в голубых китайчатых шароварах и в пуховой или шелковой шляпе, которая надевается всегда набекрень. Бороды обриты и волосы у всех обстрижены в скобку; а некоторые из шеголей белятся и румянятся, подобно женщинам».

По меньшей мере странно читать такое описание тульских жителей, так и кажется, что речь идет о каких-нибудь аборигенах вновь открытых заморских стран, а не о земляках писателя. Далее А. Г. Глаголев описывает манеру туляков разговаривать, и вновь создается впечатление, что это описывается иноязычный народ: «Нет ничего неприятнее, как слышать разговаривающих между собою здешних женщин. Одни слова они повышают и тянут, другие понижают и скрадывают, и притом не разводя зуб и закрывая верхнюю губу нижней почти при каждом слове. За званым столом они сидят, как куклы; и все движение их состоит в том, чтоб подергивать накрахмаленные и распущенные рукава рубашки. Если просватают здесь девушку, то подруги ее ходят ночью по улицам хороводом, бьют в медный таз и с самым неприятным визгом поют свадебную песню: «ты заря ли моя зорюшка». Нравы Тульских граждан вообще похожи более на иностранных, нежели на русские. Гостеприимство, столь свято почитаемое в Москве и во всей России, по-видимому, не пользуется равным уважением в Туле. Ворота с утра до вечера и с вечера до утра почти везде заперты. Чтобы войти в дом, надобно позвенеть в колокольчик; а по звону колокольчика старая служанка, высунувшись в калитку, пробормочет суровым голосом, что хозяин ее спит или нет его дома. Слушая всегда и везде один и тот же ответ, невольно подумаешь, что вся Тула спит непробудным сном или нет ее дома. Впрочем, причину такого обращения надобно полагать не чуждение общечития и людскости, а одну только хозяйственную расчетливость; оттого что Тульские граждане почитают большим неприличием отпустить принятого гостя, не удовольствовав его напитками, и в особенности чаем, который подают здесь во всякое время дня и ночи»¹.

Хоть что-то положительное находит автор у своих земляков!

Судя по этому отрывку, Глаголев не ставил себе задачу дать полную и объективную картину жизни туляков. Как и положено путешественнику, ведущему путевой дневник, он подметил нечто особенное, бросающееся в глаза в облике и манерах тульских обывателей, по всей видимости, мещан. Но стиль жизни, привычки, традиции, конечно же, сильно различались у представителей разных сословий, да и внутри сословий тоже варьировались в силу различного уровня образованности, культуры людей.

Много бытовых подробностей из жизни провинциального дворянства мы находим в воспоминаниях А. Т. Болотова. Сам он вел очень размеренный образ жизни, что помогло ему столь многое в жизни ус-

петь: вставал рано, зимой в половине шестого, летом в половине четвертого, утренние часы посвящал кабинетным занятиям, затем чередовал работы в поле, в саду и в огороде с общением с друзьями, играми, развлечениями, литературными упражнениями. Дом всегда наполняли гости, это порой мешало научным и сельскохозяйственным занятиям хозяина, но тем не менее Болотов с удовольствием описывал свое совместное с ними времяпрепровождение.

«Вскоре за сим наступил у нас месяц ноябрь, и с ним глубокая и скучная осень, — писал Болотов о своей жизни в Богородицке в 1778 г., — но мы провели ее отменно весело. У нас основались около сего времени толь частые по вечерам собрания и между собою даже по очереди то у того, то у другого съезды и вечеринки, что я не помню, когда бы мы еще так весело проводжали свое время, как тогда. По окончании наших дневных дел, едва только настаивал вечер, как и спешили все из нас собираться к тому на квартиру, у кого в тот вечер, по условию, сделанному накануне того дня, назначено было быть вечеринке. Тут вместе с нами являлись обыкновенно и все наши пансионные дети, и оба наших музыканта, учитель с своею скрипкою, а Вилиамс с своими гусями, и тотчас начиналась потеха: кто садился играть в ломбер, кто в реверсис, кто в иные карточные не убыточные, а с смехами и веселыми восклицаниями сопряженные забавные игры. Музыка наша принималась между тем за свои инструменты, а дети за свои прыганья и танцы. Когда же то им прискучивало, то заводились игры в фанты, чем не только они, но и все мы, сотовариществуя им, занимались, и громогласные смехи, шутки, издевки и дружеское единодушие и простое обхождение всех между собою приправляло все сие отменною приятностию и чувствами удовольствия истинного. Часто собрания сии бывали так многочисленны, что не доставало почти места к помещению гостей всех. Происходило сие от того, что ко всем нам нередко приезжали в город собственные каждой фамилии друзья, родные и приятели, и иногда у них ночующие, а иногда по нескольку дней гостившие...

Словом, жизнь наша тогда была прямо славная и преисполненная удовольствиями непрерывными; а что всего было лучше, то никому вечеринки сии не обращали ни в дальний убыток, ни в отягощение, ибо как при всех сих собраниях не было никакого питья и бражничанья, и даже самых ужинов, кроме таких случаев, когда кому случалось праздновать либо день рождения или именины кого-нибудь из своего семейства, или так кому самопроизвольно желалось угостить всех ужином, то и нужно было только освещение комнат свечами, да угощение всех чашкою чая. Одним словом, жизнь и согласие наше было таково, что скоро сделалось оно повсюду славно...»².

Иначе проводили свободное время другие соседи Болотова. Рядом с Дворяниновом проживали две княжеских семьи: П. И. Горчакова и Ф. Ф. Волконского. Об их времяпрепровождении Болотов писал так:

«Оба они были люди праздные, не имеющие никаких занятий, но скучающие всегда временем и желавшие проводить его в непрерывных съездах, свиданиях и компаниях и восхотевшие даже того, чтоб нам видеться ежедневно... Мне же сего ни достаток мой, ни склонности, ни прочие обстоятельства никак не позволяли; то и отклонил я от себя такое предложение и оставил их одних переезжаться друг с другом и время свое проводить в сотовариществе с рюмками и бутылками и гаркающими людьми. А сам довольствовался свиданиями с ними изредка, а прочее время хотел лучше делить со своими книгами и другими... соседями»³. Как видим, и в XVIII в. «вечеринки» бывали разными: дворянин имел возможность выбора между традиционным русским разгулом и высокодуховным общением.

Весной к домашним развлечениям нередко добавлялись прогулки по садам и рошам. Вспоминая о весне 1780 г., Болотов писал, что, выезжая вместе с родственниками и друзьями в лес, они «составляли некоторый род сельских вокзалов, привозя с собой туда и чайные приборы и всякие съестные вещи для полдничанья»⁴. В XVIII и даже XIX вв. вокзалами называли места общественных увеселений, иногда на открытом воздухе, но чаще в закрытых помещениях.

Среди близких Болотову людей был соседний помещик Иван Григорьевич Полонский, отставной полковник, человек «многими знаниями одаренный... охотник до книг и до чтения». «Дом его и образ жизни почитался тогда наилучшим и знаменитейшим во всем нашем околотке», — писал Болотов. Друзья проводили много времени вместе, они обсуждали литературные новинки, обменивались книгами, оба были любителями садов и парков.

Историк, этнограф и писатель И. П. Сахаров, описывая Алексинский уезд в 1846 г., дал характеристику этакого усредненного образа жизни тульских дворян-помещиков: «Помещики, кроме служащих, коим занятия предписываются законом, живущие в уезде, ведут образ жизни довольно простой и однообразный. Мужчины весной и летом занимаются присмотром за хозяйством и в это время встают рано; некоторые охотятся в дозволенное время, преимущественно осенью, с ружьями и собаками; вечером, выписывая периодические издания, занимаются чтением книг. Иногда посещают друг друга вместе с семейством своим или запросто, или в день именин или праздники, и здесь по общепринятому общежитию молодые люди обоего пола танцуют, а постарше мужчины перекидывают в карточки, преимущественно в преферанс, господствующую ныне игру. Хозяйки дома, т. е. дамы, смотрят за домашним хозяйством, заботятся и следят за воспитанием детей своих при помощи гувернанток и некоторые сами посвящают время к образованию их, читают также книги и преимущественно занимаются рукоделиями для своих нарядов или домашних украшений»⁵.

Действительно, к середине прошлого века большинство дворян

получили образование, почувствовали тягу к чтению, заполняли им свой досуг. Однако эта идиллическая картина порой составляла лишь одну сторону жизни, другая выглядела куда более неприглядно. Среди дворян и в это время оставалось немало скотининых и простаковых. Генерал Н. Б. Броневский, брат известных в свое время писателей, белевских помещиков В. Б. и С. Б. Броневских, вспоминая детские годы, проведенные в Белеве в конце XVIII — начале XIX вв., абсолютно спокойно и даже сочувственно описывал экзекуции, которые проводил его отец над детьми за малейшую провинность. Как писал автор предисловия к воспоминаниям Броневского Р. Выдрин, эта педагогическая система пригодилась генералу в то время, когда он превратился в полновластного начальника экзекуционного отряда, направленного в 1819 г. против взбунтовавшихся воронежских крестьян⁶.

В 1823 г. в Тульское губернское правление поступила жалоба на П. М. Арсеньева. Дворовые люди В. Васильев, Т. Кузьмин, И. Петров, И. Алафьев и 13-летний мальчик Иван Васильев жаловались на своего помещика самому государю. Какие же крайние обстоятельства заставили крестьян искать столь сильного заступничества? Вот что открывалось из их показаний: помещик взял к себе в дом «от живого мужа крестьянскую женку» Ирину Козьмину. Через некоторое время за какую-то провинность Арсеньев повелел своим дворовым людям сильно высечь молодую женщину. После побоев крестьянка не могла стоять на ногах, ее на руках отнесли в людскую, где оставили без питья и еды. На следующий день помещик заставил измученную женщину засыпать колодец во дворе своего тульского дома, сам избивал ее кучерским кнутом, пока она не упала в колодец и не утонула. Это видел сосед-оружейник, который послал жену донести о случившемся тульскому гражданскому губернатору. Ночью крестьянка была вынута из колодца и по приказу властей освидетельствована врачами. Арсеньев, беспрепятственно уехав из дома на месяц, запретил своим дворовым выходить со двора, повелел ничего не давать им, кроме хлеба два раза в сутки. Этого жестокому помещику показалось мало, он решил расправиться со всеми свидетелями преступления: Васильева отдал на десять месяцев тульскому лекарю, отлучив от жены, трех малолетних детей и 70-летнего старика-отца, доведя всех до крайней нищеты; Кузьмина, Петрова и Артемьева бил руками, розгами и кнутом, затем, как преступников, отдал в работный дом, где они также дошли до крайней бедности; Алафьева отдал в солдаты. Затем все семьи отправил на поселение в Сибирь. Самое ужасное в этой истории то, что помещик, по-видимому, никак не пострадал: дело было передано в уездный суд, но окончания не имело⁷. Такие случаи, к сожалению, не были единичными.

В популярной пьесе известного драматурга XVIII в. М. И. Попова «Анюта» были такие строки:

Боярская забота:
Пить, есть, гулять и спать,—
И вся их в том работа,
Штоб деньги обирать.
Мужик сушись, крушиса,
Потей и работай,
А после хош взбесиса,
А денежки давай.

А. Т. Болотов, один из самых образованных людей XVIII в., очень гуманно относившийся к крепостным, осуждавший жестокое обращение с крестьянами, наказывавший их только в случаях прямой вины: кражи, обмана, пьянства или проявления других пороков, — считал безусловно нормальными обладание крестьянами, их полную зависимость от воли помещика. Он с гордостью писал: «Без малого 600 человек обоего пола равных мне тварей состояло в моих повелениях: все они на меня работали, и трудом своим и потом меня кормить, поить, одевать, обогревать, успокаивать и тысячу увеселений мне приносить старались»⁸. Это было XVIII столетие! Это было нормой.

Даже в середине следующего столетия, накануне отмены крепостного права, действия венецкого помещика князя В. А. Черкасского, уменьшившего при освобождении крестьян размер выкупа по сравнению с общепринятым, вызвали бурю негодования среди дворян-помещиков не только соседних деревень, но даже других губерний⁹.

Г. Мясоедов, автор «Хозяйственно-статистического обзора южной части Тульской губернии», писал, что «общих черт помещиков отыскать трудно, потому что они неодинакового образования и происхождения; нельзя не заметить однако почти общей беспечности о будущем и непрерывных забот о настоящем: всегда охотно выслушивают и не спешно принимаются за дела общественные, хотя бы от того и погибало их благосостояние. Относительно образованности есть много таких, которые идут наравне с веком; но есть и очень много таких, которые и не подозревают, что век от них может что-либо требовать и что нужно хоть несколько более знать того, что знают в их приходе»¹⁰.

И все же быт дворянства в целом к середине XIX столетия становился несравненно культурнее. Обычными для многих дворянских семей стали вечера, заполненные чтением и духовным общением. Князь И. М. Долгорукий, посетивший в 1810 г. тетку своей жены М. Г. Бунину (жену отца В. А. Жуковского) в ее имении в двух верстах от Белева, писал: «Ей было лет 80 с лишком... с ней делят время две внуки ея, девицы Юшковы, воспитанные с большим тщанием, знающие иностранные языки, умеющие рисовать и заниматься музыкою. Словесность им приятна: они читают все, что выходит нового. Я тут нашел изрядное собрание книг, и мы целые сутки с ними провели преприятно, забывая, что мы в деревне... Как убить осенний вечер?... Право, я не видал, как он у них прошел. Поминутно читали разные

стихи, рассуждали об них по-своему и кто как умел, критиковали или пленялись»¹¹. То, что описал мемуарист, не удивительно — ведь это были дочери В. А. Юшковой: одна из них, Авдотья Петровна, — будущая мать писателей-славянофилов Киреевских, хозяйка знаменитого московского салона, а другая, Анна Петровна, — будущая писательница Зонтаг.

Во многих дворянских семьях детям давали прекрасное домашнее образование. Так, братья Киреевские знали семь иностранных языков. Сохранился дневник их младшей сестры Маши, относящийся к 1820-м гг., с учебным заданием на три месяца. Объем задания для 15-летней девочки просто поражает: «*Франц.*: Перевести Сократа, грамматику и прочесть Трагедию Вольтера. *Немец.*: Грамматика, прочесть 1 том истории Нидерландов, перевести Ундину. *Англ.*: Прочесть Лалла Рук. *Русск.*: перевести Фенелона Educ. des Filles, выучить 100 стр. стихов, всякий день по 3 страницы. Прочесть 5 томов Карамзина хорошаенько и 4 тома Сисмонди. Кроме других пьес, выучить концерт Риса наизусть. *Франц.* 1 раз в неделю в понедельник по 6 стр. пер[еводить] от 11 до 1 [часа]. *Немецк.* 3 раза в неделю, вторник, четверг, суббота. Каждый раз 10 стр. перевести и 25 прочесть, утро до 1 [часа]. *Англ.* 1 раз в понедельник вечером. *Русск.* 2 раза в неделю: среда, пятница по 15 стр. за раз; каждый раз по 9 стр. стихов. 3 раза в неделю читать Карамзина от 5 до 7 после обеда. 2 раза в неделю Сисмонди от 9 до 11 [часов]»¹².

Такая система обучения не была чем-то из ряда вон выходящим. Именно из таких высокообразованных семей вышли лучшие представители дворянского сословия Тульской губернии: писатели, ученые, общественные деятели, декабристы. Заметную роль здесь играл и тот фактор, что многие богатые дворянские семьи проводили зимнее время в Москве.

Однако вполне распространенным было и такое явление среди дворян, которое описал А. С. Хомяков в одном из писем к Ю. Ф. Самарину в 1845 г. из своего тульского имения Богучарово: «...меня грустно поразило одно обстоятельство, которого ни в Москве, ни в Питере не заметишь: это увеличившееся мгновенно чванство всех моих деревенских соседей. Они просто распухли от гордости. Их всех произвели в статские советники, они стали вдвое дворянственнее против прежнего, вдвое далее от недворянского мира, и эта гордость переходит в жизнь и перейдет в наследство. Между тем она обращается только против низших: высший, т. е. власть, т. е. чиновник, все так же страшен, все так же имеет право преклонять их статско-советнические головы»¹³. Здесь речь идет о последствиях указа о том, что потомственное дворянское достоинство с правом владения крепостными людьми приобреталось чиновниками-недворянами лишь с чином статского советника, а не коллежского ассесора, как было прежде.

В праздники для дворян устраивались балы, маскарады, театральные представления. А. Т. Болотов вспоминал, что в Туле по случаю нового 1784 г. был маскарад: «По наступлении вечера поехал [я] в маскарад, где нашел превеликое множество съехавшегося дворянства обоего пола...»¹⁴. Тульские дворяне на праздники часто выезжали в Москву, где принимали участие в праздничных торжествах. «...провели мы всю тогдашнюю масленицу очень весело, — писал Болотов о пребывании в Москве в 1784 г., — и ездили не только всюду и всюду по гостям, но были однажды и в театре и два раза в маскараде, в которые ездили мы, собравшись целою компаниею, и пробывали на них даже за полночь. А в субботу давал сосед наш [господин] Сахаров у себя бал, и мы весь вечер протанцевали и пропировали у него»¹⁵.

* * *

О жизни духовенства написано много, причем дореволюционные авторы, наряду с критикой некоторых сторон его бытования, рассматривали духовенство как носителя высших идей, как проводника культуры в народной среде; в советское же время чаще писали о пагубном влиянии религии на сознание народа, о моральном падении и духовной нищете самого духовенства. Обсуждая духовенство как множество людей, истину надо, видимо, искать где-то между этими крайними оценками, помня о неоднородности больших социальных групп, об индивидуальных различиях и непохожести людей в то время так же, как и сегодня.

А. Г. Глаголев писал, что духовенство есть «самое образованное сословие в Туле... которое пишет и говорит хорошо по Латыни и в особенности любит заниматься богословием, философиею и словесностию»¹⁶. Духовенство действительно было самым образованным сословием после дворянства, среди священников было много писателей, ученых, многие создавали школы для народа, учили крестьянских детей элементарной грамотности. Например, среди близких друзей А. Т. Болотова были священники — хорошо образованные, культурные люди. Одним из них был богородицкий священник отец Федот (Ф. Троицкий), знавший французский и немецкий языки, занимавшийся переводами, обладавший даром красноречия. Болотов писал, что он «был довольно учен и начитан, имел многие сведения; а как при всем том имел тихий и кроткий и очень добрый характер, то... и сделался нам с сыном не только наилучшим нашим собеседником, но и сотоварищем в наших ученых занятиях, но даже и самым другом, и мы в сотовариществе с ним провождали весьма многие приятные часы и минуты»¹⁷.

О духовенстве же в целом Болотов был не такого хорошего мнения. «Духовенство наше все еще худо, — писал он. — Все еще много пьяниц, все учились сему ремеслу в семинариях и все делались там негодьями. Пропадай все науки и все! Нужно в попе стало, — и все

беги в воду! В Богородицке был ученый поп-семинарист, но пил почти без просыпа и бог знает как служил...»¹⁸. Здесь Болотов несколько противоречит сам себе, приводя в мемуарах множество свидетельств иного рода. Не будем же категоричны в суждениях и еще раз вспомним, что речь идет о сословии, чья сфера деятельности охватывала прежде всего духовную сторону жизни нации и которое сыграло свою важную роль в культурном развитии страны, как бы эту роль ни оценивали последующие поколения.

* * *

Быт богатого купечества мало чем отличался от быта дворян. В круг людей, с которыми проводил свое время А. Т. Болотов, входили и купцы, например, Д. Е. Бородин, И. А. Маслов и другие. Обычным явлением в их жизни были званые обеды, балы, посещение театра. Частью их образа жизни нередко становилась благотворительность. Купцы часто жертвовали деньги на возведение церквей, благоустройство городов после стихийных бедствий, на содержание библиотек, учебных заведений и т. д. Вспомним о том, сколь многим обязан Алексин купцам Масловым; о том, что практически все женское образование в Тульской губернии было создано и существовало на деньги купцов Маликовых и Толстикова. Тульский купец С. Т. Плахов, владевший несколькими домами в Туле, в том числе дворцом Лугининых, в 1819 г. предлагал городу отдать безвозмездно на три года два своих дома, находившихся около почтовой конторы (на ул. Дзержинского, бывшей Почтовой), для размещения там почтовой станции и почтовой гостиницы. Правда, просьба эта была почему-то отклонена. В доме купца Ливенцева в 1820-х гг. был расположен театр. Семья купцов Титовых заложила основу книжного собрания губернской библиотеки.

В большинстве своем тульские купцы были не слишком образованны и культурны. И. П. Сахаров писал, что «дети купцов и мещан далее первого или второго класса уездного училища не доходят, а более ограничиваются знанием читать и писать; с такими познаниями отец считает сына своего разумным человеком и берет к себе в лавку на 10—12-летнем возрасте помогать в торговле и вести счетную книгу, не стараясь даже узнать прежде, в достаточной ли степени он и это знает. Очень недавно заметным делается, что начинают некоторые купцы кое-как учить грамоте дочерей под руководством этого знахаря — сына, из училища вышедшего». Описывая образ жизни купечества, Сахаров писал, что «этот класс людей особый и купцы даже с маленьким достатком начинают нежить себя и проводят время большею частью во сне. Зато в праздники и воскресные дни встают рано и идут в церковь. Между ними также водится обыкновение посещать родных или знакомых в дни храмовых праздников и именинные, особенно главы семейства, но к чести их сказать надобно, что между ни-

ми до сих пор не водится обыкновение играть в карты, зато повеселиться порядочно любят»²⁰.

Мелкие торговцы, так называемые «прасолы», вели совершенно иной образ жизни. Самое их название, по мнению историка Краснопевцева, описавшего подробно этот слой населения Тульской губернии, происходило от слова «просоленный», т. е. «испытавший до крайних пределов всю мудрость житейского моря, пережив горе и нужду во всех ее родах и видах». В силу тяжелых жизненных обстоятельств у прасола вырабатывались «неистощимая оборотливость, изумительная сметливость во всех... торговых операциях и железное терпение во всяких неудачах и недостатках его домашней жизни». Прасолу было некогда «нежить себя» в постели, накопив два или три рубля денег и немного мелкого товару, он чаще всего пешком обходил многие селения, стараясь либо продать, либо обменять свой товар на продукты сельского хозяйства, которые затем перепродавал уже в городах. При этом он имел некоторую выгоду, но случалось, что, не сумев ничего сбыть, тратил на бесцельное хождение последние гроши. Наибольшую удачу прасолы имели во время ярмарок, когда становились перекупщиками товара и в некотором роде посредниками между крестьянами и богатыми торговцами. Необходимость особой изворотливости, порой не очень честных махинаций при сделках побудила торговцев выработать даже свой особый язык, передававшийся из поколения в поколение и понятный как крупным, так и мелким купцам, но не понятный всем остальным. Так, у торговцев Одоевского уезда он носил название «масовского», т. е. «нашего» («мас», как видно из приводимого ниже примера, — это «я»), и столь сильно отличался от обычного русского языка, что трудно поверить, что так разговаривали в Тульской губернии. Вот один из примеров разговора двух купцов, приводимый Краснопевцевым²¹:

— Мас выклил бутром у бутыре часованских на торгованский и стряхнул зетки за ласья сары.

— Кулико стряхнул-то?

— Ни сопа масовскому прикулается ельпнадцать хрущев.

— А мас встрял в эльпень часованских, пахашка масу тюрюхнула термень керить, а мас с муру стрял керить термень и зетку прокерил.

В переводе же с «масовского» на русский это означает следующее:

— Я вышел в четыре часа на торг и купил ржи за дешевые деньги.

— Много купил-то?

— Ничего, мне придется пятнадцать рублей.

— А я встал в пять часов, жена мне сказала чай пить, я сдуру стал пить чай и рожь пропил.

Похоже на детскую игру, не правда ли?

Прасолы были не только из купцов, но часто и из мещан. По мнению большинства дореволюционных исследователей Тульской губернии, быт и нравы мещанского сословия отличались грубостью и порочностью. По всей видимости, доля истины в этом суждении есть, так как мещане из всех жителей городов были самыми необразованными, бесправными и угнетенными, что не способствовало созданию культурного быта и высокой нравственности. Но послушаем современников, которые высказывали далеко не однозначные суждения.

«По всем отзывам и фактам, большая часть порочных людей встречается между мещанами, — писал капитан Гвоздев в «Военно-статистическом обозрении Российской империи». — В этот класс, кроме вольноотпущенных, вступают промотавшиеся купцы; лица, изгнанные за безнравственность из духовного звания и подобные им, вынужденные избирать род жизни. Хотя они и числятся в городах, но многие ведут жизнь кочевую по ярмаркам, базарам и селениям, торгуют на ничтожную сумму красным товаром, дегтем, солью, обвешивая, обсчитывая и обмеривая крестьян. Есть еще род оседлых мещан — это содержатели постоянных дворов, кабаков и шинков. В числе же кочующих преимущественно находятся люди безнравственные и особенно конокрады. Этот вид воровства давно уже распространен здесь и особенно постигает крестьян в селениях, ближайших к границам губернии»²².

И. Краснопевцев пытался объяснить особенности быта и нравов мещанского сословия крайне тяжелыми условиями жизни. «...все нити жизни этих жителей, — писал он, — все действия их до сего времени носят на себе отпечаток какой-то забитости, порабощения и грусти. Безусловная покорность ко всем случайностям, равнодушие ко всем неудобствам, несчастиям и недостаткам в жизни есть единственная характеристика жителей города Одоева и уезда его и все это переживается, переносится ими с полною покорностью злой судьбе. Даже в песнях местного населения веет какая-то тоска и грусть, выражающая задвленную, страдную и разбитую жизнь этого населения...

При всей неразвитости и необразованности местные жители города Одоева и уезда его отличаются удивительной сметливостью, выражающейся нередко в самых затруднительных, тяжелых и критических моментах жизни, необыкновенною находчивостью, но особенно деятельностью и проворством они не отличаются, а напротив того, в работах ленивы, в хозяйстве, торговле и промыслах небрежны и неряшливы и во всех действиях своих поступают, как попало, на удачу; ко всем неудобствам в жизни относятся равнодушно и довольствуются весьма ограниченными средствами к содержанию себя и семейств своих»²³.

Современники отмечали скуку, неразвитость общественной жизни в городах. Н. Ф. Андреев, описывая рабочие кварталы Тулы, с иронией замечал: «Здесь не увидите общественных движений, ни какого суетного волнения, все тихо, смирно, спокойно, как по праздникам в Лондоне. Иногда, правда, посещают они друг друга, размениваются визитами; иногда приезжают к ним знакомые из города; но такие случаи не часто повторяются», словом, — приводит автор слова одного из местных жителей, — ...мы проводим жизнь если и не совсем жалкую, то уж, конечно, не лучше вот этих плакучих ив, растущих в наших садах и огородах... В восемь часов вечера все дома крепко-накрепко заперты, а на улице нет ни души, кроме докучливых собак, перекликающихся друг с другом своим несносным лаем...»²⁴.

* * *

Мы уже говорили, что среди городских сословий в несколько привилегированном положении находились тульские оружейники. Служба на казенном заводе, труд, требовавший некоторой квалификации, и более высокий образовательный уровень если и не обуславливали иной образ жизни, то сказывались на характере и нравах оружейников. А. Г. Глаголев писал, что «оружейные мастера трудолюбивы, ловки, проворны; и в особенности отличаются удалством в гимнастических забавах, как-то в плавании, в беганьи на коньках и в кулачном бою. Большую часть времени они проводят на заводе, в мастерских или в кузницах перед горнами...»²⁵. Н. Ф. Андреев приводил в своем труде о Туле высказывания об оружейниках молодого путешественника, проезжавшего через город в середине XIX в.: «Тульского оружейника вы всегда отличите от тульского мещанина и по виду, и по физиономии, и по складу речи. С того начать, что фразеология первых решительно изыскана, выговор (акцент) чрезвычайно искажен. Например, «батинька», «маминька» вместо «маменька», «састра» вместо «сестра», «дюша» вместо «душа». Торговки, продавая плоды садов по улицам, пронзительно кричат: «по грюшюю, по яблочюю»; между тем как наречие мещан несравненно правильнее...». Далее историк приводил отзыв об оружейниках директора Тульского оружейного завода П. Г. Цвиллена: «Тульские оружейники отличаются невероятною бойкостью в поведении и смышленостию в своем деле, — им стоит лишь раз только взглянуть на какую бы то ни было вещь, чтобы ее сделать; но зато с ними надо уметь ладить и держать ухо востро: иначе тотчас сядут тебе на голову. Конечно... они не дошли еще до степени плутовства Вошанских ямщиков, однако же есть из них такие, которые, как говорится, в одно ухо влезут, а в другое вылезут, что и не услышишь...»²⁶.

В бытовом отношении их жизнь мало отличалась от жизни других городских сословий, жилища их были так же жалки и нищи, одежда и пища просты и грубы. В официальных сводках отмечалось, что ору-

жейники, «пришедшие в бедность или пострадавшие от пожара, получают безвозмездно строевой лес из казенных засек, или заимообразно, за указанные проценты, денежное вспомоществование из ссудной суммы; в неурожайные годы получают по умеренной цене муку и крупу из заводского запасного магазина; имеют свою собственную пожарную команду; для больных — военный госпиталь и аптеку, для престарелых и увечных — богадельню»²⁷. Вряд ли большинство рядовых оружейников могло воспользоваться всеми этими льготами, но, тем не менее, существование такой возможности облегчало им жизнь.

При домах многих оружейников имелись мастерские, в которых они изготавливали самые разные металлические изделия. А. Т. Болотов, приехав в Тулу в 1772 г., так описал свою встречу с тульскими оружейниками: «...насилу мог отбиться и отделаться от известных тульских кузнецов, слесарей и ружейных мастеров. Не успел, истинно, приехав сегодня поутру, выйти из коляски и стать на постоялом дворе, как целая толпа их, равно как дожидавшаяся, окружила меня и всю избу наполнила. У иного набита была пазуха полна всякими безделушками, у другого был целый кулек с ними подмышкою, иной спрашивал, не изволю ли я того, другой не изволю ли купить другого, и так далее. И я не знал, кого слушать и кому отвечать. В один миг превратилась квартира моя в настоящую лавку. Весь стол и часть лавок укладена уже была разными железными товарами и блестящими безделушками. Инде раскладены были пистолеты, инде кортики, инде разноманерные замки, чернильницы, выдвигаемые безмены, ружейные мерки, шипцы, ногторезы, ножички и прочий такой вздор. Словом, никогда я такого множества разных мелочей вдруг не видывал, как в сей раз, и поверите ли? хотя не намерен был ничего купить, но не мог никак от них отделаться. Многие вещи прельстили меня, и я принужден был купить маленькой пистолет, перник, чернильницу и замочек и за все заплатил 2 рубля, но насилу сжил их с своих рук. Теперь, слава Богу, все они ушли, но не думаю, чтоб они оставили меня с покоем. Верно знаю, что побывают еще несколько человек; однако более меня не обманут: не смотря ничего, буду отказывать»²⁸.

* * *

Крайне тяжелое положение крестьян обычно не замечалось или во всяком случае редко описывалось дореволюционными историками и бытописателями. В их изложении перед нами предстал почти идеальный крестьянин, преданный царю и отечеству, добродетельный, лишь с небольшими простительными пороками. «Поселяне трудолюбивы, честны, — сообщало нам «Военно-статистическое обозрение Российской империи», — свято исполняют все обряды Церкви и свято сохраняют вековые добродетели Русских — преданность к Престолу и отечеству; вообще о нравственности крестьян Тульской гу-

бернии все относятся с похвалою; даже неумеренное употребление крепких напитков, порок общий в черном народе, год от году здесь ослабеваает. Замечательно, что поселяне северных уездов губернии, занимающиеся разными промыслами в Москве, более других склонны к мотовству и разгульной жизни, но менее к поступкам жестоким; тогда как поселяне южных уездов, будучи воздержаннее первых, оказывают часто суровость характера; тоже можно сказать о жителях пригородных селений, которые, имея частые сношения с горожанами, утрачивают жестокость характера, менее склонны к преступлениям тяжким, но легче предаются пьянству и разгульной жизни»²⁹.

Новосильский помещик Г. Мясоедов, постоянно наблюдавший жизнь крестьян, описывал ее куда более реалистично, чем заезжий капитан Генерального Штаба. Крестьяне южных уездов Тульской губернии, писал Мясоедов, «большею частию приветливы и трудолюбивы (но не женщины, которые в трудах далеко уступают смолянкам и даже калужанкам). Легко склоняются по увлечению на добро и зло, злопамятны, готовы на мщение за безделку... только будучи к тому подстрекнуты; долго помнят и добро; терпеливы до невероятности, но упрямы и редко признают кого умнее себя, хотя и говорят противное каждому, прибавляя: «где нам-ста людям темным». Этот очерк нрава общий всем крестьянам... В черном народе пьянство чрезмерно развитым считать нельзя и можно безошибочно положить, что на 100 человек есть десять вовсе не пьющих, 70 пьющих только на чужой счет или по случаю, и один такой, который готов пропить с себя последнюю рубаху, особенно в тех селениях, где нет питейных домов...

Вообще крестьяне хлебопашцы, промышленяющие одною сохою, живут скуднее всех других промышленников [т. е. занимающихся промыслами], это явно доказывает неверность этого промысла и что труд земледельца окупаются очень скудно в общей сложности лет. Загляните в жилища наших крестьян, особенно беднейших, и вы увидите, что они заботятся неусыпно только о средствах существования и не имеют ничего к удобствам оседлой жизни свойственного. Семейство крестьянина зимою живет в одной избе со скотом, для которого хата его больница и приют в младенчестве; от того в жилище этих несчастных и сырость и смрад, к тому ж избы без труб топятся как курты, вмещаю во время топки и мороз по полу, и баню у потолка, и дым, от которого не найдешь места; в этих избах, иногда не более 7-ми аршин длины и ширины [около 5 метров], семейства спят кучами»³⁰. Помещик Мясоедов с явным сочувствием описывал бедственное положение крестьян, хотя и не задумывался над причинами этого положения.

* * *

Органичною частью жизни простого народа являлись сельскохозяйственные и религиозные праздники, различные обряды и обычаи, часто сохранявшие древние языческие черты. Они передавались из

поколения в поколение и свято соблюдались. Сейчас много пишут о праздничных, свадебных и других обрядах; но будем повторяться, лишь вслед за дореволюционным исследователем отметим для себя удивительную способность наших предков отвлекаться от всех тягот жизни во время праздников и веселиться от души. «Те же игры на святках, масленице, Сырной и Светлой неделях, на Троицын и канун Петрова дня, с переданными дедами и прадедами своему потомству песнями, увеселениями, загадками и поговорками, живут и передаются из рода в род среди... населения, — писал И. Краснопевцев. — Ни тяжелый труд, ни нужда, горе и несчастья, ничто не может остановить в эти дни молодое поколение крестьян от влечения к этим играм. Как будто ничего не испытывавшие и не видавшие всех этих невзгод в жизни, они поют, резвятся, шутят, пляшут и веселятся в хороводах, и беззаботное удовольствие выражается на их радостных лицах»³¹.

Женщины во время праздников старались одеться понаряднее, но даже и обыкновенный крестьянский женский костюм выглядел достаточно привлекательно: «Поселянки носят поверх понев (первоначально — лоскут ткани, обертываемый вокруг тела и закрывающий лишь зад и бока, позже — особая домотканая шерстяная юбка в клетку со вставкой спереди из более дешевого материала, закрываемой фартуком, занавеской или другой верхней одеждой) вроде рубах без рукавов, называемых сарафанами, цвету красно-кирпичного; девушки же [носят] настоящие шерстяные сарафаны того же цвета... — писал проезжавший из Москвы к себе в имение одоевский помещик А. Д. Тейльс. — В д. Тулице уже рогатые кички [головной убор]... За 16 верст показалась г. Тула... [показались] черные безрукавные сарафаны и синие поневы... Что прикажете делать с такими разными вкусами у сельских обывательниц? Давно ли мы видели под Серпуховом красные клетки в поневах, — чрез несколько верст красно-коричневые сарафаны, — а теперь уже имеем удовольствие сравнивать, точно ли черный цвет и синие клетки лучше к лицу модниц деревенских. Женщины, зная, во всех сословиях любят поприхотничать и собственную свою выдумку предпочитают пред другими»³².

Праздничные гуляния были характерным явлением не только для деревень, но и для городов. А. Т. Болотов так описывал одно из них: «В Туле случился мне в сей раз [в 1773 г.] видеть мещанское гульбище и довольно изрядное, ибо как был тогда самой Троицын день, то превеликое множество людей обоего пола в лучших нарядах собралось на берег обширного пруда в Чулковой слободе и разгуливали в рожице. Там поставлено было множество палаток, и мне сказали, что гульбище бывает в сей день весьма многонародное; только я не мог без досады смотреть на вымазанные уже слишком много и размалеванные румянами лица и испакощенные тем изрядные рожицы»³³.

А. Г. Глаголев писал, что в праздничные и воскресные дни все ули-

цы Тулы превращаются в места народного гуляния. «В это время, — читаем мы в записках Глаголева, — по всем улицам движутся группы мужчин и перед каждым домом сидят на прилавках разряженные женщины. Приличие требует, чтобы девушки не показывались на свет; но любопытство, обыкновенная слабость женского пола, заставляет их искать в заборах старые или провертывать новые скважины, чтобы смотреть на проходящих. Взрослую девушку можно рассмотреть здесь только великим постом, в то время, когда она, под именем обновляхи, сопровождаемая бегущими впереди и позади мальчиками и девочками, выходит в церковь для исповеди»³⁴. Вероятнее всего, что автор описывает здесь мещанские гуляния; у дворян же было принято гулять по городу в праздничные дни вместе с женщинами и взрослыми дочерьми.

В Туле в середине прошлого века любимым местом гуляний был сквер около кремля, о котором мы уже писали. Гулянья на тульском «бульваре», как называли сквер в прошлом веке, очень ярко изображены Н. Ф. Андреевым в его «Описании видов города Тулы» 1856 г. «В настоящее время одно из необходимейших развлечений в городе — особенно губернском, разумеется летом и притом в ясную погоду — гульбища, на которых публика составляется из разных сословий граждан, — писал Н. Ф. Андреев. — Оно так и должно быть; ибо если бы на гульбища допускались одни только провинциальные аристократы, то, смеем вас уверить, гульбища были бы всегда пусты, хоть шаром покати. Не легко набрать аристократов, которых предки записаны в шестую книгу «О дворянстве» там, где их чрезвычайно мало, потому что многие из них живут летом в своих поместьях, а некоторые постоянно в столицах... Тульский кремлевский бульвар существует не более восемнадцати лет, исключая ветвистых тополей и плакучей акации, укрывающей гуляющих от жгучих лучей солнца, а вечером в этих разбросанных клумбах акаций, освещенных столовыми лампадами, пьют чай, курят папиросы, сигары и ужинают». «Самым лучшим украшением гульбищ» Андреев называл тульских дам, «одетых по последней парижской картинке мод».

В здании «вокзала» — длинной галерее на берегу Упы — вечерами играл оркестр Сокольникова, там устраивались балы и театральные представления, одно время там собирались члены клуба, чтобы поиграть в карты. Гуляющие пары могли в лунную ночь полюбоваться с террас вокзала на «необъятный резервуар воды» судоходной в те времена Упы, а при желании и взять лодку на причале рядом³⁵. Кстати заметим, что русло Упы в середине прошлого века проходило не там, где сегодня: оно омывало оружейный завод со стороны кремля, а не со стороны Заречья, как сейчас. Поэтому и было возможно любоваться речными просторами с террас вокзала и с бульвара, что совершенно невозможно теперь. Последнее обстоятельство объясняется не только тем, что подход к реке, вернее, рукаву ее, закрыт для гуляю-

шей публики, но и тем, что полноводием и «необъятностью» сегодня не отличается не только старое русло Упы, но и новое. Остается только завидовать нашим предкам, имевшим такое прекрасное место для гулянья.

Летом туляки любили купаться в реке. Особым удалством отличались оружейники. Глаголев писал, что «нельзя не удивляться их отважности, когда они бросаются головою в реку с сваи, с моста и с шлюз четырех или пятисаженной высоты [т. е. 8,5—10,5 м]. На воде они довольно легки и употребляют почти все доселе известные способы плавания; хотя не учатся им по правилам и даже не подозревают, что есть для них правила и школы»³⁶.

Купание зимой почти два века назад имело, как это ни удивительно, поклонников не меньше, чем сейчас. Считалось, что купание в проруби в день святого Крещения смывает грехи. На святки, один из самых веселых русских праздников, длившийся 12 дней и совпадавший с празднованием Нового года, было принято ходить по деревням и городам шумною толпою с гаданием, пением, переодеванием, плясками. Так вот, ряженные по всеобщему мнению уподоблялись дьяволу, так как только ему было свойственно «принимать различные лики». Однако, это не пугало любителей веселых переодеваний, ибо существовал верный способ очиститься от греха — искупаться в проруби.

Обычай бросаться в прорубь или снег после бани также был свято почитаем в старину в народной среде. Среди же публики «благородной» это считалось крайне вредным для здоровья, как, впрочем, и обычай париться в банях. «Черный народ вообще пристрастен к баням, — писал Генерального Штаба капитан Гвоздев, — а за неимением их, по большей части парится в печах жилых изб, в те дни, когда пекут хлеб и когда печь сильно раскаляется; некоторые, по излишней охоте или по убеждению, что пар облегчает все недуги, запариваются насмерть. Это чаще случается с людьми престарелыми и в особенности с женщинами. Они, выбрав удобное время, т. е. когда семейство уляжется спать или выберется из дому, влезает в печь, жарко наотопленную, и, обратясь головою в глубину печи, парятся веником, обмакивая его в горячую воду и прикладывая к раскаленному своду печи, через что образуется иногда такой сильный пар, что они впадают в бесчувственность и задыхаются; случается, что мертвого находят тогда только, когда вставши поутру, открывают печь для приготовления пищи»³⁷.

Жители тульской земли во все времена любили праздники и развлечения, которые были разнообразными, веселыми, но часто далеко не безобидными. Так, любимым развлечением тульских оружейников были кулачные бои. Сражения устраивались обычно по воскресеньям в продолжение всей зимы. По воспоминаниям современников, Тула в это время разделялась на две «стены» — «Московскую» и

«Градскую», — каждая из которых имела своих богатырей и атаманов. Одного из них, по прозвищу Родимый, так описывали очевидцы: «это просто огромная движущаяся машина... голова у него с пивной котел, между бровями пядень, между плечами косая сажень... Часто одно появление его вливает мужество в его дружины и приводит в колебание противную сторону; когда же он вступает в дело, то самые ловкие бойцы валяются вокруг его, как снопы». Мужество бойцов нередко подкреплялось в питейных домах, поэтому случались и кровопролития. Предводителя победившей стороны поднимали на носилки и с почестями несли в винную лавку, по пути следования в шапку героя покровители кулачных боев бросали медные и серебрянные «венки, т. е. деньги с изображенными на них венками».

Не менее жестокими были и другие забавы тульских жителей, например, звериная травля и травля гусей. А голубиную охоту современник называет «господствующей страстью вообще Тульских граждан: нет почти ни одного дома, в котором бы не было стада голубей и голубятни. Часто в ясный летний день весь горизонт бывает покрыт стадами сих птиц, и на всех кровлях увидите охотников, машущих длинными шестами»³⁸.

* * *

В заключение главы расскажем вместе с А. Т. Болотовым об одном празднике, который знаменовал, по его мнению, событие, оставившее важный след в последующей истории Тулы и губернии, а также в судьбе всех жителей. Для нас интересно все в этом описании, но важно заметить, что празднества, касавшиеся всего населения, носили все-таки сословный характер, что весьма характерно для XVIII в.

Торжества по поводу открытия Тульского наместничества в 1777 г. были весьма грандиозными. А. Т. Болотов, прибывший в Тулу накануне, застал город в предпраздничных хлопотах: «Между тем Тула находилась в сие время в великом уже движении. Все в ней приуговляемо было к торжественному открытию наместничества... Назначенный в него [в город] для главного управления им наместник государев [М. Н. Кречетников], уже за несколько недель до того приехав, расположился квартировать по сую сторону реки Упы, в доме господ Демидовых, толико славных издревле по сему городу, и по железным заводам и по богатству своему. Сей дом, ныне ничего, а особливо по сгорению своем [в 1779 г.], незначаший был тогда наилучшим и просторнейшим во всей Туле. Расположась в оном, приступил он тотчас к назначению мест, где быть общему всего дворянства собранию и всем палатам и другим присутственным местам. Подо все сии, на первой случай и до построения нарочных к тому зданий, отведены и назначены были наилучшие купеческие дома. Что ж касается до первого, то как во всей Туле не отыскалось ни одного такого дома, в котором бы находился зал, могущий поместить в себе все многочисленное собрание дворян, то другого не оставалось, как отыскать один, предст-

венной величины каменной купеческой дом, велеть выломать из него все внутренние стены и весь его превратить в один просторный зал, в котором бы могло все дворянство уместиться... Итак, над превращением и отделкою его трудилось уже давно множество разных мастеровых людей, и около сего времени спешили отделывать его денно и ночью.

Как намерение наместника было сделать открытие сие колико можно торжественнейшим и придать ему наиболее блеска и сияния, то для увеселения всего дворянства, сзываемого в город сей из всех... уездов и съезжающегося уже со всех сторон со своими семействами, велел он построить деревянный и довольно просторный театральный дом и постарался снабдить оной труппою актеров и нужным для сего гардеробом и убранством. Итак, множество рабочих и мастеровых людей старались около сего времени отделывать и сие здание, бывшее по ту сторону Упы, на горе, на площади, где потом находились казенные конюшни, и успели и сие дело к назначенному времени кончить.

Но сего было еще недовольно; но как надобно было все дворянство угостить балом и маскарадом, то... назначен был к тому другой дом г[оспод] Демидовых, стоящий и поныне еще на плотине демидовского пруда [не сохранился]. К избранию сего к сему побудило наместника наиболее то, что пред оным находилось просторное и пустое место, на котором приуговляем был для сего дня изрядной и нарочитой величины фейерверк, которым, как не виданным еще никогда тульскими жителями зрелищем, ему их и все дворянство увеселить хотелось. Итак, вся Тула кипела уже народом...»³⁹.

Об открытии назавтра Тульского наместничества оповещали на площадях «при игрании на трубах»⁴⁰. «Знаменательный» день 17 декабря 1777 г. начался тремя выстрелами из пушки. «...все дворянство в назначенный день собралось в соборную церковь [Успенский собор в кремле], и по отслужении обедни и молебна и по учинении общей присяги, все отправились в помянутую красную и для общего заседания назначенную палату... Собрание было многочисленное; никогда еще Тула не видала в стенах своих столь великого множества и знатного, и средственнаго, и мелкого дворянства». Несколько дней продолжались выборы наместнического чиновничества. Вечерами город освещала иллюминация, а в доме наместника давались праздничные обеды тульским и уездным дворянам, «ибо всех их в один день угостить было не можно». На третий вечер в театре состоялось первое представление. Болотов писал, что «по приезде в театр нашли мы его весь наполненный множеством народа и увидели тут все дворянское лучшее общество... и зрелище сие было по новости своей поразительное». 26 декабря в доме заводчика Демидова состоялся грандиозный бал-маскарад, на котором присутствовало около 900 человек. Для развлечения приглашенных были устроены не только музыка и танцы,

но и чудесный фейерверк — «вздымающиеся вверх ракеты, вертящиеся разнообразные огненные колеса и потом горевший разными огнями небольшой фитильный щит».

В последний день торжество состоялась церемония открытия приказа общественного призрения, которое закончилось несколько неожиданным для нас образом: «Дан был обед для 24 убогих старцев; потом каждому из них пристойное платье, обувь и по рублю награждения» (вспомним, что даже спустя двадцать лет в год тратили на жизнь в среднем по 17 копеек, так что рубль старикам был большими деньгами). Торжественное открытие Тульского наместничества завершилось еще одним театральным спектаклем — был представлен сочиненный для сего случая торжественный Пролог⁴¹.

Так прошел праздник в честь открытия наместничества. Подобным образом устраивались и другие торжества по официальным поводам, например, по случаю проезда через Тулу августейших особ. Бывали праздники и поскромнее, и было их не так уж мало, что помогало скрашивать тяжелые для большинства людей будни.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...тот, кто созерцает историю, пускай делает это с трогательнейшей детской верой в упорядочивающую силу нашего ума и наших методов, но пусть он, кроме того, уважает непонятную правду, реальность, неповторимость происходящего... Заниматься историей — значит погружаться в хаос и все же сохранять веру в порядок и смысл.

Г. Гессе «Игра в бисер»

Ради чего пишутся книги по истории? Что ищут в них читатели? На эти вопросы существует много ответов, и в то же время окончательного ответа на них нет. Мы все понимаем, что современность — это продолжение истории, но воспринимаем события истории, особенно отдаленной, как нечто вне нашей реальности, вне нас. Но ведь история никогда не кончается, она пополняется в каждый миг, и процесс этот бесконечен, как время. История сродни времени еще и в том, что не имеет обратного хода, ее нельзя повернуть вспять. Единственное, что нам остается, это «созерцать историю», т. е. пытаться разобраться в том, что было до нас, влияет на нас и будет воздействовать на тех, кто придет после нас. Поэтому историки ищут факты и анализируют связи между событиями, делают выводы и ставят проблемы; поэтому публика читает или слушает их и равнодушно соглашается, бурно приветствует или активно не приемлет, ибо при всей «неповторимости происходящего» реальность содержит в себе «непостоянную правду».

Эта книга, плод многолетнего труда, не претендует на далеко идущие обобщения. Она призвана дать картину эпохи лишь с одной — историко-культурной — стороны и лишь на небольшом географическом пространстве — территории Тульской губернии, одной из многочисленных провинций огромной страны. Часто слово «провинция» произносят с оттенком презрения или сочувствия, но ведь страна и состоит из провинций — столица со своим особым стилем скорее исключение из того, что составляет суть национального духа, особой

ментальности, только этой стране присущей. Временные, тематические, географические рамки — все это неизбежные ограничения любого исследования, но автор надеется, что изложенный здесь материал послужит тому, чтобы и читатель (причем не только читатель-туляк) мог испытать иногда ни с чем не сравнимое чувство прикосновения к прошлому, которое способно неожиданно возникать в самых привычных местах: при взгляде на дом, мимо которого вы ходите с детства; при просмотре старой книги, стоявшей всю вашу жизнь на вашей полке; при виде разрушенных ворот, на которых была надпись «1795» и которые, казалось, будут стоять вечно, но вдруг превратились в кучу битого кирпича.

Пожалуй, один вывод, который можно сформулировать однозначно, касается упомянутых ворот (вполне, кстати, реально существовавших). Он заключается в том, что нам надо, прекратив разрушать, стремиться сохранить то, что оставила нам история. Слишком многое разнесено в куски, превращено в прах, и не только нами и нашими ближайшими предшественниками, — этот процесс шел всегда. Все дело в масштабах.

Культура России в XVIII и в первой половине XIX вв. была, конечно же, «дворянской», т. е. формировалась в дворянской среде, ею же в основном и потреблялась. И хотя грамотных среди членов непривилегированных сословий становилось год от году все больше, это не всегда облегчало им жизнь. Образ жизни дворян, «барские затеи» в области культуры подчас вызвали непонимание, раздражение, которые добавлялись к ненависти, накапливавшейся веками, и в результате вылились в массовые поджоги дворянских гнезд, уничтожение коллекций, архивов, библиотек. «Дворянская» культура отметалась как пережиток прошлой несправедливой жизни. Даже российский пейзаж изменился, полностью потеряв такой свой элемент, как «высокий барский дом» на холме или на берегу реки, видный издали и радующий глаз архитектурными формами, а душу — воспоминаниями об ушедшей эпохе.

Та — прошлая — ненависть и сегодня способна обжигать, о ней следует помнить, потому что и причинами, и формами проявления она продолжается в ненависти сегодняшней. Вот пример, касающийся одного из наших сюжетов. В архиве Тульского областного краеведческого музея хранится документ 1919 г., содержащий изложение доводов в пользу организации музея в имениях А. П. Киреевской-Елагиной Петрищево и Уткино Белевского уезда. В тексте идет речь об историческом значении славянофильства как одного из направлений общественной мысли России и о хорошей сохранности домов, библиотеки и вещей, которые могли бы составить основу будущего музея. На документе стоит резолюция заведующего Белевским Унаробразом Д. Джулина, который явно хотел попасть в историю: «...реставрировать церкви мы не станем, дворянская же триипостасийная культура

да будет проклята со всеми нашими врагами и ее защитниками. А в усадьбе в конце концов устроим производственные мастерские, поставим двигатели, и, ах, ребята, получившие там и образование и обучение, со скрежетом зубным загнут истинно русское выражение в память православия, самодержавия и народности, ...этих трех китов угнетения народов»¹.

Но все-таки, как говорится в эпитафии к этому послесловию, «погружаясь в хаос», давайте верить «в порядок и смысл». Свободолюбие, сострадание, любознательность, преданность родному очагу никогда не изживут себя, а ведь именно эти качества отличают большинство персонажей этой книги. Они были людьми своего времени — ничуть, кстати, не менее сложными натурами, чем мы, нынешние. Они творили в меру сил, любили и ненавидели, ошибались и прозревали. А в это время и на этой земле, рядом и вместе с ними, в той же атмосфере и в таких же парках и домах росли Жуковский и Хомяков, Тургенев и Толстой, которых не было бы без Покровских и Сахаровых, Юшковых и Батуриных. А разве не проросло зерно, посеянное провинциальным чиновником, ревнителем народного просвещения, декабристом, публицистом (а кто-то скажет: карьеристом и графоманом) С. Д. Нечаевым, в главном деле жизни его сына — Музее изящных искусств, достоянии всей России!

Не стоит впадать в иллюзии и ностальгию — не все в утерянной России было прекрасно. Была великая культура, но одновременно существовала убогая и беспросветная жизнь многих тысяч людей. Надо не идеализировать прошлое, а стремиться его понять, ради чего и написана эта книга. Автор надеется, что вы, дорогой читатель, дочитали ее до конца и тоже продвинулись на этом пути.

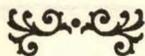

ТАБЛИЦА 1

**РОСТ НАСЕЛЕНИЯ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII —
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.**

КАТЕГОРИИ НАСЕЛЕНИЯ	IV ревизия 1782 г.		X ревизия 1857 г.	
	всего мужчин	% ко всему населению	всего мужчин	% ко всему населению
Все население	438196		562069	
Неподатное население	11568	2,64	36770	6,54
Все крестьяне	409332	93,42	491836	87,50
Помещичьи крестьяне	339038	77,37	396603	70,56
Государственные крестьяне	37091	8,47	95233	16,94
Городские сословия	17296	3,94	31108	5,53

Источник: Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—XIX вв.: (По материалам ревизий). М., 1971. С. 95—98, 167—170.

ТАБЛИЦА 2

**ВЕДОМОСТЬ ФАБРИК И ЗАВОДОВ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.**

	1775 г.	1784 г.	1792 г.	1800 г.	1805 г.	1824 г.	1852 г.
В губернии		177	206	369	258	201	ок. 290
В Туле	57				194	75	141

Источники:

1775 г. — Тула. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий / Изд. Суш-киным. М., 1884. С. 237—238;

1784 г. — ЦГВИА, ВУА 19121 а, л. 3 об. — 4 об.;

1792 г. — ОР ГПБ, ф. 89, Болотовы, д. 78, с. 81—82;

1800 г. — ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 49, л. 63 об. — 64;

1805 г. — ЦГВИА, ВУА 19117, л. 35;

1824 г. — Там же, ВУА 19124, л. 2, 4;

1852 г. — Военно-статистическое обозрение Российской империи 1852 г. Т. IV. Ч. 4: Тульская губерния. Спб., 1852. С. 61, 81—98.

Большое расхождение в цифровых показателях связано с тем, что разные ведомости в понятие «фабрики и заводы» включали различные виды предприятий. Наиболее ярко это видно в ведомости за 1806 г. (ЦГВИА, ВУА 19117, л. 3 об. — 4), не включенной в таблицу, где число фабрик и заводов насчитывалось 1086 и специально оговаривалось, что в эту цифру включены и лавки, кузницы, мельницы, питейные дома, перевозы, мосты, аптеки и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список писателей и ученых Тульской губернии XVIII — первой половины XIX вв.¹

1. Ададуров Евграф Иванович (1809—1874), одоевский помещик.
2. Азбукин Серафим, архимандрит.
3. Алексеев Ф.
4. Альбицкий Дмитрий Игнатьевич, коллеж. ассес., старший преподаватель, затем старший инспектор Тульской гимназии, член Союза Благоденствия (1819), автор переводов древних авторов с латинского.
5. Анансий Федор Петрович (1797 — после 1849), коллеж. сов., сын священника, штаб-лекарь, служил лекарем в армии, лекарь Тульской больницы общественного призрения (1834), врач Тульской семинарии (1847).
6. Анастасий, архимандрит, ректор семинарии, магистр.
7. Андреев А. Ф.
8. Андреев Козьма Федорович (1790—1836), род. в Туле, поэт, из дворян Тульской губернии, окончил Тульское училище и Московский ун-т, участник войны 1812 г., в 1807 г. издавал ж. «Весенний цветок» (2 кн. М.: Тип. Любиа, 1807), другие литературные и научные труды сгорели во время московского пожара 1812 г.
9. Андреев Николай Федорович (1797— ок. 1866), писатель-краевед, отставной артиллерийский офицер, помещик Тульского уезда. Наиболее значительное сочинение: «Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям» (Москвитянин. 1843. № 2, 5, 6), «Описание видов г. Тулы» (Тула, 1856). Библиография работ см.: Присенко Г. Проникновение в былое. Тула, 1984, с. 120—121.
10. Ауэрбах Юлия Федоровна (1827—1871), начальница туль-

ской женской гимназии, писательница, Печатала свои произведения в «Русском вестнике» под псевдонимом «А. Д. З.»

11. Афремов Иван Федорович (1794—1866), историк-краевед, помещик Белевского уезда. Мичман (1812), служил в Архангельске, майор (1828), инспектор Тульского кадетского корпуса (1828—1834), член Тульского статистического комитета. Автор работ по истории, археологии, этнографии. Наиболее значительным произведением является «Историческое обозрение Тульской губернии» (ч. 1. М., 1850). Библиографию работ см. Присенко Г. «Проникновение в былое», с. 122.

12. Бажанов (Баженов) Василий Борисович (1800—1883), протопресвитер, член Святейшего Синода, духовник царской семьи, магистр, род. в с. Миротины Алексинского уезда. Окончил Тульскую семинарию, Санктпетербургскую духовную академию (1823). Соч.: «Об обязанностях христианина» (Спб., 1843), «О вере и жизни христианской» и др., речи, переводы. Участвовал в редактировании ж. «Христианское чтение»

13. Бажанов (Баженов) Евгений, архиепископ Астраханский, уроженец Каширского уезда. Окончил Тульскую семинарию, Московскую славяно-греко-латинскую академию (1811), по окончании поступил в Тульскую семинарию учителем латинского и немецкого языка, в 1814 г. стал профессором словесности Тульской семинарии. В 1818 г. перемещен в Казанскую семинарию, позже стал ректором Костромской семинарии.

14. Баженов В. И., протоиерей.

15. Баженов Николай Кириллович (1804—1848), врач-писатель, род. в Тульской губ., из мелкопоместных дворян. Окончил Тульскую гимназию, медицинский факультет Московского ун-та. Служил по врачебной части в г. Одоеве Тульской губ., в Сибири. Известен как историк и беллетрист. Соч.: «Казанская история» (1847), «Две поездки Николая Баженова» (Казань, 1846), «Торжественное примирение, или Единственный муж и чудное посредничество. Шутка-водевиль» (К., 1846), «Медико-топографический взгляд на Сергиевские воды» и др.

16. Баженов Пармен Кириллович (1810—1840), врач-писатель, из дворян Тульской губ. Окончил Тульскую гимназию, Московский ун-т, служил врачом в госпиталях при войсковых отрядах на Кавказе. Соч.: «Медико-топографический взгляд на места русскими войсками занятые в Абхазии» (Военно-медицинский журнал. 1838. XXXI. С. 1) и ряд заметок в ж. «Друг Здравия» (1838) и др.

17. Балк Даниил-Георгий (1764—1826), доктор, профессор Дерптского ун-та. Иностранец, с 1817 г. проживал в России, последние годы жил в Туле, где имел врачебную практику, умер в Туле. Труды по медицине, в основном на лат. и нем. языках, были широко известны: «Dissertatio inauguralis de derivantibus» (Regiomonti, 1787), «Auszüge

aus dem Tagebuch eines ausübenden Arztes über verschiedene Gegenstände der Arzneiwissenschaft» (Berlin, 1791), «Einige Worte über die Krankheiten der hiesigen Bauern, für Gutsbesitzer und Prediger bestimmt» (Mitau, 1793)

18. Баранников Петр Андреевич, фитолог-флорист, богородицкий гражданин (в дворянском сословии Тульской губ. не числился).

19. Батурин Пафнутий Сергеевич (ок. 1740—1803), выдающийся писатель-просветитель. Из дворянской семьи, участвовал в Семилетней (1756—1762) и русско-турецкой (1768—1774) войнах, в 1782 г. вышел в отставку в чине подполковника. В 1783—1789 гг. служил в Калуге советником палаты гражданского суда, заведовал типографией и театром. В 1789—1790 гг. находился в Туле, где служил советником тульского губернского правления и заведовал типографией. В дальнейшем служил в Киеве (с 1790), Польше (с 1793), Волыни (с 1795), Воронеже (с 1798). Умер в 1803 г. в Минске. Писал пьесы для театра, сотрудничал в «Собеседнике Любителей Российского Слова», был автором и издателем «Исследования книги о заблуждениях и истине» (Тула, 1790) — философского трактата, направленного против мистического учения масонов.

20. Бегичев Владимир Петрович (1828—1891), писатель, управляющий Императорскими Московскими театрами, род. в Туле, происходил из старинного дворянского рода Тульской губ. Окончил Московский ун-т. Писал преимущественно пьесы для сцены, часто в соавторстве. Наибольшим успехом пользовались пьесы «Фофочка, водевиль в 1 действии» (Спб., 1858), «Сиротка, водевиль в 1 действии» (Спб., 1859) и др.

21. Бегичев Дмитрий Никитич (1786—1855), писатель, сенатор, тайн. сов., происходил из старинного дворянского рода Тульской губ. Служил в Коллегии иностранных дел, был губернатором в Воронеже (1830—1836), управлял Департаментом государственных имуществ и др. Большой популярностью пользовались его бытовые романы «Семейство Холмских: Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» (6 ч. М., 1832), «Провинциальные сцены» (Спб., 1840), «Записки губернского чиновника» (Спб., 1845), «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни: Сборник, изданный автором «Семейства Холмских»» (М., 1851) и др.

22. Беляев Иван Иванович, действ. статс. сов., с 1777 по 1795 г. на различных должностях в Тульской губ., председатель Тульской уголовной палаты, губернский прокурор. Автор перевода сочинения Ш. Дантала «Ипархия и Кратес, философическая повесть, переведенная с греческой рукописи потсдамским жителем. С фр. на рос. язык перевел Иван Беляев» (М., 1789).

23. Безсомыкин Иван Иванович, коллеж. сов., директор училищ Тульской губ.

24. Белозор С.Я., автор соч. «Краткое извлечение из книг Священного Писания» (рукопись).

25. Бенедиктов Михаил Степанович (1753—1838), секретарь приказа общественного призрения, губернский секретарь, действ. статс. сов., из духовного звания. Автор соч. «Непорочные забавы, или Невинное препровождение праздного времени» (М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1783), многочисленных переводов, оставшихся, в основном, в рукописях. Обширная библиотека после смерти Бенедиктова послужила основанием Владимирской публичной библиотеки.

26. Бенескриптов Евграф А. (1810—1863), священник, магистр богословия, уроженец Тульской губ., сын священника. Окончил Санктпетербургскую духовную академию (1835), преподавал в ней немецкий язык. Соч.: «Грамматический курс немецкого языка» (2 ч. 1847 и 1850), «Об источниках христианской религии» (1845) и др.

27. Бергштрессер Карл Федорович (ум. 1874), писатель, коллеж. сов., член Тульского губернского статистического комитета. Наиболее известными были работы по политической экономии. Соч.: «Опыт описания Олонецкой губернии» (Спб., 1838), «Руководство к разведению, улучшению, кормлению и откармливанню домашних животных с 14 изображениями» (Спб., 1841), «Богатства России» (Спб., 1858) и др.

28. Бирфрейнд К., врач Тульской городской больницы (в дворянском сословии Тульской губ. не значился). Автор соч.: «Тульский домашний лечебник, преимущественно для крестьян и дворовых людей» (М.: Унив. тип., 1852).

29. Благонравов Ф. В.

30. Бобринский Алексей Алексеевич (1800—1868), граф, тайн. сов., помещик Богородицкого уезда, известный рационализатор а области сельского хозяйства и практики, сахарозаводчик. Окончил училище колонновожатых. До 1832 г. жил в с. Михайловское Богородицкого уезда, где устроил большой свеклосахарный завод. С 1840 г. член совета министра финансов. Соч.: «О применении систем охранительной и свободной торговли в России и значительном понижении таможенного дохода по введении тарифа 1857 г.». Член Вольного экономического общества, Московского общества испытателей природы.

31. Бобринский Василий Алексеевич (1804—1874), граф, член Южного общества декабристов, епифанский помещик, епифанский уездный предводитель дворянства (1838—1840), тульский губернский предводитель дворянства (1862), попечитель Тульской гимназии (с 1832). Член Московского общества испытателей природы. Умер в Бобрिकाх Епифанского уезда.

32. Бобрищев-Пушкин Николай Сергеевич (1800—1871), декабрист, помещик Алексинского уезда. Окончил Московский университетский пансион (1818), училище колонновожатых (1819), служил в Тульчине, где стал членом Южного общества декабристов (1820),

осужден на пожизненную ссылку в Сибирь. После амнистии 1856 г. жил в родовом имении с. Егнышевка Алексинского уезда. Был известен как поэт, печатал стихи в ж. «Вестник Европы», «Сын Отечества».

33. Бобрищев-Пушкин Павел Сергеевич (1802—1865), декабрист, помещик Алексинского уезда. Обучался и служил вместе со своим братом Н. С. Бобрищевым-Пушкиным (см. выше), был членом Южного общества декабристов (1822), осужден на 12 лет каторги и поселение в Сибири. После амнистии 1856 г. жил в родовом имении с. Егнышевка Алексинского уезда. Писал научные трактаты, повести, стихи, переводы, особенно были известны его басни «Брага», «Шахматы», «Кляча» и др.

34. Боголюбов Николай Алексеевич, уроженец Белевского уезда, тульский протоиерей, законоучитель гимназии.

35. Болотов Алексей Андреевич, подполковник генерального штаба (1839).

36. Болотов Алексей Павлович (1803—1853), генерал-майор, профессор геодезии и топографии Императорской военной академии (с 1832). Закончил училище колонновожатых, более двадцати лет преподавал в академии. Соч.: «Руководство к геодезии» (1836), «Курс высшей и низшей геодезии» (1837 и 1845), «Руководство к производству хозяйственной съемки, межевания и нивелирования» (1842 и 1856); перевод соч. Франкера «Полный курс математики». Разработал собственную шкалу для выражения крутости местности.

37. Болотов Андрей Тимофеевич (1738—1833), выдающийся ученый, писатель, основоположник русской агрономической науки, помещик Алексинского уезда, в 1776—1796 гг. жил в Богородицке Тульской губ. Происходил из семьи мелкопоместного дворянина, систематического образования не получил. В 1755 г. поступил на действительную службу, будучи произведен в офицеры. Принял участие в Семилетней войне (1756—1762). В 1762 г. подал в отставку и поселился в своем родовом имении Тульской губ. С 1774 г. служил управителем царскими именьями в Киясовской, а с 1776 г. в Богородицкой волостях. Впервые ввел многопольный севооборот, усовершенствовал сельскохозяйственные орудия, явился распространителем картофеля в России. С 1766 г. был членом Вольного экономического общества, активно сотрудничал и печатался в его «Трудах». Был автором первого в России агрономического журнала «Сельский житель» (2 кн. М., 1778—1779), совместно с Н. Новиковым издавал журнал «Экономический магазин» (40 кн. М., 1780—1789). Внес свой вклад в развитие помологии, лесоводства, прудоводства, паркового искусства, минералогии, физики, медицины и пр. Явился создателем первого в России детского театра. Кроме Вольного экономического общества был членом Московского общества сельского хозяйства, Королевского Саксонского экономического общества, печатался в их

«Трудах». Автор мемуаров «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1795 гг.» (Спб., 1871—1873), сочинений «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одной госпожой и ее детьми» (2 ч. М., 1776—1779), «Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах» (2 ч. М., 1875), «Современник, или Записки для потомства» (Спб., 1891), переводов и др.

38. Бородин Дмитрий Егорович, венецкий купец, автор соч. «Венецкая история» (ок. 1804 г., рукопись).

39. Броневский Владимир Богданович (1784—1835), военный писатель, белевский помещик. Генерал-майор, участвовал в Средиземноморской кампании Сенявина Д. Н. (1805—1810) во время русско-турецкой войны, инспектор Тульского Александровского кадетского училища (1819—1828), помощник директора и инспектор по классам в Пажеском корпусе. Член Общества истории и древностей российских. Большой популярностью пользовались его соч.: «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Д. И. Сенявина от 1805 по 1810 год» (4 ч. Спб., 1818—1819), «Письма морского офицера» (Спб., 1825—1826), «Обозрение Южного берега Тавриды в 1815 году» (Тула, 1822; пер. на нем. яз.: Спб., 1825), переводы.

40. Броневский Дмитрий Богданович (ум. 1867), директор Санкт-петербургского лицея, член Русского географического общества, белевский помещик.

41. Броневский Павел Николаевич (1816—1886), генерал-майор генерального штаба, участник Крымской войны (1853—1856), белевский помещик.

42. Броневский Семен Богданович (1786—1858), генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Сибири, сенатор, белевский помещик. Член Московского общества сельского хозяйства, печатал статьи в его «Трудах». Соч.: «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (2 ч. М., 1823).

43. Булыгин Абрам Антонович (род. ок. 1737), мещанин, оружейник, происходил из обедневшей купеческой семьи, создатель музыкальной артели тульских оружейников. Автор соч.: «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и о работах» (Тула, ок. 1798).

44. Бутырский Никита Иванович (1783—1848), профессор Санкт-петербургского ун-та, действ. статс. сов., из духовного звания, уроженец Елифанского уезда. Окончил Коломенскую и Тульскую духовные семинарии. Писал стихи, вошедшие в сборник «И моя доля в сонетах» (2 ч. Спб., 1837), переводы: соч. Л. Якоба «Курс философии» (Спб., 1812), Шиллера «История 30-летней войны» (4 ч. Спб., 1815), «Речь о действии просвещения на состояние народов, произне-

сенная в торжественном собрании Санкт-Петербургского университета де-Гуровым, 20 Майя 1826 года, пер. с фр. Никита Бутырский» (Спб., 1826).

45. Васильев Владимир Федорович, граф, действ. статс. сов., тульский гражданский губернатор (1819—1823). Соч.: «Общие понятия о Тульской губернии» (Тула, 1820).

46. Вадбольский Алексей Иванович, князь, стольник и писец (1685).

47. Вельяминов Алексей Александрович (1785—1838), генерал-лейтенант, помещик Алексинского уезда. Участвовал в военных сражениях 1805, 1810, 1812 гг., заграничных походах русской армии 1813—1814 гг., в войнах против горцев. Член Академии наук, имел обширное книжное собрание, кабинет редкостей и нумизматическую коллекцию.

48. Вельяминов Иван Александрович (1771—1837), генерал от инфантерии, помещик Алексинского уезда. Участвовал в войнах 1806—1807, 1812 гг., походах в Финляндию и заграничных походах 1813—1814 гг. Генерал-губернатор Западной Сибири, член военного совета, член Российской академии. Известен перевод соч. Дюсиса «Отелло, или Венецианский Мавр. Пер. с фр. Ив. Вельяминов» (Спб., 1808).

49. Веницеев Семен Никифорович (ум. 1820), начальник Тульского оружейного завода (1785—1794), тульский помещик. Окончил Московский ун-т, служил советником тульской казенной палаты при наместнике М. Н. Кречетникове. Известен перевод с лат. яз. сочинения Т. Гоббса «Фомы Гоббесия Начальные основания философические о гражданине» (Спб., М., 1776), печатался в ж. «Доброе намерение» (М., 1764).

50. Воейков Николай Петрович (род. 1787), коллеж. ассес., одоевский уездный предводитель дворянства (1832), автор перевода с фр. яз.: «Новая Евфимия, сочинение г-жи де **» (М., 1788).

51. Воейков (Ювеналий) Иван Григорьевич (1729—1807), игумен, историк-генеалог, из дворян Тульской губ. С 1767 по 1775 г. был настоятелем в Новосильском Духове монастыре Тульской губ. Впервые начал генеалогические разыскания. Соч.: «Поколенная роспись, или Родословная благородных дворян Воейковых» (М., 1789), «Поколенная роспись, или Родословие князей Вадбольских» (М., 1792), исторические родословия дворян Булгаковых, Коробановых, Лопухиных, Макаровых, Приклонских, Сабуровых, Чичериных, Юрьевых-Романовых и др., стихи-посвящения.

52. Воин-Кропоткин, князь, стольник и писец (1625) года.

53. Воронцов-Вельяминов Евграф Николаевич (род. 1796), директор и попечитель тульской гимназии (с 1820), директор училищ Тульской губ. (с 1823), помещик Ефремовского уезда. Окончил Московский ун-т, коллеж. сов., член Общества истории и древностей рос-

сийских, Тульского статистического комитета, автор статей в «Вестнике Европы».

54. Воскресенский Иван, секретарь верхнего земского суда, учился в Рязанской семинарии, Московском ун-те, провинц. секретарь (в дворянском сословии Тульской губ. не числился). Соч.: оды генерал-губернатору И. А. Заборскому (Кострома, 1793.; М., 1793; Кострома, 1794; М., 1782), епископу Симону (М., 1781).

55. Воскресенский Тимофей Михайлович (род. 1767), из духовного звания, титул. сов. (1799), окончил Троицкую семинарию, Санкт-петербургскую учительскую семинарию (1786—1789), учитель математики Тульского Главного народного училища, гимназии (с 1789).

56. Гамель Иосиф Христианович (Христофорович) (1788—1861) доктор медицины, ординарный академик Императорской академии наук по кафедре технологии, действ. статс. сов., окончил Санктпетербургскую медико-хирургическую академию (1811). Занимался изучением мануфактурной промышленности России, сделал описание фабрик Московской и Тульской губернии. Член-корреспондент Вольного экономического общества, печатал труды в изданиях Академии наук, периодических изданиях. Главнейшие соч.: «Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении» (М., 1826), «Описание способа взаимного обучения по способу Белля, Ланкастера и др.» (Спб., 1820), «Описание изобретенного И. Скиаданом шерстомера» (М., 1828), труды на немецком яз.

57. Гастев Михаил Степанович (1801—1883), преподаватель Московского ун-та, родился в Тульской губ., статс. сов., из духовного звания. Окончил Тульскую семинарию и Тульскую гимназию, Московский ун-т (1828), магистр словесных наук (1832). Соч.: «Лекции о вспомогательных науках для истории» (1830), «Руководство к политической географии» (1832), «Хронология» (1833), «Физическое обозрение Глобуса» (1834), «Арифметика» (1834), «Генеалогия» (1835), «Статистическое описание Москвы» (М., 1841) и др.

58. Гевлич Авксентий Павлович (1790—1861), сенатор, тайн. сов. В 1832—1833 гг. был тульским гражданским губернатором. В молодости сотрудничал в ж. «Соревнователь» (1818—1819), напечатал диссертацию «Об изящном» (Спб., 1818), написанную под влиянием Канта.

59. Глаголев Андрей Гаврилович (1793—1844), писатель, археолог, доктор словесности, род. в Ефремовском уезде., действ. статс. сов. Окончил Московский ун-т (1816), магистр (1821). Член Общества любителей российской словесности, Общества истории и древностей российских, член-учредитель Московского общества сельских хозяев. Первый археолог Тульского края. Соч.: «Записки о городищах, курганах и других старинных насыпях в Тульской губернии» (Вестник Европы. 1820. № 23), «Исторические сведения о Туле» (Журн. М-ва внутр. дел. 1836. № 2), «О положении и состоянии Туль-

ской губернии» (Северный архив. 1823. ч. 5. № 3—4; ч. 8. № 24), «Умозрительные и опытные основания словесности» (4 ч. Спб., 1834) — первый опыт систематического учебника по словесности, «Записки Русского Путешественника с 1823 по 1827 г.» (4 ч. Спб., 1837), статьи в периодических изданиях, «Трудах» обществ.

60. Глаголев П. М.

61. Голубков Петр Иванович (род. 1781), коллеж. ассес., одоевский помещик, тульский полицмейстер (1809). Издавал ж. «Новости: Ежемесячное издание на 1799 год» (кн. 1—4. Спб., 1799).

+ 62. Гольтяков Н. В.

63. Гонорский Иван Тимофеевич.

64. Гонорский Р. Т. (род. 1790), сын священника, обучался в Тульской семинарии, Петербургском педагогическом ин-те. Печатал стихи в ж. «Друг Юношества». Адъюнкт Харьковского ун-та. Участвовал в издании «Украинского Вестника», издавал свои литературные труды на Украине, где жил большую часть жизни.

+ 65. Горчаков Дмитрий Петрович (1758—1824), князь, помещик Одоевского уезда, писатель, статс. сов., член Российской академии. Писал, в основном, для сцены: «Баба яга, комическая опера в трех действиях и с балетом» (Калуга: Тип. П. С. Батурина, 1788), «Калиф на час, комическая опера в четырех действиях» (М., 1786), «Щастливая Тоня, комическая опера в четырех действиях» (М., 1786), «Пламиды и Раида, российская повесть» (М., 1796), «Велико-российская победоносная ода над шведами» (Б. м., б. г.). Участвовал в издании Н. М. Карамзина «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (кн. 1—3. М., 1796—1799), в ж. «Новые ежемесячные сочинения» (ч. 1—121. Спб., 1786—1797) и «Санктпетербургский Меркурий» (ч. 1—4. Спб., 1793—1794).

+ 66. Греков Николай Порфирьевич (род. 1807), поэт, помещик Ефремовского уезда, коллеж. регистр., печатал стихи в ж. «Библиотека для чтения» и «Отечественные Записки».

67. Громницкий (Граммницкий) Федор Емануилович (Мануилович), штаб-лекарь, коллеж. ассес. (1818), производил врачебную практику в Туле более 20 лет. Автор соч.: «О употреблении в сухом виде камфоры при лечении всякого рода ран, флюсов, глазных болезней и самого рака вместо принятых издавна в обыкновение в таком случае примочек» (М., 1821), переводов.

68. Грязев П. А., тульский купец, чиновник оружейного ведомства. Автор сочинения «О граде Туле» (1830-е гг., рукопись).

+ 69. Дельвиг Антон Антонович (1798—1831), известный поэт, лицейский друг А. С. Пушкина, помещик Чернского уезда. Издавал альманах «Северные цветы» (Спб., 1825—1831) и «Литературную газету» (Спб., 1830—1831). Писал лирические стихи в духе народных песен: «Соловей», «Не осенний мелкий дождичек», др.

70. Демидов Никита Акинфиевич (1724—1789), заводчик, поме-

щик Алексинского уезда, стат. сов., покровительствовал ученым и художникам, член Академии художеств и Вольного экономического общества. Издавал ж. «Журнал путешествия в чужие края» (1786).

71. Демидов Николай Никитич (род. 1773)², заводчик, сын Н. А. Демидова (см. выше), унаследовал от отца заводы на Урале, известен благотворительной деятельностью на общественные нужды, тайн. сов.

72. Демидов Павел Григорьевич (1738—1821)³, основатель Демидовского Ярославского лицея, известен своею благотворительной деятельностью на пользу просвещения, ученый-натуралист, действ. стат. сов., действительный член Вольного российского собрания (1772). Пожертвовал Московскому ун-ту огромную библиотеку и минералогический кабинет, собрание медалей, гербарий, астрономические приборы (почти все погибло в пожар 1812 г.), пожертвовал средства на основание ун-та в Тобольске. Научные труды в основном на немецком языке: «*Mathematische Aufgaben durch die Algebra erläutert*» (Göttingen, 1753), «*Anmerkungen zu Hellert's Chemie und Probierkunst*» (Freyberd, 1753), «*Anmerkungen über des Archiaters Linnaei Pflanzenkultur*» (Upsala, 1760), «*Anmerkungen zu Zegner's Naturlehre*» (Göttingen, 1753).

73. Дильтей Генрих Филипп (ум. ок. 1781), доктор прав Венского ун-та, профессор Московского ун-та, тиролоец. В 1756 г. прибыл в Москву, читал в ун-те лекции по праву и истории права. Соч.: «*Первые основания Универсальной истории*» (на рус. и фр. яз.; 3 ч. М., 1762—1768), «*Начальные основания вексельного права*» (М., 1762), «*Детский Атлас, или Новый удобный и доказательный способ к учению Географии*» (на рус. и фр. яз.; 6 ч. М., 1786—1777), «*Опыт Российской географии*» (М., 1771), «*Собрание нужных вещей для сочинения новой Географии о Российской Империи. Ч. 1. О Тульском наместничестве*» (на рус. и фр. яз. Спб., 1781) и др.

74. Доброхотов Петр Егорович (1786—1881), известный гравер, род. в Туле, бывший тульский оружейник. Член Академии художеств, преподаватель медальонного класса академии. Скончался в Петербурге в бедности.

75. Долгоруков Петр Владимирович, князь (1816—1868), историк-генеалог, помещик Чернского уезда. Получил блестящее домашнее образование, с юности начал заниматься историческими и генеалогическими разысканиями. В 1844—1859 гг. жил в Тульской губ. В 1859 г. эмигрировал за границу, отказавшись вернуться по вызову русского правительства. Корреспондент Герцена. Соч.: «*Российский родословный сборник*» (4 кн. Спб., 1840—1841), «*Российская родословная книга*» (4 ч. Спб., 1855—1857), «*Notices sur les principales familles de la Russie*» (Paris, 1842) под псевдонимом гр. Альмагро. Издавал за границей газеты «*Будущность*» (1861), «*Правдивый*» (1862), «*Memoirs du prince Pierre Dolgoroukoff*» (Женева, 1867) — анекдотические рассказы о деятелях русской истории после Петра I и др.

† 76. Долинин-Иванский Андрей Никитич (род. 1791), агрономический писатель, коллеж. ассес., помещик Крапивенского уезда.

77. Дроздов Алексей Васильевич, профессор философии Тульской семинарии.

78. Дроздов Афанасий, епископ Саратовский, уроженец Белевского уезда, сын священника, окончил Тульскую семинарию, Московскую духовную семинарию, автор богословских сочинений и переводов.

79. Дурнова Мария Сергеевна, рожденная Грибоедова, чернская помещица, славившаяся музыкальным дарованием.

80. Евгенов Иван Иванович, (ум. 1830), старший учитель Тульской гимназии, сын священника. Окончил Костромскую семинарию (1806), Санктпетербургский педагогический институт. Скончался от холеры. Соч.: «Краткое начертание древней географии», «Краткое руководство к познанию географии» (М., 1824), «Речь о способах лучшему образованию» (Вестник Европы. 1824. № 22), «Краткая арифметика».

81. Елагин Александр Николаевич (род. 1815), надвор. совет., камер-юнкер, тульский предводитель дворянства, попечитель гимназии.

82. Елагин Николай Алексеевич (1822—1876), издатель документов «Белевская вивлиофика» (2 т. М., 1858), коллеж. секретарь, служил в М-ве иностранных дел, одоевский, чернский и белевский помещик.

83. Елагин Николай Павлович (род. 1802), статс. сов., помещик Каширского уезда, печатал статьи в ж. «Телеграф», «Московский Вестник», «Вестник Европы», составлял статистическое описание Каширского уезда, его исторических древностей.

† 84. Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), выдающийся русский поэт, уроженец Белевского уезда, тайн. сов., член Академии наук и многих других ученых обществ, создатель романтического направления в русской литературе, до отъезда за границу (1841) неоднократно бывал в Тульской губ., подолгу жил в Белеве, с. Мишенское Белевского уезда, Туле.

85. Залесский К. В., автор «Статистического обозрения Тульской губернии» (1850, рукопись).

86. Запольский Петр Иванович, губернский казначей (1788), коллеж. ассес.

87. Зеленецкий А. Г., преподаватель географии Тульской семинарии, инспектор тульских духовных училищ, автор работ краеведческого характера, опубликованных в «Тульских губернских ведомостях»: «Взгляд на Чернский уезд в хозяйственном отношении» (1854. 16, 23 окт. № 42—43), «Описание г. Черни и уезда» (1850. 14, 21, 28 янв., 4, 11 фев. № 2—6), «О языке и выговоре простого народа в Черном уезде» (1854. 2, 9, янв. № 1—2) и др.

88. Зелятров Семен (Стефан) (ум.1846), архимандрит, ректор Тульской, Казанской и Воронежской семинарий, сын пономаря Тульской епархии. Образование получил в Тульском духовном училище и семинарии, Петербургской духовной академии (1825). Преподавал в Смоленской, Московской семинариях, с 1832 г. ректор Тульской, с 1833 — Казанской духовной семинарии, с 1841 — Воронежской. В сборнике «Некоторые упражнения студентов Санктпетербургской духовной академии 6 курса» (Спб., 1825. ч. 4) напечатано рассуждение Стефана «О сходстве Ветхого и Нового Заветов, их различии и превосходстве Нового».

89. Зонтаг Анна Петровна (1785—1864), автор детских книг, рожденная Юшкова, помещица Белевского уезда. Из сочинений особой успех имела «Священная история для детей, выбранная из Ветхого и Нового Завета», «Волшебные сказки» (1868), «Подарок детям» (1861) и др. Друг В. А. Жуковского, оставила воспоминания о его детских годах — «Воспоминания о Жуковском» (Москвитянин. 1852. № 18).

90. Иванов Иван, казначей тульского уездного казначейства, подпоручик, автор переводов с фр. яз.: «Жизнь Бюффона, Владельца Монтбардского, Маркиза Ружемонского, виконта Квинского, владельца Майрии, Гаранса, Берга, и других мест...» (Спб., 1794), соч. Ж. Лакомба «Краткая летопись о северной истории или о государствах Датском, Российском, Шведском, Польском, Прусском, Курландском и проч...» (ч. 1. Спб., 1794).

91. Иванов П. И.

92. Ивашкин Федор Алексеевич (1815—1878), заседатель тульской гражданской палаты (1848), посредник при размежевании 1856—1860 гг., тайн. сов., богородицкий помещик.

93. Ильин Иван Силич, заседатель тульского совестного суда, секунд-майор, автор перевода с фр. яз.: Л. С. Мерсье «София, нравоучительная повесть, или Люди, каких мало бывает» (М., 1789).

94. Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк, общественный деятель, юрист, педагог, публицист. Помещик Тульской губ. Участник подготовки отмены крепостного права. Соч.: «Записка об освобождении крестьян в России» (1855), статьи в «Санктпетербургских ведомостях», «Северном вестнике», «Вестнике Европы» и др.

95. Казаков (Козаков) Михаил Андреевич, артиллерийский сержант, дворянин Тульской губ., автор (вместе с И. В. Рыкачевым) перевода соч. Дильтея Ф. Г. «Детский атлас...» (см. выше).

96. Казаринов Виктор Павлович (род.1812), редактор «Тульских губернских ведомостей», дворянин Тульской губ.

97. Каменский Д. М., тульский священник.

98. Каменский Петр Михайлович, генерал-майор, после отставки жил в Туле.

99. Карамышев, артилл. капитан, бывший чернский помещик, библиофил.

100. Карцев.

101. Картавец Александр Афанасьевич, белевский предводитель дворянства, флота капитан 2-го ранга.

102. Картавец Иван Петрович (род. 1796), чернский помещик.

103. Кеппен Петр Иванович (1793—1864), академик, статистик, этнограф, автор книги «Города и селения Тульской губернии в 1857 г.» (Спб., 1858).

104. Кинязев Анисим Титович, действ. стат. сов., белевский помещик.

105. Киреевский Василий Иванович (ум. 1812), помещик Белевского уезда, потомок старинного дворянского рода, занимался медициной, химией, издал несколько переводов; автор соч.: «Кодр: Драматический отрывок» (М., 1799), «Елисавета: Драматический отрывок» (М., 1800) и др. Во время войны 1812 г. занимался организацией госпиталя в Орле, в результате чего заразился тифом и умер.

106. Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства, уроженец Белевского уезда, почетный смотритель белевских училищ. Издавал ж. «Москвитянин» (1845), автор многочисленных статей, опубликованных: «Полное собрание сочинений» (2 т. М., 1911).

107. Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), русский фольклорист, археограф, публицист, уроженец Белевского уезда. Собрал тысячи народных песен, былин: «Песни, собранные П. В. Киреевским» (10 т. 1860—1874), издал переводы соч. Байрона «Вампир» (М., 1828), Кальдерона «Трудно стеречь дом о двух дверях. День первый» (Моск. вестник. 1828. № 19—20) и др., задумал издание «Исторической библиотеки», но не успел завершить работу.

108. Кисленская Анна Васильевна, ефремовская помещица.

109. Кологривова Елизавета Васильевна (псевдоним Фан-Дим) (род. ок. 1815), писательница, урожденная Попова, полковница, помещица Ефремовского уезда. Получила домашнее образование, первый литературный опыт — повесть «Голос за родное» (Маяк. 1841; отд. изд.: Спб., 1842 и 1843). Соч.: «Два призрака, роман» (4 ч. Спб., 1842), «Александрина, небольшой роман, взятый из записок Юрия З.» (Библиотека для чтения. 1843. Т. 56), перевод Данте А. «Божественная комедия. Ад» (Спб., 1842).

110. Колычев Василий Петрович (1736—1794), писатель-просветитель, происходил из старинной дворянской семьи, помещик Тульской губ., служил, участвовал в Семилетней (1756—1762) и русско-турецкой (1768—1774) войнах, поручик, после выхода в отставку жил в родовом имении Одоевского уезда. Соч.: «Труды уединения В. К.» (М., 1781), «Театр В. К.» (М., 1781).

111. Комаров Дмитрий Трофимович, помещик Тульского уезда.

112. Костомаров Иван Алексеевич (1791—1837), профессор Московской медико-хирургической академии, известны его переводы: Купер «Начертание практической хирургии, излагаемой в настоящем ее состоянии на началах Патологической и Хирургической Анатомии» (5 ч., М., 1824—1825), Бейли «Патологическая анатомия» (М., 1826).

113. Кречетов В. И.

114. Кривцов Николай Иванович (1791—1843), из дворян Орловской губ. Принимал участие в войне 1812 г. и заграничных походах. В Петербурге (с 1817 г.) близко общался с Карамзиным, Жуковским, Вяземским, Пушкиным. Служил в министерстве иностранных дел, послом в Лондоне (1818—1821). В 1823—1824 гг. был тульским гражданским губернатором. Брат декабриста С. И. Кривцова. Член Московского общества испытателей природы. Издан заграничный дневник Н. И. Кривцова (Рус. архив. 1890. Т. 1), составил собственный проект освобождения крестьян (рукопись).

115. Крылов Симеон, тульский епископ, архиепископ ярославский, член Святейшего Синода.

116. Крюков Александр Павлович, дворянин Тульской губ.

117. Крюкова Ольга, дворянка Тульской губ.

118. Лангер Карл Иванович, инспектор Тульского Александровского дворянского училища (в дворянском сословии Тульской губ. не числился).

119. Левшин А.

120. Левшин Алексей Ираклиевич (1799—1879), писатель, ученый-географ, государственный деятель, тайн. сов., ефремовский помещик, тульский губернский предводитель дворянства (1844—1846), автор соч.: «Письмо из Малороссии» (Харьков, 1816), «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» (Спб., 1832).

121. Левшин Василий Алексеевич (1746—1826), писатель, помещик Белевского уезда, поручик, участвовал в турецкой кампании 1786 г., в 1772 г. вышел в отставку. Член Вольного экономического общества, Санктпетербургского филантропического общества, Общества испытателей природы, Вольного общества любителей российской словесности, наук и художеств, Московского общества сельского хозяйства, Королевского Саксонского экономического общества и Неаполитанской академии наук. Наиболее известные соч.: «Русские сказки» (10 ч. М., 1780—1785), «Труды Василия Левшина» (2 ч. М., 1796), «Исторические, статистические и камеральные известия, относящиеся до Тульской губернии» (Политический журнал. 1807. ч. 1. кн. 1, 2; ч. 2. кн. 1, 2, 3; ч. 3. кн. 1; ч. 4. кн. 1, 2, 3) и мн. др.

122. Левшин Владимир Васильевич (род. 1766), полковник (1836—1840), сын В. А. Левшина (см. выше), помещик Белевского уезда.

123. Левшин Николай Гаврилович (1788—1845), майор, поме-

щик Чернского уезда, автор записок «Домашний памятник» (Рус. старина. 1873. Июль).

124. Левшин Федор Алексеевич, белевский помещик.

125. Линк Иван Васильевич (1813—1864), ученый-статистик, титул. сов., род. в Туле. Окончил Московский ун-т (1834), служил в министерстве внутренних дел. Соч.: «Материалы для статистики Российской империи» (2 кн. Спб., 1837—1840) — кн. 2: «Историко-статистический взгляд на города Тульской губернии».

126. Лодыженский Павел Александрович (род. 1800), новосильский помещик, гвардии поручик, музыкант.

127. Лопухин Иван Владимирович (1756—1816), известный мистик, писатель, основатель тайной масонской типографии, издатель масонской литературы, сотрудничал с Н. И. Новиковым, помещик Тульской губ. Автор многочисленных масонских сочинений: «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов» (1790), «Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости» (1791), «Записки» (1860), др.

128. Лукин Петр Илларионович, доктор медицины (1826), статс. сов., ординарный профессор Санктпетербургской медико-хирургической академии (1829), богородицкий уроженец. Соч.: «Эпизоотические болезни» (Спб., 1836), «Зоофармакология» (Спб., 1837), «Практический конский и скотский лечебник» (Спб., 1837—1838) и др.

129. Мазарович Семен Иванович, статс. сов. (1836), член Московского общества испытателей природы, помещик Тульского уезда.

130. Майер Франц Христианович (1763—1860), писатель-агроном, известный практический сельский хозяин. В 15 лет приехал в Россию. В имении помещиков Шатиловых с. Моховое Новосильского уезда служил управляющим, развел лесные плантации, лесной питомник, из которого снабжал саженцами хозяев Тульской, Орловской, Рязанской и др. губ. Основатель степного лесоразведения, улучшил ряд сельскохозяйственных орудий. Написал много статей по вопросам сельского хозяйства, которые вошли в «Полное собрание сочинений Ф. Майера» (3 т. 1850), статьи в «Трудах Вольного экономического общества». Член Тульского губернского статистического комитета.

131. Малинин Дмитрий Федулович, тульский протоиерей, законоучитель Тульского Александровского военного училища.

132. Мещеринов Иван Ильич, агрономический писатель, помещик Чернского уезда.

133. Миллер Густав Васильевич, статс. сов., доктор медицины, инспектор тульской врачебной управы.

134. Михайловский М. И.

135. Минина Екатерина Егоровна, урожденная Михэль, чернская помещица, славилась музыкальным дарованием.

136. Михайлов Михаил Алексеевич (род. 1811), архитектор Тульского оружейного завода, коллеж. ассес. (1848), библиофил.

137. Михэль Егор Константинович, исправлял придворную должность, действ. статс. сов, чернский помещик, славился музыкальным дарованием.

138. Молчанов Константин.

139. Мориц Карл Федорович, доктор медицины, надв. сов., старший лекарь Тульского оружейного завода (1841).

+ 140. Мяснов Павел Николаевич, тульский предводитель дворянства (1846), писатель и член ученых обществ.

141. Мясоедов Александр Дмитриевич, меломан, ефремовский помещик.

142. Мясоедов Александр Петрович, художник, помещик Епифанского уезда.

143. Мясоедов Григорий Андреевич (род. 1807), помещик Новосильского уезда.

✓ 144. Некрасов (Никольский) Яков Сергеевич (Исидор) (1799—1892), митрополит Новгородский, Санктпетербургский и Финляндский, сын дьяка, род. в с. Никольское Каширского уезда. Окончил Тульскую семинарию, Санктпетербургскую духовную академию (1825), ректор Орловской (1829) и Московской (1833) семинарий, архиепископ (1841), экзарх Грузии (1844). Член ученых обществ: Копенгагенского северных древностей, Императорского русского географического, Киевской, Санктпетербургской и Московской академических конференций, Академии наук, Комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства, Императорского русского археологического общества, Медико-хирургической академии, Санктпетербургского и Московского ун-тов. Из печатных работ имеются только «Слова и речи» (отд. т. Спб., 1876).

✓ 145. Ненарокомов Уар Сергеевич (ум. 1811), профессор богословия, тульский кафедральный протоиерей, преподаватель Тульской духовной семинарии, отличался даром импровизации на латинском языке, прекрасный оратор.

+ 146. Нечаев Степан Дмитриевич (1792—1860), директор училищ Тульской губ. (1817—1823), помещик Епифанского уезда. Член Союза Благоденствия (с 1818), к следствию по делу декабристов привлечен не был. Под руководством Нечаева в Тульской губ. была создана сеть уездных и приходских училищ, открыты школы взаимного обучения для народа, была сделана попытка возродить тульский театр, издавать местную газету. Служил в канцелярии московского губернатора (с 1824), принял активное участие в устройстве Дома трудолюбия, Глазной больницы, работал в Комитете для рассмотрения подаваемых на Высочайшее имя прошений. В 1833 г. стал обер-прокурором Синода, но в 1836 г. был смещен. Назначен сенатором, тайным советником. Завел в Москве детские приюты, больницу для тифозных, организовывал помощь голодающим. Был известен как поэт, член Московского общества испытателей природы, Общества любителей

российской словесности, Общества истории и древности российских. Печатался в декабристских изданиях, журналах. Опубликовал статьи о Куликовом поле и др.

147. Несторов Василий Константинович, писец (1629).

148. Нюбек, штабс-лекарь, имел врачебную практику в Туле, писал сочинения на медицинские темы, оставшиеся в рукописях.

149. Обаленский В. И.

150. Ознобишин Василий, писец (1629—1630).

151. Офросимов Михаил Александрович (1797—1868), генерал от инфантерии, чернский помещик, окончил Московский университетский благородный пансион, участвовал в русско-турецкой войне (1828—1829), войне с Венгрией (1849), Крымской войне (1853—1856), с 1864 г. московский военный генерал-губернатор, член Государственного Совета. Писал стихи, перевел с фр. яз. пьесы для театра: «Мальтийский кавалер», «Вертер, или Заблуждение чувствительного сердца», «Молодая вспыльчивая жена», «Дружба женщины» и др.

152. Офросимов Павел Александрович (род. 1800), судья совестного суда (1847—1852), штабс-капитан, помещик Чернского уезда.

153. Орлинский Евсевий, епископ Винницкий, ректор Санктпетербургской духовной академии, магистр, профессор богословия, уроженец Белевского уезда.

154. Перфильев Тимофей Ермолаевич, артиллерии подполковник, уроженец Белевского уезда.

155. Позднышев, архимандрит.

156. Покровский Иван Сергеевич, префект Тульской духовной семинарии (с 1802), кафедральный протоиерей, преподавал в семинарии философию и богословие, греческий и латинский яз. Автор рукописных богословских сочинений.

157. Покровский Феофилакт Гаврилович (1763 — ок. 1848), писатель, доктор философии, из духовного звания. Окончил Севскую семинарию, Санктпетербургскую учительскую семинарию. В 1786 г. определен учителем естественной истории, технологии, коммерческих наук в Тульское главное народное училище. В 1799 г. получил чин титулярного советника, в 1804 г. назначен старшим учителем Тульской гимназии, преподавал там политическую экономию и российскую словесность. В 1812 г. был отправлен в г. Данков Рязанской губ. с казенным имуществом гимназии. В 1808—1810, 1811—1812, 1816 и 1817 гг. исправлял должность директора училищ Тульской губ. В 1817—1820 гг. — директор гимназии и училищ Тверской губ. Корреспондент Вольного экономического общества, в 1795 г. доставил туда географический обзор Тульской губ. Первые опыты в литературе в 1796 г. в ж. «Приятное и полезное препровождение времени» статьи «Темный лес, или Чувство бедствий человеческих и благотворения» (ч. 12. С. 3—13). Соч.: «Созерцание природы со стороны ее экономии относительно к человеку» (Там же. Ч. 14; 1797. Ч. 15), «Ал-

ля, или Чувство приятности сельской жизни» (1797. Ч. 15), статьи в ж. «Иппокрена» (1799), «Уrania» — «Речь о пользе и преимуществе публичного воспитания детей, которое должно быть основано на просвещении разума науками и на образовании сердца добродетелью (Говорено при открытии Тульской губернской гимназии)» (1804. Третья четв.), «История Тульской губернии» (3 т., рукопись) и др.

158. Полонский Сергей Андреевич (род. 1791), флота капитан-лейтенант (1816), белевский помещик.

159. Поспелов Философ Алексеевич, надв. сов., член Тульского губернского статистического комитета.

160. Похвиснев Дмитрий Васильевич (род. 1796), статс. сов. (1836), венеvский уездный предводитель дворянства (1844—1849).

161. Похвиснев Михаил Михайлович (род. 1813), член Московского общества сельского хозяйства, ефремовский помещик, почетный смотритель уездного училища (1852).

162. Протасьев (Протасов) Алексей Иванович (Амвросий) (ок. 1762—1831), архиепископ Тверской и Каширский, епископ Тульский (1804—1816), известный проповедник. Изданы его многочисленные «Слова» (1856).

† 163. Протопопов Василий Михайлович (1770—1810), префект Тульской духовной семинарии (1800—1802), кафедральный протоиерей, в семинарии вел поэтический класс, преподавал древнюю географию. Автор ряда учебных пособий, од и речей, романов и переводов: «К чему может служить досужее время? Или Собрание сочинений и переводов в прозе и стихах Василия Протопопова» (М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789), «Лабиринт волшебства, или Удивительные приключения восточных принцев» (М., 1786), «Совершенная любовь, иносказательная повесть, сочиненная для тех, кои могут ею пользоваться или разуметь пользу ее, служащая иным сказкою, иным приятным упражнением времени, а для других нравственным поучением в стихах и прозе» (М.: Тип. Компании типографич., 1790), «Новая французская грамматика с прибавлением краткого словаря употребительных вещей, с изъяснением нужнейших и простейших разговоров, и с модными приветствиями, какие ныне употребляются в большом свете: Собранная из лучших иностранных писателей» (Спб., 1790) и др.

164. Протопопов Петр Сергеевич (род. 1784), полковник, помещик Епифанского уезда. Служил с 1803 г., участник войны 1812 г., получил ордена за Бородино, Малоярославец, участник заграничных походов 1813—1814 гг., с 1817 г. в отставке, епифанский уездный предводитель дворянства (1823—1827).

165. Пфеллер (Пфелер) Александр Иванович, полковник (1835), член Тульского губернского статистического комитета.

166. Радожицкий (Родожицкий) Илья Тимофеевич (1788—1861), генерал-майор артиллерии, директор Тульского оружейного завода

(1831—1838), писатель, ботаник. Участвовал в заграничных походах русской армии (1813—1815), турецкой войне (1829). Член Московского общества любителей садоводства, Комитета акклиматизации животных и растений и его Воронежского отдела, Московского общества испытателей природы. Соч.: «Всемирная флора» (15 т. с рисунками, рукопись), «Походные записки артиллериста с 1813 по 1816 г.» (4 ч. М., 1835), «Записки о походе в Азию в 1829—1831 г.» (Военный журнал. 1857. Кн. 1—6), статьи в «Отечественных записках» и др.

167. Ренкевич (Рынкевич) Ефим Ефимович, статс. сов., председатель палаты гос. имуществ, библиофил, дворянин Тульской губ.

168. Рожественский (Рождественский) Николай Федорович, статс. сов., доктор права, преподаватель Санктпетербургского ун-та, уроженец Тульского уезда. Автор многочисленных работ по праву.

169. Рознотовский (Разнатовский, Разнотровский) Андрей Васильевич (в конце 1730-х — после 1811), агроном-теоретик и практик, коллеж. сов. (1811), с 1798 г. жил в с. Александровка Ефремовского уезда и в Туле (1802—1806). Член Вольного экономического общества, Московского общества сельского хозяйства. В 1804 г. вместе с А. Т. Болотовым и Давыдовым составил для Вольного экономического общества «Хозяйственное описание Тульской губернии». Соч.: «Сельские работы и хозяйство Тульской губернии Богородицкого округа в сельце Александровке, лежащем между 53 и 54 градусами Северной широты и между 55 и 56 долготы земного шара» (Труды Вольного экономического общества. Т. 58. С. 231—270), «Новое земледелие, основанное на правилах тайного советника Иоанна Христиана Шубарта фон Клифельда» (7 ч. М., 1794—1800), перевод с фр. Г. Лети «История Елисаветы королевы аглинской» (3 т. Спб., 1795).

170. Россов (Дамаскин), епископ.

171. Русской-Бардин Герасим Антонович, тульский сочинитель.

172. Садовский Алексей Васильевич, редактор «Тульских губернских ведомостей», член Тульского статистического комитета (в дворянском сословии Тульской губ. не числился).

173. Сахаров (Моисей), архимандрит, ректор Тульской семинарии, уроженец Епифанского уезда.

174. Сахаров Иван Петрович (1807—1863), писатель, археолог, историк, этнограф, палеограф, тульский уроженец. Родился в семье священника, учился в Тульском духовном училище, Тульской семинарии (окончил в 1830 г.), медицинском факультете Московского ун-та. Положил начало изучению истории Тульского края. Служил врачом почтового департамента в Петербурге (с 1837), преподаватель Александровского лицея и училища правоведения в Петербурге (с 1840). Соч.: «История общественного образования Тульской губернии» (ч. 1. М., 1832), «Писатели Тульской губернии» (Спб., 1838), «Русские древние памятники» (Спб., 1842), «Сказания русского народа» (2 ч. Спб., 1837—1849), «Славяно-русские рукописи» (Спб.,

1839), «Обозрение славянской библиографии» (Спб., 1849) и др. Член Русского географического общества, Московского общества истории и древностей российских, коллеж. ассес. Библиографию работ краеведческого характера см.: Присенко Г. Проникновение в былое. С. 137—138.

175. Свечин Даниил, писец (1629).

+ 176. Свечин Николай Петрович, полковник, писатель, член Московского общества испытателей природы, белевский уездный предводитель дворянства. Соч.: «Всемирная хронология» (М., 1809), «Ефрем, Белевский живописец» (М., 1816), «Злой, в 5 действиях» (М., 1817), «Кто в кого родится, тому на том жениться, в 1 действии» (М., 1818), «Одоевский цирюльник, в 4 действиях» (М., 1823), «По усам текло, а в рот не попало, пословица» (М., 1821), «Час езды, в 1 действии» (М., 1816), «Что у кого болит, тот о том и говорит, в 1 действии» (М., 1819).

177. Свечин Павел Михайлович, ефремовский помещик.

178. Свечин, музыкант, ефремовский помещик.

179. Скорняков М. М., занимался русской словесностью, соч.: «Карло Карлини» (Библиотека для чтения. 1834), обладал музыкальным талантом (в дворянском сословии Тульской губ. не числился).

+ 180. Смирнов Михаил Алексеевич (Мефодий) (1761—1815), духовный писатель, епископ Тульский, архиепископ Тверской и Псковской, член Святейшего Синода, Академии наук, обучался в Московской славяно-греко-латинской академии, был ее ректором. Написал на лат. яз. историю первых веков христианства «Liber historicus» (М., 1805), издал «Краткие правила и словарь простого греческого языка» (1783 и 1795), принимал участие в составлении «Словаря Академии Российской», автор богословских трудов.

181. Собинина Авдотья Васильевна, белевская почетная гражданка.

182. Соколов Иван Дмитриевич.

183. Соколов Николай Иванович, уроженец тульский.

+ 184. Соколов Тимофей Савельевич (Тихон) (1724—1783), епископ Воронежский, уроженец Алексинского уезда, известный писатель-богослов. Соч.: «Краткие нравоучительные слова...» (Спб., 1783), «О истинном христианстве» (6 т. Спб., 1785), «Полное собрание сочинений Тихона» (15 т. 1801).

185. Соковнин.

+ 186. Сумароков Панкратий Платонович (1765—1814), журналист и поэт, издатель, помещик Каширского уезда. В юности жил в Москве, с 18 лет — в Петербурге. Сослан в ссылку в Тобольск (1786—1801), где занимался литературной деятельностью, стал издавать первый в Сибири журнал — «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» и др. В 1802 г. после амнистии поселился в деревне Тульской губ., но вскоре переехал в Москву, куда был приглашен в каче-

стве редактора «Журнала приятного, любопытного и забавного чтения» (1802—1804). Сотрудничал в периодических изданиях. Соч.: «Стихотворения Панкратия Сумарокова» (Спб., 1832), «Сочинения и переводы П. Сумарокова» (М., 1807), «Источник здравия, или Словарь всех употребительных снедей, приправ и напитков...» (М., 1800), «Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым» (М., 1809), и др.

+ 187. Сумароков Петр Панкратиевич, сын П. П. Сумарокова (см. выше), писатель, помещик Каширского уезда. Соч.: «Кокетство и любовь» (Московский телеграф. 1829), «Предупреждение», «Кольцо и записка» (Там же. 1830), «Вечер перед свадьбою», «Сиротка», «Первые уроки любви и славы» и др.

188. Сытин А. И., инспектор Тульской гимназии, надвор. сов. (1826), окончил Московский ун-т, автор переводов с фр. яз., учебных пособий.

+ 189. Тейльс де, Андрей Дмитриевич (1800—1870), агрономический писатель, член Тульского губернского статистического комитета, одоевский помещик, служил в гвардии, в 1830 г. одоевский уездный судья, позже занимался сельским хозяйством. После него осталось много рукописных мистически-масонских трактатов, семейные записки о предках. Составил «Ручную библиотеку для людей, употребительную по русскому сельскому хозяйству и по части домоводства» (кн. 1—7. 1838); статья «Земледелие в России» (Записки для чтения. 1869. № 1—3).

190. Тихменев Алексей Михайлович (род. 1790), помещик Алексинского и Чернского уездов, служил в берг-коллегии (1830), товарищем председателя Тульской уголовной палаты, издал брошюры философско-естественного характера, компилятивные. ✓

191. Токарев А. Г.

192. Токарев Николай Гаврилович, одоевский уездный предводитель дворянства (1841—1845), помещик Одоевского уезда. Перевел с фр. яз.: «Тайные наставления Фридриха II, Короля Прусского» (Спб., 1820). ✓

+ 193. Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), известный русский писатель, происходил из семьи помещиков Тульской губ., помещик Чернского уезда, неоднократно бывал в Тульской губ.

+ 194. Унгерн-Штеренберг Федор Борисович, барон, агрономический писатель, помещик Богородицкого уезда.

195. Успенский Петр Петрович, медико-хирург, уроженец тульский, действ. статс. сов., старший директор экспедиции государственных кредитных билетов (1847). Соч.: «Начальные основания Патологии, в пользу практических врачей и хирургов, издал Консбрух, пер. с нем. П. Успенский» (М., 1817), «Начальное основание Терапии, в пользу практических врачей, издал Консбрух, пер. с нем. П. Успенский» (3 ч. Спб., 1819—1822).

† 196. Федоров Василий Михайлович, драматург и стихотворец первой четверти XIX в., епифанский помещик. Служил по гражданскому ведомству в Москве, затем в Петербурге, биографических сведений о нем не имеется. Писал пьесы для театра: «Лиза, или Последствия гордости и обольщения» (1803) — подражание «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина, «Любовь и добродетель» (1803), «Клевета и невинность» (1805), «Правда глаза колет» (1821) и др. Перевел «Эзоповы басни» (2 ч. М., 1796), соч. Вегелина Ж. Ф. «Дитя географ, или Краткое введение в математическую и историческую географию и геометрию, разделенное на уроки, вопросы и ответы» (М., 1796).

197. Федоров Николай Николаевич (род. 1820), инженер-капитан (1842), тульский уроженец, дворянин Тульской губ.

† 198. Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт, писатель, публицист, религиозный философ, один из основателей славянофильства, помещик Тульского уезда, член Московского общества любителей российской словесности, член-корреспондент Петербургской академии наук (1856).

✓ 199. Хитров Т. Т., священник Благовещенской церкви г. Тулы, автор «Исторического, статистического и географического описания Тульской губернии» (рукопись сгорела во время пожара 1834 г.).

200. Ханжели (Ханджери) Григорий Александрович, князь, статс. сов., каширский помещик, ориенталист.

✓ 201. Хрушев Александр Дмитриевич (род. 1754), прокурор Тульского верхнего земского суда, действ. статс. сов. (1793), автор перевода соч. Беккария «О преступлениях и наказаниях» (СПб., 1806), вероятный автор соч. «Новая немецкая азбука с приобретением собрания нужнейших слов, легких стихотворений и приятных повестей, для употребления благородного российского юношества» (М., 1787).

202. Цвилленев Петр Иванович (род. 1810), артиллерии поручик, помещик Новосильского, Ефремовского уезда, «дилетант»⁴.

203. Челищев Никанор Иванович (род. 1781), надвор. сов., каширский помещик.

† 204. Чижев Николай Алексеевич (1799—1848), декабрист, флота лейтенант, участник восстания на Сенатской площади, из дворян Тульской губ., помещик Чернского уезда, окончил Петропавловское военное училище, в 14 лет начал службу на Черноморском флоте. Принял участие в полярных экспедициях Ф. П. Литке (1820), к Новой Земле (1821), служил в Кронштадте. После восстания декабристов осужден на пожизненную ссылку в Сибирь, в 1833 г. из Олекминска переведен рядовым солдатом в один из сибирских линейных батальонов, в 1840 г. получил чин прапорщика. В 1843 г. получил право поселиться в родовом имении под надзором полиции. Писал стихи, опубликовал ряд статей в ж. «Сын Отечества» (1822), в ссылке написал ряд стихотворений и баллад по мотивам якутского фольклора: «Нуча» (Московский телеграф. 1832), «Воздушная дева» и др.

205. Шаховской (Шаховский) Иван Леонтьевич (1776—1860), генерал от инфантерии, член Государственного Совета, помещик Чернского уезда. Участвовал в польской войне (1794), Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах (1813—1814), принял участие в подавлении польского мятежа (1831), возглавлял ополчение Петербургской губ. (1856), член Московского общества испытателей природы.

206. Шварц Павел Иванович (до 1785—1852), ученый-ботаник, помещик Белевского уезда. Был широко известен своими популярными оригинальными и переводными сочинениями по садоводству, доводству. Член Российского общества любителей садоводства, член-корреспондент ученого комитета министерства гос. имущества. Соч.: «Северный цветник, или Цветной садовник, содержащий подробное руководство к заведению цветов для нашего северного климата. Соч. Цигры, пер. с нем. П. Шварца» (М., 1817), «Краткое, ясное и подробное руководство к содержанию и разведению лучших цветных кустов и растений как тепличных, так оранжерейных и воздушных...» (М., 1821), «Описание Линнеевой системы... Собрал и издал П. Шварц» (М., 1827), «Новейшая латинская азбука» (М., 1834) и др. Издавал «Журнал Российского садоводства» (1833—1840. ч. 1—12).

207. Шеншин Павел Петрович (род. 1793), коллеж. сов., уроженец Одоевского уезда.

208. Шиманский Фаддей Станиславович, учитель Тульского Александровского корпуса.

209. Шуберский Эрнест Иванович (1795—1871), доктор философии, инженер путей сообщения, генерал-майор, заведовал Тульским оружейным заводом (1835). Образование получил за границей. Составитель проекта новой постройки Тульского оружейного завода после пожара 1834 г., член комиссии по постройке завода, заведовал гидравлическими и механическими работами, автор проекта Тульско-Орловского шоссе. Написал и подготовил к печати трактат о некоторых важных вопросах по эксплуатации железных дорог.

210. Щеглов Николай Тихонович (1800—1870), профессор Санктпетербургского ун-та, статс. сов., род. в Тульской губ. Окончил Тульскую духовную семинарию, Санктпетербургский ун-т (1823), преподавал в ун-те начертательную геометрию и физику, профессор Александровского лицея. Соч.: «Арифметика» (Спб., 1832), «Начальные основания физики» (2 ч. Спб., 1834), «Химия» (Спб., 1841), «Начальные основания алгебры» (Спб., 1853) и др.

211. Щепетев (Виталий), епископ Костромской, одоевский уроженец.

212. Щепотьев Павел Петрович (1788—1859), полковник артиллерии, одоевский помещик.

213. Языков Василий Александрович (род. 1794), прапорщик, уроженец Тульского уезда.

214. Языков Иван Александрович (1803—1854), подпоручик, помещик Тульского уезда.

215. Языков Михаил Александрович (род. 1811), статс. сов. (1866), управлял акцизными сборами в Калужской губ., уроженец Тульского уезда.

216. Языков Павел Александрович (род. 1798), действ. статс. сов., член кабинета Его Величества, уроженец Тульского уезда.

✓ 217. Языков Петр Александрович (род. 1800), инженер путей сообщения, генерал-лейтенант, профессор военной академии, уроженец Тульского уезда, автор книг военной тематики.

✓ 218. Яковлев Федор Евдокимович, уроженец Богородицкого уезда (в дворянском сословии Тульской губ. не числился). Автор соч.: «Обозрение XVI столетия, в отношении к успехам в науках и словесности» (М., 1825).

† 219. Якубович Андрей Федорович (1770—1840-е), литератор, председатель тульской палаты гражданского суда, род. в Тульской губ. (в дворянском сословии Тульской губ. не числился). Учился в Московском ун-те. Сотрудничал во многих московских журналах, писал стихи, рассказы: «Братодетская любовь» (1798) и др.

† 220. Якубович И., писатель, жил в Туле (в дворянском сословии Тульской губ. не числился).

† 221. Якубович Лукьян Андреевич (1805—1839), писатель, поэт, сын А. Ф. Якубовича (см. выше) (в дворянском сословии Тульской губ. не числился). Обучался в Московском университетском пансионе. Стихи печатал в ж. «Современник», «Сын Отечества», «Атеней», «Телескоп», «Северные цветы» и др. Некоторые стихи имели народный характер («Служивой»). Стихи хвалил А. С. Пушкин. Жил в крайней бедности.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Санктпетербургские ведомости. 1774. № 8. 28 генваря. С. 1.
2. Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. Май. С. 419—420. Подробнее см.: Глаголева О. Е. Тульская книжная старина: Очерки культурной жизни XVIII — первой половины XIX вв. Тула, 1992. С. 31—35.
3. Московские ведомости. 1781. № 88. 3 ноября. С. 704.
4. Санктпетербургские ведомости. 1774. № 8. 28 генваря. Прибавления. С. 2.
5. Библиотека для чтения. 1853. Т. 118. № 4. С. 94.
6. Андреев Н. Ф. Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям // Москвитянин. 1843. № 2. С. 581—625; его же. Дополнения к первой статье во второй книге «Москвитянина» на 1843 г. // Москвитянин. 1843. № 5. С. 275—281; его же. Дополнения к статье о Туле // Москвитянин. 1843. № 6. С. 535—549.
7. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738—1795. В 4-х тт. Спб., 1871—1873. Т. 2. С. 1059.
8. Там же. Т. 3. С. 1185—1186. Здесь и далее в квадратных скобках внутри цитат даны мои пояснения — О. Г.
9. Там же. Т. 3. С. 295.
10. Матвеев П. А. С. Хомяков: Биографический очерк. Из русской старины. Б. м., 1904. Отд. отт. С. 455—456.
11. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (далее ОР ГПБ), ф. 89, д. 111, л. 28 об.

ГЛАВА I

1. Первое полное собрание законов Российской империи. Т. XX. № 14652.

2. Центральный государственный военно-исторический архив России (ЦГВИА), ВУА 19121 а, л. 3.

3. Стрельбицкий И. Исчисление поверхности России в общем ее составе. Спб, 1889. С. 16.

4. ЦГВИА, ВУА 19121 а, л. 11—12; Крутиков В. И. Крестьянское движение в Тульской губернии в конце XVIII и первой половине XIX в. Тула, 1972. С. 11.

5. Крутиков В. И. Крестьянское движение... С. 18—23, 118.

6. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 6. Ч. 4. Тульская губерния. Спб., 1852. С. 61.

7. Бакулев Г., Соломенцев Д. Промышленность Тульского экономического района. Тула, 1960. С. 3, 32.

8. ЦГВИА, ВУА 19124, л. 4.

9. Военно-статистическое обозрение... С. 51, 61, 86.

10. Крутиков В. И. Крестьянское движение... С. 188—122.

11. Ашурков В. Н. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII — первой четверти XIX в. Тула, 1947.

12. Рудаков А. Экономика Тульской губернии в середине XIX в. // Тульский край. 1927. Январь. № 1(4). С. 50, 54.

13. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи... Ч.1. О Тульском наместничестве. Спб., 1781, карта Тульского наместничества 1781 г.; ЦГВИА, ВУА 19117, л. 29 об.; Военно-статистическое обозрение... С. 24—25, 82—86, 105—109.

14. Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1971. С. 100; Эйдельман Н. Я. Грань веков: Политическая борьба в России: Конец XVIII — начало XIX столетия. М., 1986. С. 11, 15.

15. Государственный архив Тульской области (далее ГАТО), ф. 51, оп. 1, т. 1, д. 856, л. 56—65; д. 400, л. 5; д. 654, л. 15—16.

16. Тульская областная универсальная научная библиотека им. В. И. Ленина. Инвентарный номер 2262 (далее ТУНБ с указанием номера).

17. Мясоедов Г. Хозяйственно-статистический обзор южной части Тульской губернии или уездов: Ефремовского, Новосильского, Чернского и Белевского // Труды Вольного экономического общества. 1849. Ч. 2. Отд. 2. С. 79; Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. С. 85—103 и др.

18. Кеппен П. И. Города и селения Тульской губернии в 1857 году. Спб., 1858. С. 16.

19. См., например: Тула. Памятники истории и культуры: Путеводитель. Тула, 1973; Уклеин В. Н. Змеится лентою дорога...: О зодчестве и зодчих (Алексин, Одоев, Белев). Тула, 1972; его же. От тульских засек

до Красивой Мечи: О зодчестве и зодчих. Тула, 1976; его же. От Оки до Куликова поля: О зодчестве и зодчих. Тула, 1970; его же. От Тулы до Поленова: О зодчестве и зодчих. Тула, 1981; Малеванов Н., Ефимов А. Алексин: Историко-экономический очерк. Тульское кн. изд., 1960; Малеванов Н. А. Ефремов: Город на Красивой Мече. Тула, 1976; Дунаев М., Разумовский Ф. В среднем течении Оки. М., 1982; Плотников А., Романчев В. Епифань. Кимовск. Тул. кн. изд., 1963; Новиков В. А. Чернь. Тул. кн. изд., 1958; Атласов А. Венев: Историко-экономический очерк. Тул. кн. изд., 1959; Никулин Н. Н. Богородицк. Тул. кн. изд., 1956; Тишин П. П. Белев: Очерк истории города и района. Тула, 1981; Андреев Г. П. Белев. Тул. кн. изд., 1958.

ГЛАВА 2

1. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия, относящиеся до Тульской губернии // Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света. 1807. Ч. 1, кн. 1, 2; Ч. 2, кн. 1, 2, 3; Ч. 3, кн. 1; Ч. 4, кн. 1, 2, 3. С. 138.

2. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 33.

3. Рудаков А. П. Очерки из истории Тулы и Тульского края / Изд. журнала «Новый Путь». Тула, 1923. С. 28; Малицкий П. И. Приходы и церкви Тульской епархии. Извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 1895. С. 19—20.

4. Андреев Н. Ф. Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям // Москвитянин. 1843. № 2. С. 581.

5. Евсина Н. А. Архитектурная теория в России второй половины XVIII — начала XIX века. М., 1985. С. 167.

6. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 716.

7. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия... С. 141.

8. По Тульскому краю: Пособие для экскурсий. Тула, 1925. С. 547.

9. ГАТО, ф. 187, оп. 1, д. 187, лл. 15—20; д. 206, лл. 15—22. Опись именина частично опубликована: Юркин И. Н. Тульский завод Демидовых по описи 1779 г.: последний «портрет» утраченного памятника материальной культуры России // Педагогические проблемы гуманитаризации высшего технического образования: Экспресс-информация из опыта учебно-научно-методической работы кафедры гуманитарного образования Тульского политехнического института: (Тезисы докладов на XXIX научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава ТулПИ). Февраль 1993. С. 6—9.

10. Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Тула, 1915. С. 155—156.

11. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия... С. 135.

12. Рудаков А. П. Очерки из истории Тулы... С. 30.

13. Андреев Н. Ф. Описание видов города Тулы, составленное Н. Ф. Андреевым, с рисунками, литографированными К. фон Шеле. Тула, 1856. С. 8, 12, 13; Ашурков В. Н. Страницы тульской старины: Очерки по истории Тулы: 1146—1917. Тула, 1988. С. 62—65.
14. ГАТО, ф. 148, оп. 1, д. 3, л. 35 об. Текст в круглых скобках принадлежит А. Тейльсу.
15. История Тульского оружейного завода. 1712—1972. М., 1973. С. 50; Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 20, 767—769.
16. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 117—120, 125.
17. Андреев Н. Ф. Описание видов города Тулы... С. 5-6.
18. Москвитянин. 1843. № 2. С. 589.
19. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 125.
20. Сахаров И. П. Достопамятности города Тулы и его губернии. Тула, 1914. С. 257—258; Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. М., 1850. С. 137; Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 71—73; Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 97—102.
21. Список населенных мест по сведениям 1859 года: XLIV. Тульская губерния / Изд. Центральным статистическим комитетом М-ва внут. дел. Спб., 1862. С. 32.
22. Глаголев А. Записки русского путешественника: В 4 ч. Спб., 1845. Ч. 1. С. 32.
23. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия... С. 54.
24. Болотов А. Т. Записки Андрея Тимофеевича Болотова: 1737—1796. Тула, 1988. В 2-х тт. Т. 2. С. 26—27.
25. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 609, 612, 777—778.
26. Там же. Т. 3. С. 1137, 1145, 1163, 1181 и др.; Любченко О. Н. Есть в Богородицке парк. Тула, 1984.
27. Глаголев А. Записки русского путешественника... С. 35.
28. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 140—142.
29. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 49—51.
30. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. С. 563.
31. Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 280—281; Уклеин В. Н. След времен минувших: О зодчестве и зодчих. Тула, 1991. С. 52—54.
32. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 143—144.
33. Уклеин В. Н. След времен минувших... С. 15—18, 41—45 и др.; см. также: Уклеин В. Н. От Оки до Куликова поля: О зодчестве и зодчих. Тула, 1970; Атласов А. Венев: Историко-экономический очерк. Тул. кн. изд., 1959; Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 216—220.
34. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 47, 49.

35. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 145—147.
36. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 67—69.
37. Уклеин В. Н. От тульских засек до Красивой Мечи... С. 18—19;
- Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 475—480.
38. ГАТО, ф. 148, оп. 1, д. 3, л. 36 об.
39. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 149—151.
40. ГАТО, ф. 148, оп. 1, д. 3, л. 36 об.
41. Краснопевцев И. Очерки города Одоева. Тула, 1896. С. 3.
42. Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 576—581
43. Краснопевцев И. Очерки города Одоева. С. 4.
44. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 75—77.
45. Краснопевцев И. Очерки города Одоева. С. 18.
46. ГАТО, ф. 148, оп. 1, д. 3, л. 37.
47. Краснопевцев И. Очерки города Одоева. С. 19—20.
48. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 132—133.
49. Новиков В. А. Чернь. С. 11; Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 704—707.
50. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 61.
51. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия... С. 62.
52. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 151—152.
53. Уклеин В. Н. Змеится лентою дорога... С. 136—150; Тишин П. П. Белев: Очерк истории города и района. Тула, 1981. С. 19; Андреев Г. П. Белев. Тул. кн. изд., 1958. С. 19—24; Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 145—170.
54. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 71.
55. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия... С. 134.
56. Там же. С. 134—137.
57. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 127—129.
58. Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 157.
59. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 129.
60. Там же. С. 129—130.
61. Уклеин В. Н. Змеится лентою дорога...: О зодчестве и зодчих (Алексин, Одоев, Белев). Тула, 1972. С. 7—41; Малеванов Н., Ефимов А. Алексин: Историко-экономический очерк. Тул. кн. изд., 1960; Дунаев М., Разумовский Ф. В среднем течении Оки. М., 1982. С. 115—134.
62. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия... С. 37—39.

63. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 37.
64. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 889.
65. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 137—140.
66. Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 393—395; Разумовский Ф. В. На берегах Оки: (От Серпухова до Каширы). М., 1988. С. 103—148.
67. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия... С. 44—45.
68. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 134—135.
69. Там же. С. 136—137.
70. Малеванов Н. А. Ефремов: Город на Красивой Мече. Тула, 1976. С. 4, 34.
71. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 53.
72. Уклеин В. Н. От тульских засек до Красивой Мечи. С. 130—132.
73. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия... С. 58.
74. Малицкий П. И. Приходы и церкви... С. 331—338.
75. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 131.
76. Там же. С. 132.
77. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 65.
78. Левшин В. А. Исторические, статистические и камеральные известия... С. 59—60.
79. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 147—149.

ГЛАВА 3

1. Лихачев Д. С. Культура древней Руси. Л., 1967. С. 25; Зезина М. Р., Кошман Л. В., Шульгин В. С. История русской культуры. М., 1990. С. 30.
2. Выражаю благодарность И. Н. Юркину, сообщившему мне сведения о школе. См. его публикацию: Юркин И. Н. Организация образования на Каширских железных заводах в XVII в. // Страницы истории народного образования Тульского края. Материалы конференции. Тула, 1993. С. 7—10.
3. Шереметев П. С. Народные учителя и учительницы в Тульской губернии: Историко-статистический отчет. Тула, 1898. С. 1—3; Соколов В. М. Исторический обзор народного образования в Богородицком уезде Тульской губернии. Тула, 1898. С. 10—13; Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии с 1800 по 1900 г. Тула, 1901. С. 19.
4. Наказ, 616. Дополнение к большому наказу. Цит. по кн.: Миропольский С. Школа и государство. Обязательность обучения в России: Исторический этюд. Спб., 1876. С. 46.
5. Севастьянов А. Н. Рост образованной аудитории как фактор раз-

вития книжного и журнального дела в России (1762—1800). М., 1983. С. 18; Зезина М. Р., Кошман Л. В., Шульгин В. С. История русской культуры. С. 151.

6. Сахаров И. П. История общественного образования Тульской губернии. М., 1832. С. 237; Центральный государственный исторический архив России (далее ЦГИАР), ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 73; Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 6; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII в. — первая половина XIX в. / Отв. ред. М. Ф. Шабаева. М., 1973. С. 144.

7. Соколов В. М. Исторический обзор народного образования... С. 13—16; Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 1166, 1208—1209.

8. ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 73 об.; Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 10.

9. ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 10, 16, 73 об., 79.

10. Болотов А. Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1875. С. 4.

11. Сахаров И. П. История общественного образования... С. 238; Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 15, 18; Лебедев Н. А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 г. Спб., 1875. С. 140, 156; Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ. Спб., 1874. С. 118; Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. № 23. Спб., 1809. С. 278—281.

12. Ашурков В. Н. Город мастеров: Очерки из истории Тулы с XVI в. до установления власти Советов. Тула, 1958. С. 64; Присенко Г. Н. Проникновение в былое. Тула, 1984. С. 30.

13. Сахаров И. П. Для биографии: Мои воспоминания // Русский архив. 1873. № 6. С. 901.

14. Петров В. В. Обзор двадцатипятилетней деятельности Московского земства: Попечение о народном образовании. М., 1892. С. 1; Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 г. включительно. Спб., 1849. С. 147.

15. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 15—19.

16. Периодическое сочинение... № 23. С. 278—279.

17. ГАТО, ф. 7, оп. 1, д. 665, л. 5 об.

18. Мартынов П. М. Время открытия казенных учебных заведений в Тульской губернии // Тульские губ. ведомости. 1872. № 12. Ч. неоф. С. 188.

19. Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. XVII. Спб., 1896. С. 330—331.

20. Петров В. В. Обзор двадцатипятилетней деятельности Московского земства... С. 2.
21. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 22.
22. Там же. С. 24, 36—38.
23. Там же. С. 26—33; ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 20, д. 15701, л. 10.
24. Зыбин С. А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. Т. 1. М., 1912. С. 340—342; Гамель И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 80.
25. Глаголева О. Е. А. Т. Болотов — ученый, писатель, энциклопедист // Вопросы истории. 1988. № 11.
26. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. С. 1093—1094; Т. 3. С. 102, 120—121, 431, 455, 469.
27. Там же. Т. 3. С. 628.
28. Там же. Т. 3. С. 766—769, 771, 1027, 1112—1113.
29. Там же. Т. 3. С. 1030, 1058; Т. 4. С. 69, 109, 111, 799, др.
30. Шереметев П. С. Народные учителя... С. V.
31. Иваск У. Частные библиотеки в России // Русский библиофил. 1911. № 8. С. 71; Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 1090—1119.
32. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 1166, 1208—1209; Т. 4. С. 114, 128—129, 309—311.
33. ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 101 об.—102.
34. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 1, д. 506, л. 4; ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 100.
35. Мартынов П. М. Село Мишенское, родина В. А. Жуковского // Тульские губ. ведомости. 1872. № 95. Ч. неоф. С. 1711; Власов В., Назаренко И. «Минувших дней очарованье». Тула, 1983. С. 22.
36. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 1116, 1178, 1191, 1286.
37. ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 100—108.
38. Власов В., Назаренко И. «Минувших дней очарованье». С. 19.
39. ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 10, 20 об. — 21; ГАТО, ф. 51, оп. 71, т. 1, д. 363.
40. Дружинин А. Г. Начальное образование... С. 15; ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 2, д. 1174.
41. Исторический взгляд на учреждение училищ... С. 143; Мартынов П. М. Время открытия казенных учебных заведений... с. 189; Лебедев Н. А. Исторический взгляд на учреждение училищ... С. 193. Лебедев на с. 192 указ. соч. показывает учреждение в Туле в 1829 г. кадетского корпуса, а на с. 193 — преобразование Александровского училища в кадетский корпус. Другими данными о существовании кадетского корпуса в 1829 г. мы не располагаем.
42. Сахаров И. П. Писатели Тульской губернии. Спб., 1838. С. 5—8;

Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. М., 1850. Прибав. С. 41—68.

43. Там же.

44. Андреев Н. А. Прогулка по Туле... С. 603; его же. Дополнения к статье о Туле... С. 539; Титов А. А. Материалы для био-библиографического словаря. М., 1892. С. 21; ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 1, д. 506, л. 4.

45. ГАТО, ф. 7, оп. 1, д. 24, 26, 32; Макаров Н. П. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем моя предсмертная исповедь. Ч. 1. Спб, 1881. С. 62—63.

46. ГАТО, ф. 7, оп. 1, д. 665, л. 4 об. — 5; Мартынов П. М. Время открытия казенных учебных заведений... С. 172.

47. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 17, д. 13637, л. 2, 30 об., 31.

48. Подробнее см.: Глаголева О. Е. Основатель народных училищ: Степан Дмитриевич Нечаев (1792—1860) // Гордость земли Тульской. Тула, 1991. Т. 2. С. 337—342; Мухина С. Л. Безвестные декабристы // Историч. записки. М., 1975. Т. 96.; Русский биографический словарь. Т. «Нааке-Накенский — Николай Николаевич Старший». Спб., 1914. С. 261—263.

49. Гершензон М. Отголоски 14-го декабря в Московском университете // Русская старина. 1910. Февраль. С. 345—346;

50. Подробнее см.: Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. С. 106, 107, 113—127 и др.

51. Об открытии ефремовского уездного училища см.: ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 1, д. 1136.

52. ГАТО, ф. 51, оп. 10, д. 1931. л. 1—2.

53. ЦГИАР, ф. 736, оп. 1, д. 47, л. 1 об.

54. ГАТО, ф. 51, оп. 10, д. 1931.

55. Там же, л. 66; ф. 90, оп. 1, т. 1, д. 1137, л. 1—2; ЦГИАР, ф. 736, оп. 1, д. 38, л. 2—3.

56. Нечаев С. Д. Письмо из Тулы // Вестник Европы. 1820. № 22. С. 146.

57. ЦГИАР, ф. 736, оп. 1, д. 38, л. 2—3.

58. Там же, ф. 733, оп. 91, д. 53, л. 1, 5—9 об.

59. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 20.

60. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 3, д. 2250, л. 1—1 об.

61. Там же, д. 2217.

61. Там же, ф. 90, оп. 1, т. 2, д. 1755.

63. Там же, ф. 90, оп. 1, т. 5, д. 4744, л. 2.

64. ЦГИАР, ф. 736, оп. 1, д. 47, л. 1; д. 38, л. 2—3.

65. Мухина С. Л. Безвестные декабристы. С. 243—245; ее же. Современник декабристов С. Д. Нечаев // Вопросы истории. 1983. № 10. С. 183—187; Толстой М. В., граф. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 98—99; Письма Митрополита Филарета к С. Д. Нечаеву // Русский архив. 1893. Кн. 1. С. 43.

66. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 39—44; Шереметев П. С. Народные учителя... С. 9.
67. Соколов В. М. Исторический обзор народного образования... С. 17—18.
68. ГАТО, ф. 3, оп. 1/1, д. 896, л. 1—4; Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 14.
69. ГАТО, ф. 3, оп. 1/1, д. 986, л. 3 об.; Сахаров И. П. Писатели Тульской губернии. С. 5-8; Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Прилож. С. 49—51; Андреев Н. Ф. Прогулка по Туле... С. 594—595; его же. Дополнение к первой статье... С. 280; Присенко Г. П. Проникновение в былое. С. 31—32.
70. Тульские епархиальные ведомости. 1862. № 24. С. 605—610.
71. Там же. № 2. С. 84—92; № 8. С. 424—427; № 20. С. 392—403; Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 19.
72. ГАТО, ф. 90, оп. 1, д. 506, л. 5 об.—6.
73. Там же, ф. 90, оп. 1, т. 20, д. 15701, л. 13; т. 28, д. 22158, л. 81.
74. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 10—11.
75. ГАТО, ф. 54, оп. 2, т. 2, д. 3182, л. 1.
76. Мартынов П. М. Время открытия казенных учебных заведений... // Тульские губ. ведомости. 1872. № 12. Ч. неоф. С. 189.
77. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 11—12; ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 16—20.
78. ГАТО, ф. 51, оп. 1, д. 1977; ф. 90, оп. 1, т. 1, д. 506, л. 5; Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 19—20, 24—25, 50.
79. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 45—50.
80. Там же. С. 76. Данные приводятся по 8 уездам Тульской губернии (Богородицкому, Веневскому, Епифанскому, Ефремовскому, Каширскому, Крапивенскому, Новосильскому и Чернскому уездам).
81. ГАТО, ф. 54, оп. 4, д. 1454, л. 1, 2.
82. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 5, д. 4744, л. 2.
83. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 16—17, 24, 26.
84. Там же. С. 51.
85. Золотов В. Исследование грамотности... С. 170. Примеч.
86. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 27; Шереметев П. С. Народные учителя... С. 7—8.
87. ЦГИАР, ф. 733, оп. 9, д. 768, л. 1—3 об.
88. Зыбин С. А. История Тульского ... оружейного завода. С. 145.
89. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 5, д. 4744, л. 2.
90. ГАТО, ф. 54, оп. 3, д. 1615, л. 16; ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 79.

91. Зыбин С. А. История Тульского... оружейного завода. С. 340—342; Гамель И. Описание Тульского оружейного завода... С. 80.

92. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 28, д. 22159, л. 23; Афремов И. Ф. Историческое обозрение... С. 237; Дружинин А. Г. Начальное образование... С. 34.

93. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 114; ГАТО, ф. 3, оп. 28, д. 324, л. 1.

94. Фадеев А. В. Идеиные связи и культурная жизнь народов дореформенной России. М., 1966. С. 52.

95. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 1, д. 506, л. 3 об.; Списки населенных мест по сведениям 1859 г. Изд. Центральным статистическим комитетам М-ва внут. дел. Тульская губерния. Спб., 1862. С. 14.

96. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 1, д. 506, л. 3 об.; Списки населенных мест... С. 32.

97. Соколов В. М. Исторический обзор народного образования. С. 19—20; Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 20.

98. Дружинин А. Г. Начальное образование... С. 52, 76; Петров В. В. Обзор двадцатипятилетней деятельности... С. 9—10; Миропольский С. Школа и государство... С. 64—65.

99. Севастьянов А. Н. Рост образованной аудитории... С. 31. Автор выводит данное соотношение, беря во внимание число получивших образование только в государственных училищах и школах (в том числе, и в Тульском главном народном училище), не считая учащихся домашних школ из-за низкого уровня полученного таким путем образования. Однако, для Тульской губернии последней четверти XVIII в. без учета домашних учебных заведений вообще невозможно говорить о развитии образования, т.к. появившиеся в 1780-х гг. государственные учебные заведения не имели здесь решающего значения.

100. Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии... С. 33—39, 54—76. Дружинин дает подсчеты по 8 уездам губернии, однако сюда не включены Тульский и Алексинский уезды, наиболее развитые в промышленном отношении и, следовательно, с большим процентом грамотного населения.

101. Соотношение выведено следующим образом: зная процент грамотных среди сельского и городского населения, а также процент дворянства среди населения губернии (0,9% в 1859 г.), получаем общее число грамотных в губернии примерно 41900 человек и число грамотных взрослых дворян (около 70% — исключая детей до 15 лет) — примерно 6700 человек.

102. Севастьянов А. Н. Рост образованной аудитории... С. 28.

103. Извлечение из отчета по Московскому учебному округу за 1862 г. // Журнал М-ва нар. просвещения. 1863. Октябрь. Ч. СХХ. Отд. 2. С. 384—385; Золотов В. Исследование грамотности по деревням... // Там же. Отд. 3. С. 169—189.

ГЛАВА 4

1. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 198.
2. Глаголева О. Е. А. Т. Болотов — ученый, писатель, энциклопедист // Вопросы истории. 1988. № 11; ее же. Ученый, писатель, энциклопедист: Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833) // Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края). Т. 2. Тула, 1991. С. 14—22; ее же. Тульская книжная старина. С. 52—53, 69—85 и др.; Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся деятель науки и культуры: 1738—1833. М., 1988; Русский биографический словарь. Т. «Бетанкур — Бякстер». Спб., 1896. С. 181—184; Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 5. Спб., 1897.
3. Полную библиографию статей Болотова в трудах Вольного экономического общества см. в кн.: Андрей Тимофеевич Болотов: 1738—1833. М.: ЦНСХБ, 1984.
4. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 2. С. 616.
5. Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Н. Новиков. М., 1981. С. 104.
6. Государственная библиотека России, отдел рукописей (ГБР ОР), ф. 475, карт. 1, д. 6—11; карт. 2, д. 1—8; катр. 3, д. 1—4; Штранге М. М. Русское общество и французская революция. М., 1956. С. 68.
7. Подробнее см.: Присенко Г. П. Просветитель В. А. Левшин. Тула, 1990.
8. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 397; Т. 4. С. 108.
9. Присенко Г. П. Проникновение в былое. С. 12. Полную библиографию сочинений В. А. Левшина см.: Присенко Г. П. Просветитель В. А. Левшин. С. 88—92.
10. ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 1304, л. 4.
11. Петрова В. А. Вольное экономическое общество как проявление просвещенного абсолютизма. Канд. дис. Л., 1980. С. 152.
12. Северная пчела. 1826. № 105. С. 3.
13. Русский и западно-европейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 305; История русской драматургии XVII — первой половины XIX в. Л., 1982. С. 164.
14. ЦГИАР, ф. 733, оп. 118, д. 138, л. 1—2.
15. Левшин В. А. Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч. 13—16. Перепечатано в отрывках в кн.: Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в. М., 1977. С. 71—90. Цит. по посл. изданию. С. 80—82, 88—90.
16. ГБР ОР, ф. 268, д. М., 969, л. 5.
17. Петрова В. А. Вольное экономическое общество... С. 150.
18. Андреев Н. Ф. Дополнение к первой статье во второй книге «Москвитянина» 1843 года // Москвитянин. 1843. № 5. С. 278.
19. Русский биографический словарь. Т. «Лабзина — Лященко». Спб., 1843. № 5. С. 278.

20. ЦГИАР, ф. 91, оп. 1, д. 57, л. 364 об.—365.
21. ЦГИАР, ф. 1375, оп. 1, д. 53, л. 101 об., № 102.
22. Подробнее см.: Файнштейн М. Ш. Калужские издания П. С. Батурина // Книга и ее распространение в России в XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 132—139; Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. Т. 1. М., 1955. С. 236—237; Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984. С. 93—94; Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 282—286.
23. Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. С. 8—17, 131—133.
24. Голос минувшего. 1928. № 1-9.
25. Лонгинов М. Мартинисты и их противники (1785—1790) // Современник. 1857. № 3. Март. С. 252—264.
26. Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 48.
27. Орлов В. Н. Русские просветители: 1790—1800 гг. М., 1950. С. 36.
28. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 94—95.
29. Сахаров И. П. Достопамятности города Тулы... С. 46—47.
30. ГАТО, ф. 3, оп. 1/1, д. 896, л. 3. Именно ему принадлежат сочинения, указанные Лонгиновым.
31. Голомбиевский А. А. «Святая могила». Биографические заметки о С. В. Колычеве // Русский архив. 1904. Кн. 3. № 12. С. 565.
32. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 1190—1191.
33. Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 279—280.
34. Цит. по кн.: Светлов Л. Б. Писатель-вольнодумец XVIII века. В. П. Колычев // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 3. М., 1956. С. 247—252.
35. Перепечатано в кн.: Русские просветители (от Радищева до декабристов). Т. 2. М., 1966. С. 363—372.
36. Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. Спб., 1883; Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918; Бессараб М. Я. В. А. Жуковский. Книга о великом русском поэте. М., 1975; Семенко И. М. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. М., 1975 и др.
37. Власов В. А., Назаренко И. И. «Минувших дней очарование» (В. А. Жуковский в Приокском крае). Тула, 1979; 2-е изд.: Тула, 1983; Милов Н. А. Русские писатели и Тульской край. Тула, 1971. С. 80—91; его же. Тульский край в рисунках В. А. Жуковского. Тула, 1978; Тарасов Н. П. В. А. Жуковский и Тульский край // Литературная Тула. Кн. 11. Тула, 1955. С. 176—192; Зонтаг А. П. Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского // Рус. мысль. 1883. № 2. С. 266—285.
38. Андреев Н. Ф. Прогулка по Туле... С. 600—601
39. Зонтаг А. П. Воспоминания о В. А. Жуковском // Москвитянин.

1852. № 18; ее же. Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского.

40. Цит. по кн.: Бекетова Н. А. Зонтаг, Анна Петровна // Материалы по истории русской детской литературы: 1750—1855. М., 1927. С. 167.

41. Мнемозина. 1824. Ч. 3; перепечатано в кн.: Декабристы. М., Л., 1951. С. 269.

42. Вестник Европы. 1819. № 6. С. 151—152; 1825. № 2. С. 152—153.

43. Мухина С. Л. Современник декабристов С. Д. Нечаев. С. 183—187.

44. ГРБ ОР, ф. 178, п. 3-а, 1820, № 1—3; Московский телеграф. 1825. Ч. 1. № 4. С. 377—381; Вестник Европы. 1821. № 14. С. 125—129; № 24. С. 348—350; 1823. № 8. С. 307—311; ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 1, д. 621, л. 3 об., 21 об.

45. ГРБ ОР, ф. 231, разд. II, к. 22, д. 24, л. 18—20, 25.

46. Вестник Европы. 1820. № 22. С. 146—149.

47. Труды общества любителей российской словесности. 1820. Ч. 20. С. 87, 117—127.

48. См. публикацию: Демская А. Москва обязана ему музею. // Огонек. 1992. № 20—21. С. 31—33.

49. Северный архив. 1823. Март. № 5. С. 398.

50. ЦГИАР, ф. 735, оп. 1, д. 532, л. 6—7 об.

51. ЦГИАР, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 585, л. 3—4.

52. Нечаев С. Д. Письмо из Тулы. С. 147.

53. ЦГИАР, ф. 733, оп. 118, д. 473, л. 1—2 об.

54. Там же, л. 5.

55. Сахаров И. П. Для биографии: Мои воспоминания. С. 902.

56. Там же. С. 894, 898, 906—908.

57. Там же. С. 898.

58. Там же. С. 907—908.

59. Присенко Г. П. Проникновение в былое. С. 40.

60. Опубликовано в кн.: Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Т. 1. Тула, 1915.

61. ГАТО, ф. 147, 10 ед. хр. 1831—1852.

62. ГАТО, ф. 90, оп. 1, д. 23098, л. 1—5.

63. ЦГИАР, ф. 772, оп. 1, ч. 2, д. 4099, л. 1, 2, 7; ГАТО, ф. 738, оп. 1, д. 6. См. также: Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. С. 40—43.

64. Тульские губернские ведомости. 1844. 3, 10, 17, 24 марта. № 9—12; 1844. 5, 12, 19, 26 мая, 9, 16 июня, 14, 21 июля. № 18—21, 23—24, 28—29.

65. Там же. 1844. 7, 14, 21 января, 3 марта. № 1—3, 9.

66. Памяти И. Ф. Афремова (50 лет со дня смерти) // Тульская молва. 1916. № 2574. 16 июня. До нашего времени рукописи не дошли.

67. Сахаров И. П. Для биографии: Мои воспоминания. С. 898—899.

68. Подробно см.: Присенко Г. П. Проникновение в былое. С. 49—53.
69. Цит. по кн.: Соимонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971. С. 12.
70. Там же. С. 42. См. также: Парилова Г. Н., Соимонов А. Д. П. В. Киреевский и собранные им песни // Литературное наследство. Т. 79. М., 1968. С. 15—16.
71. Матвеев П. А. С. Хомяков. С. 456, 465.
72. Подробнее см.: Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. С. 91—95.
73. Кошелев А. Мои воспоминания об А. С. Хомякове // Русский архив. 1879. № 11. Кн. III. С. 265—272.
74. Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976; Янковский Ю. З. Патриархально-дворянская утопия. Страницы русской общественно-литературной мысли 1840—1950-х гг. М., 1981.
75. Милонов Н. А. Русские писатели и Тульский край. С. 194—200; Гречихина Ю. Современники Пушкина: А. И. Левшин и его книга «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей» // Альманах библиофила. Вып. 17. М., 1985.
76. О С. Н. Бегичеве см.: Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. С. 106—107, 113—127.
77. Акутин Ю. Автор «Семейства Холмских» // Альманах библиофила. Вып. 5. М., 1978. С. 145.
78. Декабристы-туляки. Приок. кн. изд., 1977. С. 22—41; Милонов Н. А. Русские писатели и Тульский край. С. 174—182; Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М., 1951; Поэзия декабристов. Л., 1954.
79. Цит. по ст.: Романов Д. М. И дум высокое стремление. Николай Алексеевич Чижов (1799—1848) // Гордость земли Тульской. С. 44.
80. Андреев Н. Ф. Прогулка по Туле... С. 611.
91. Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1—3. Берлин, М., 1876—1906. Т. 3. С. 229.
92. Андреев Н. Ф. Прогулка по Туле... С. 596.
93. ЦГИАР, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 2321.
94. Цит. по кн.: Штранге М. М. Русское общество и французская революция. С. 22.
95. Булыгин А. А. История города Тулы мещанина Абрама Булыгина о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах / Подготовка текста, вступ. статья, комментарии, послесловие И. Н. Юркина // Гонец. 1992. № 5. С. 19—30. В настоящее время И. Н. Юркин готовит книгу А. Булыгина отдельным изданием. См. также: Вольценбург О. Э. Жизнеописание тульского мещанина оружейника XVIII в. // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 3. Л., 1959. С. 93—100; Присенко Г. П. Проникновение в былое. С. 19—20.
96. Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук

(ОР БАН), ф. 69, Болотовы, д. 5, л. 26; Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 413.

97. Зыбин С. История Тульского... оружейного завода. С. 312—313, 350—355; Ашурков В. Н. Город мастеров. С. 62—63; Санктпетербургский вестник. 1778. Ч. 1. С. 341.

98. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 1166; Т. 4. С. 824; Ашурков В. Н. Город мастеров. С. 62; Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. Прибав. С. 45.

ГЛАВА 5

1. История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1; Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX в. Л., 1984.

2. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 720.

3. Подробнее см.: Тебиев Б. К., Коротков Э. В., Морозова Л. С. Тульский театр. Тула, 1977. С. 3—7; Тарасов Н. П. Из истории Тульского театра // Тульский альманах. Тула, 1948. Кн. 1. С. 189—195.

4. Мартынов И. Ф. К вопросу о русском книжном репертуаре второй половины XVIII в. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 197; Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом: Из семейной хроники 1770—1838 гг. Спб., 1914. С. 59.

5. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 1139—1140.

6. Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом. Спб., 1914. С. 81—82.

7. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 1179.

8. ОР ГПБ, ф. 89, Болотовы, д. 111, л. 28 об., 7, 18.

9. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 1206.

10. ОР ГПБ, ф. 89, Болотовы, д. 111, л. 4 об., 21 об.

11. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 104, 191; Из дневника Павла Болотова за 1789 г. // Музыка и музыкальный быт старой России. Т. 1. Л., 1927. С. 211, 207, 206; Тульские губ. ведомости. 1888. № 75. Ч. неоф. С. 2.

12. ОР ГПБ, ф. 89, д. 111, л. 125.

13. Благово Д. Рассказы бабушки. Спб., 1885. С. 30.

14. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 75.

15. См.: Вольценбург О. Э. Жизнеописание тульского мещанина... С. 93—100.

16. Эйдельман Н. Я. Грань веков. С. 68, 94, 96 и др.; Дынник Т. Крепостной театр. М., Л., 1933. С. 43; Массон К. Секретные записки о России. Т. 1. М., 1918. С. 5, 10 и др.

17. Подробнее см.: Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. С. 129—149.

18. ГАТО, ф. 51, оп. 9, д. 3170, л. 1—2.

19. Тебиев Б. К. и др. Тульский театр. С. 21.

20. ГАТО, ф. 147, оп. 1, д. 10; Сахаров И. П. Тульский летописец. Л. 16.

21. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 8, д. 7352, л. 38; Лавров И. И. *Сцена и жизнь в провинции и столице. 1830—1876.* М., 1889. С. 135—136, 139, 142—148.

22. Тебиев Б. К. и др. *Тульский театр.* С. 34.

23. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 8, д. 7351, 7352; оп. 1, т. 17, д. 14053, 14054; оп. 1, т. 19, д. 15048; Барбот де Марни Н. П. *Путевые заметки по Тульской губернии* // Библиотека для чтения. 1853. Т. 118. № 4. С. 125.

24. *Тульские губернские ведомости.* 1842. № 4. Ч. неоф. С. 14—16.

25. Барбот де Марни Н. П. *Путевые заметки...* С. 123—125.

26. См.: Тебиев Б. К. и др. *Тульский театр.* С. 31—32; Лавров И. И. *Сцена и жизнь...* С. 163.

27. Глаголев А. Г. *Записки русского путешественника.* С. 26—27.

28. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 1, д. 1120.

29. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 17, д. 14054; т. 21, д. 15837. Ср.: *История русской драматургии XVII — первой половины XIX в. Л., 1982.* С. 402—425.

30. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 23, д. 16913, л. 1—2.

31. Болотов А. Т. *Жизнь и приключения...* Т. 3. С. 867.

32. Там же. С. 904.

33. Там же. С. 867—877, 902—915; Привалова Е. П. А. Т. Болотов и театр для детей // XVIII век. Сборник 3. М., Л., 1958. С. 242—261; Сетин Ф. *Детский театр Андрея Болотова (1738—1833)* // Театр. 1973. № 9. С. 55—57.

34. Курмачева М. Д. *Крепостная интеллигенция в России: вторая половина XVIII — начало XIX в. М., 1983.* С. 85; Познанский В. В. *Очерки истории русской культуры первой половины XIX в. М., 1970.* С. 58; Дынник Т. *Крепостной театр.* С. 255.

35. Афремов И. Ф. *Историческое обозрение...* Прибав. С. 67; Болотов А. Т. *Жизнь и приключения...* Т. 4. С. 1298; *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. М., 1962—1967.* Т. 1. С. 244, 265; Т. 2. № 3537, 3550. С. 222; Т. 3. № 6396.

36. Карпинская Ю. Н. *Из семейной хроники* // *Исторический вестник.* 1897. Т. 70. № 12. С. 861—863.

ГЛАВА 6

1. Аронсон М. И., Рейсер С. А. *Литературные кружки и салоны. Л., 1929; Литературные салоны и кружки: Первая половина XIX в. / Под ред. Н. Л. Бродского. М., Л., 1930; Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда: Историко-краеведческий семинар. М., Л., 1928; Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в.: Исторический очерк. Спб., 1889; Краснобаев Б. И. Русская культура второй половины XVII — начала XIX вв. М., 1983 и др.*

2. Болотов А. Т. *Жизнь и приключения...* Т. 2. С. 300—301, 308.

3. Подробнее см.: Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся деятель науки и культуры. М., 1988.

4. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 1134.

5. Там же. Т. 3. С. 807, 842; Т. 4. С. 187, 194, 935 и др.

6. Там же. Т. 3. С. 807.

7. Там же. Т. 2. С. 604—605, 616, 633; Т. 3. С. 49, 820, 900—901, 1031, 1128; Т. 4. С. 757, 927—928, 1150 и др.

8. Там же. Т. 4. С. 329.

9. Там же. Т. 4. С. 114.

10. Опубликован частично: Из дневника Павла Болотова за 1789 г. // Музыка и музыкальный быт старой России. Т. 1. Л., 1927. С. 201—212.

11. Из дневника Павла Болотова... С. 205.

12. Там же. С. 207.

13. Цит. по кн.: Власов В. А., Назаренко И. И. «Минувших дней очарованье». С. 23.

14. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 853.

15. Гершензон М. Образы прошлого. М., 1912. С. 90.

16. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 1179.

17. Там же. С. 1150.

18. Тарасов Н. Из истории тульского театра. Ч. 1. С. 195.

19. Русская мысль. 1883. № 2. С. 267.

20. Гершензон М. Образы прошлого. С. 88—89.

21. Лясковский В. Братья Киреевские. Спб., 1899; Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968; Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. М., 1971.

22. Бартнев П. А. П. Елагина. Биографический очерк // Русский архив. 1877. Т. 2. № 8. С. 483—495; Кавелин К. Д. А. П. Елагина // Собр. соч. Т. 3. Спб., 1899; перепечатано в кн.: Русское общество 30-х гг. XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. Изд. МГУ, 1989.

23. Цит. по кн.: Парилова Г. Н., Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и собранные им песни. С. 13.

24. Литературные салоны и кружки. С. 326—331.

25. Кавелин К. Д. Собр. соч. С. 118.

26. Рабкина Н. А. Декабрист Г. С. Батеньков // Исторические записки. Т. 96. К 150-летию восстания декабристов. М., 1975; Старостина В. О. Могила поэта-декабриста Г. С. Батенькова (село Петрищево) // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Труды 58. Тульская область. М., 1977. С. 74—76.

27. Декабристы-туляки. Тула, 1977; Гордость земли Тульской. Т. 1. Тула, 1982. С. 9—44, 313—319.

28. Подробнее см.: Глаголева О. Е. Тульская книжная старина. С. 106—107, 113—127; Милонов Н. А. С. Н. Бегичев // Декабристы-туляки. Тула, 1977. С. 50—51; Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабри-

сты. М., 1947. С. 159, 174, 177 и др.; А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 4, 16, 24 и др.; Миловидов А., А. С. Грибоедов в с. Екатеринбургской Тульской губернии // По Тульскому краю. (Пособие для экскурсий). Тула, 1925. С. 596—598.

29. Раевская Е. И. (Бибикова). Епифанского уезда столпы-старожилы 1830-х гг. Рукопись // Гослитмузей. Отдел рукописей. ОФ 2893, с. 16.

30. Цит по ст.: Романов Д. М. Своей судьбой гордимся мы // Гордость земли Тульской. Т. 1. С. 30.

31. Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. Т. 2. М., 1963. С. 499—500.

32. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 9, д. 7708, л. 2 об.—3.

ГЛАВА 7

1. Глаголев А. Записки русского путешественника. С. 28—30.

2. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 806—808.

3. Там же. Т. 2. С. 604—605 и др.

4. Там же. Т. 3. С. 897.

5. ГАТО, ф. 147, оп. 1, д. 3, л. 49.

6. Броневский Н. Б. Из воспоминаний генерала Николая Богдановича Броневского // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 226.

7. ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 2, д. 1500 и 1506.

8. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 103.

9. Гослитмузей, ф. 155, ОФ 5987, л. 120, 135.

10. Мясоедов Г. Хозяйственно-статистический обзор... С. 240.

11. Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда в 1810 г. // Чтения Общества истории и древностей Российских. 1869. Кн. 3. С. 333—334.

12. Парилова Г. Н., Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и собранные им песни. С. 17.

13. Русский архив. 1879. Кн. III. № 11. С. 318—319.

14. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 1125.

15. Там же. Т. 3. С. 1134.

16. Глаголев А. Г. Записки русского путешественника. С. 30.

17. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 4. С. 877.

18. Болотов А. Т. Памятник протекших времен; или Исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1875. С. 44—45.

19. ГАТО, ф. 90, оп. 1, д. 615.

20. ГАТО, ф. 147, оп. 1, д. 3, л. 49—49 об., 55.

21. Краснопевцев И. Очерки города Одоева. Тула, 1896. С. 56—59.

22. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 53.

23. Краснопевцев И. Очерки города Одоева. С. 56.

24. Андреев Н. Ф. Прогулка по Туле... С. 589—590.

25. Глаголев А. Г. Записки русского путешественника. С. 23.

26. Андреев Н. Ф. Описание видов города Тулы. Тула, 1856. С. 24—25.
27. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 98.
28. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 68—69.
29. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 53.
30. Мясоедов Г. Хозяйственно-статистический обзор... С. 239—241.
31. Краснопевцев И. Очерки города Одоева. С. 84.
32. Цит. по кн.: Троицкий Н. И. Село Богучарово. Родина А. С. Хомякова: Историко-археологическая записка. Тула, 1914. С. 23.
33. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 167.
34. Глаголев А. Г. Записки русского путешественника. С. 26—27.
35. Андреев Н. Ф. Описание видов города Тулы. С. 11—15.
36. Глаголев А. Г. Записки русского путешественника. С. 23.
37. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С. 54.
38. Глаголев А. Г. Записки русского путешественника. С. 24—26.
39. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 715—717.
40. Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 9.
41. Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. 3. С. 718—728; Дильтей Ф. Г. Собрание нужных вещей... С. 9—23.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1. ТОКМ, архив, д. 13, л. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Источники: Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. М., 1850. Прилож. С. 41—54; Сахаров И. П. Писатели Тульской губернии. Спб., 1838; Андреев Н. Ф. Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям // Москвитянин. 1843. № 2; его же. Дополнение к первой статье во второй книге «Москвитянина» на 1843 г. // Там же. № 5; его же. Дополнение к статье о Туле // Там же. № 6; Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII—XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1: А—Е. Берлин, 1876; Т. 2: Ж—М. Берлин, 1880; Т. 3: Н—Р. М., 1906; ГАТО, ф. 147 (Сахаров И. П.), оп. 1, д. 2, л. 45; Русский биографический словарь. Спб., 1896—1918; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800: Т. 1—5. М., 1962—1967; То же. Дополнение. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975; Сопиков В. С. Опыт российской библиографии: Т. 1—5. Спб., 1904—1906; Смирдин А. Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина: Ч. 1—4. Спб., 1828; Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1—6. Спб., 1889—1897; Чернопяттов В. И. Родословец тульского дворянства. М., 1909 и др.

2. У Афремова показан тульским уроженцем: Афремов И. Ф. Исто-

рическое обозрение... Прибав. С. 45; в «Русском биографическом словаре» — родился в с. Чирковицы под Петербургом: Русский биографический словарь. Т. Дабелов — Дядьковский. Спб., 1905. С. 223.

3. У Афремова — родился в Туле: Афремов И. Ф. Историческое обозрение... Прибав. С. 45; в «Русском биографическом словаре» — в подмосковном селе Леонове: Русский биографический словарь. Т. Дабелов — Дядьковский. С. 223.

4. Выражение Афремова: Афремов И. Ф. Историческое обозрение... Прибав. С. 52.

ОГЛАВЛЕНИЕ

26. А
С. 24—2
27. В
28. Б
29. В
30. М
31. К
32. Ц
кова: Ис
33. Б
34. Г
35. А
36. Г
37. Е
38. Г
39. Г
40. Д
41. И
тей Ф. Г

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	55
ГЛАВА 4	81
ГЛАВА 5	117
ГЛАВА 6	129
ГЛАВА 7	139
ПОСЛЕСЛОВИЕ	159
ПРИЛОЖЕНИЕ	163
ПРИМЕЧАНИЯ	187

1. Т

1. Р
бернии
губерн
ее окр
вой ста
его же
вочны
столет
1876;
харов
1896—
XVIII
зыски
сийск
росси
Ч. 1—
варь |
тов В
2.

ГЛАГОЛЕВА О. Е.

РУССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ СТАРИНА
Очерки культуры и быта Тульской губернии

*

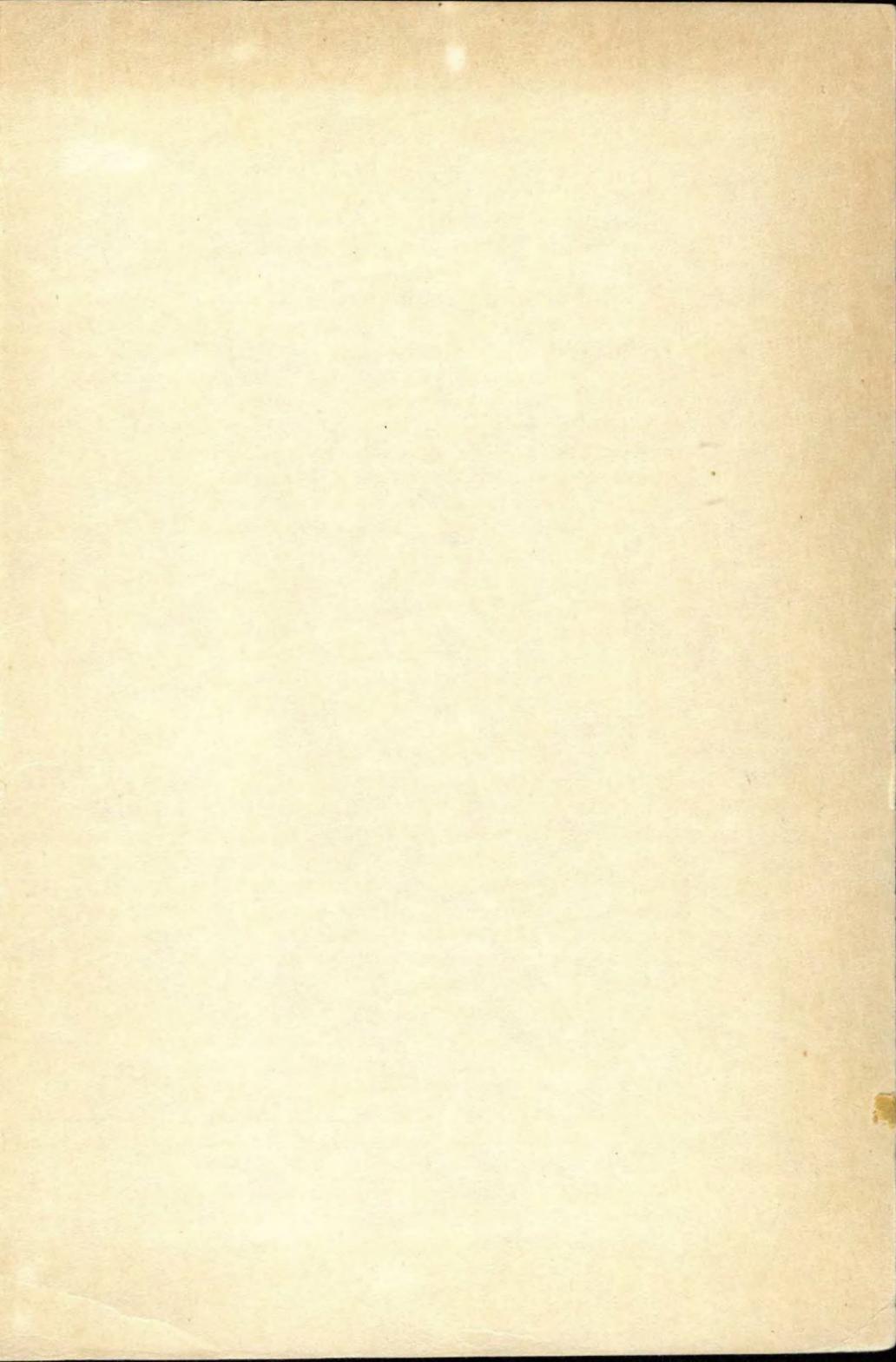
Редактор В. А. Ослон

Сдано в набор 10.04.93. Подписано к печати 28.05.93. Формат 60×84/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная. Гарнитура «Антиква». Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14,8. Тираж 4000 экз.

Заказ №

Издательство «Ритм»
ЛР № 070576

Оригинал-макет подготовлен А/О «Репроникс Лтд.»
300600, г. Тула, Красноармейский пр., 48, корп. 2.

5000-

22